

Заповедь новую даю вам

Протоирей Алексей ПОТОКИН

Обычно верующие наслышаны о 10 ветхозаветных заповедях и три-четыре из них сразу вспоминают: не убей, не укради, не завидуй, не прелюбодействуй. Иногда - возлюби Господа Бога всем сердцем, крепостью, силой и ближнего своего, как самого себя. Сам Христос говорил, что на этих двух заповедях основан Божий Закон.

Но большинство плохо знает заповеди Самого Христа. Он называет Себя Жизнью. Законы этой жизни отличаются от ветхозаветных. Там были заповеди для тлеющего, умирающего человека. А здесь - законы обновления, возрождения, воскресения. Новой жизни - в Нем.

Мы можем быть участниками этой жизни. Причем, не только как активные работники, но и как нищие: «Господи, помилуй, прости, подай!». Христос и таких не отвергает. Его как раз укоряли за то, что рядом с Ним находились грешники, мытари, блудницы. А Он свидетельствовал: «Нищие благовествуют».

Бог есть любовь. Любовь - вот естественное условие христианской жизни. До нас, плотских, грубых, неотесанных, ее проявления доходят через живые примеры, слова Сына Человеческого и Сына Божия. И все они свидетельствуют о жертвенной любви Господа к людям.

Начало христианских заповедей - пришествие Христа на землю. Он Вседостаточный. У Него нет ни в чем ущерба и нужды. Но Господь Себя утесняет, принимает на Себя человеческое тело, чтобы нам помочь, дать спастись, сделать, если мы захотим, причастниками Его жизни, блаженства и радости.

Из Ветхого Завета - через пророчества - мы узнаем: Бог обещал, что не оставит нас, пошлет нам Спасителя, Мессию. И в этом выражается еще один

закон Его жизни: Он не оставляет того, что Им создано. Даже ценой Собственных страданий и смерти.

Проповедь новых заповедей начинается еще до того, как Христос выходит на общественное служение. Он рождается на земле, вне человеческого жилища, находится в послушании у родителей. Несмотря на то, что безгрешен, а тело Его пречисто, проливает кровь на обрезании. Господь знает: когда Его Младенцем принесут в храм, то встретят и обрадуются Ему только два человека. Но Его отношение к миру от этого не меняется: «Я пришел взыскать (найти) и спасти погибшее».

И вот Он ищет. Одна душа найдется, вторая, третья. И к каждой Он относится особо.

Для тех, кто искал Бога, Его первая проповедь становится делом жизни. Богородица вчитывается в слова пророчества о Христе и говорит: «Как счастлива та Дева, Которая станет матерью Спасителя!» Старец Симеон, пастухи, волхвы приходят поклониться Ему с удивлением и недоумением.

Христос идет. И уже громко Пророк, Креститель и Предтеча Иоанн произносит: «Вот Агнец Божий, Который приносит Себя в жертву, даст Себя убить за грехи мира».

Его схождение на землю, Его Крещение - это проявление еще одного закона жизни Бога: «немощи немощных носить».

С нас грязь греховная омывается водой. Он чист, но входит в воды Иордана - и грехи людей принимает на Себя. Это начало Его служения. Причем, в Своих проповедях Господь учит тому, что уже совершил, выполнил Сам. В заповедях Христа мысль, слово и дело никогда не расходятся. Они едины. Его желания всегда осуществляются.

Отношение Господа к людям тоже можно считать новой заповедью. Раньше, до Его пришествия, мы могли только поскорбеть о том, что грешники. Но иной жизни нам неоткуда было взять. Христос приходит, говорит: «Покайтесь!» - и одновременно входит в воду Иордана, принимает Крещение от Иоанна Предтечи, все наши грехи берет на Себя. Вот образ Его действий.

Таким должен быть образ и наших действий. Если я хочу кого-то обличить, то мне нужно разделить горе этого человека, которое заключается в том, что он согрешил: «Господи, прости его, помилуй, спаси!»

Конкретная ситуация может быть, конечно, сложнее. Но одно ясно: нельзя подойти к кому-то и сказать даже внутренне: «Ты умрешь в своих грехах!» Можно обличить недостойный поступок и молить Спасителя о прощении грешника. Многие святые повторяли: «Грех ненавидь, а грешника люби».

И священник, когда накладывает на кого-нибудь епитимию (дает особое духовное задание), должен сам ее выполнять: а вдруг человеку это не по силам или он забудет? Надо же ему помочь. Христос поступал именно так. Говорил: «Делай!» - и Сам разделял эту работу.

Собственно, это соединение нашего покаяния с Его трудом выражено в Его словах: «Покайтесь, приблизилось Царство Небесное!» Это значит: Я готов вас принять такими, как есть.

Покаяние - начало отношений человека с Богом, с людьми, даже с нашими делами. Покаяние - честное свидетельство о том, что я из себя представляю и как могу жить. Вот и все. И потому оно нам доступно...

Когда мы рассчитываем только на собственные силы, то рано или поздно в своем развитии достигаем потолка: физического, умственного. Но человек может быть силен не только собственной силой или умом. Он может быть силен дружбой, например. А если это дружба с Богом, то его силы умножаются вдохновением. Евангелие прямо говорит, что это зависит от веры. Будет вера - и человек может передвигать горы, может стать совершенным, как Отец Небесный.

Для покаяния нет границ. Оно просто ставит вопрос в душе: как и кем ты хочешь жить? Если я отвечу: «Кое-как и кое-кем», - то совершу неправый суд над собой, предательство - откажусь от высоты своего призвания.

Господь каждому говорит: «Ты мне сын - и только сын». А мы отвечаем Ему по-разному: «Нет, мне хочется быть рабом... Или наемником... Или Твоим врагом».

А Бог не согласен видеть нас даже очень хорошими рабами. Мы для него - только сыновья. То есть те, кто владеет всем достоянием Отца. К сожалению, мы даже поверить не можем, что Господь нам вручает все, чем владеет Сам. Наше око не видело, ухо не слышало, на сердце не приходило то, что приготовил Господь людям, любящим Его.

Оказывается, наше сердце (мистически, хотя этого с нами никогда не было!) способно ждать, надеяться. Почему? Да потому, что упование и надежда заложены в покаянии. Оно стоит рядом с Царством Небесным. И все, чем я владею, чем живу, к чему причастен, достойно его. В малой степени мы это признаем. Но человек, оказывается, может весь жить могуществом, светом, благодатью Небесного Царства. Примеры таких жизней есть.

И тут важно: веруем мы или не веруем. Сказано: «По вере вашей да будет вам». Эта заповедь все время доводится до нашего сознания. Много раз мы слышим: Господь душу за нас кладет. Но нам-то надо это принять!

Кстати, первым не принял этого Иуда. Он не поверил, что имеет дело с Тем, кто готов за него положить душу. За такого, как есть, плохого, недостойного. Вопреки всему.

Предательство уже совершилось. А Господь говорит Иуде:

-Друг! Зачем ты пришел?

Может, Иуда понял это слово как издевательство. Но это была правда. Предал - и все равно друг.

Очень непросто верить в милостивую, добрую несправедливость Бога. Потому что у нас происходит по-другому. Мы то и дело возмущаемся:

-Господи, что ж ты несправедлив?! И того не наказал, и этого!..

Закон жизни сформулирован ясно и просто в словах Христа на Тайной вечери: «Заповедь новую даю вам: любите друг друга, как Я возлюбил вас!»

Он душу Свою за нас полагал. И эту Его заповедь мы называем «славой». «Слава» - жертвенная любовь Бога, а не Его заслуги или награды. Слава Божия - существо Его жизни. Та сила, которая Им движет.

Благодаря ей мы, грешники, предатели, теперь можем, если захотим, кого-то пожалеть, помиловать, простить.

Проповедь Христа началась такими словами: «Покайтесь, приблизилось Царство Небесное». После воскресения Он снова повторил эту заповедь.

Когда Господь умер, Он вошел в само существо, в тело греха - в смерть. И теперь нет такого места на земле и вне земли, которое не освящено Его присутствием. Спаситель дает нам возможность жить - всегда.

Заповедь о покаянии Он постепенно открывал на протяжении истории человечества. Ветхий человек тоже каялся, старался воздерживаться от зла. Но выхода из ветхости у него не было.

А у нас есть. Христос вошел в Иордан, принял на Себя человеческие грехи и дал нам возможность не просто каяться и очищаться от них. Он дал нам жить победой над злом. Или хотя бы сопротивлением злу.

Каким образом? После Крещения Спаситель сразу удалился в пустыню. Казалось бы, Он освободил от людей от грехов - и теперь достаточно объяснить им, как жить дальше. Но Господь делает то, что должны были бы сделать мы, грешные: Он Сам постится и встречает три искушения от дьявола.

Каждое преодоленное искушение - это тоже явление, раскрытие Его заповедей. Наш дом теперь может быть выметен, вычищен. И человек может жить «не хлебом единым... но всяким словом, исходящим из уст Божиих».

Это каждому придется проверить на опыте. Перед нами обязательно встанет выбор: что я ставлю выше - хлеб земной (пищу для тела) или хлеб небесный (службу Богу или другим душам)?

Мы знаем примеры из совсем недавнего прошлого, когда взрослые люди готовы были умереть от голода, а своим или чужим детям отдавали последний кусок, сохраняя им жизнь. Это, конечно, крайнее испытание. Но и

без крайности человек может сказать: «Господи, конечно, еда и питье - это хорошо. Благодарю Тебя! Но разве это сравнится с тем, когда душа поет, когда она с кем-то едина, Бога своего знает? И променять одно на другое?»

Часто литература, кино предлагают нам таких героев, которые все крушат на своем пути, когда идут «совершать подвиги». А Господь говорил: «Моя пища - творить волю Пославшего Меня». Оказывается, пища человека - не поучать других, не воздавать «по заслугам», а послужить другому (пусть «плохому» и «ужасному»!), чтобы он обрел свое перводостоинство. Чтобы с его помощью победить зло - в себе (ведь только рядом с кем-то можно «отвергнуться себя»).

И совсем не важно, если потом нам не будут благодарны за наше добро, если нас не поймут, не оценят, забудут. Хотя сейчас как раз многие обостренно реагируют на это - как на великую беду. Конечно, забывать добро человека - свинство. Но так было и будет. Важно помнить: мы-то приходим в жизнь отдавать, а не только брать. И в вечности, как говорят, с нами будет только то, что мы отдали.

Многие трагедии, которые происходят в наше время, совершенно неправильно оцениваются. Например, очень жалеют моряков, утонувших на подводной лодке. А они - душу положили «за други своя». Может, кто-то из них и был в панике, смалодушничал. Помилуй их, Господи! И тем не менее моряки знали: этот их труд, подвиг не напрасны. Да простят они нам наши лень, жадность, продажность! Жертва, принесенная ими, освятила всю их жизнь, сделала значительной даже обыденность.

В одной из книг Солженицына есть такой пример. Героя, уже посидевшего в тюрьмах и лагерях, везут на «шарашку» в поезде - как более-менее вольного. Он слышит, о каких пустяках говорят люди: мелких покупках, дешевых раздорах, обидах. И благодарит тюрьму за то, что понял, какая все это ерунда. Ведь есть вещи важные, значительные.

Конечно, насыщение хлебом земным необходимо падшему человеку. Но еще нужнее утвердиться: да, отсутствие пищи для тела может нас на какое-то время подавить, сделать жизнь унылой. И все-таки - «не хлебом единым жив

человек»! Не станет он счастливым, даже если все сладости мира будут служить его удовольствию.

Но вернемся к искушениям Спасителя. Дальше диавол ставит Христа на крыло храма, говорит: «Бросься отсюда - и Ангелы Тебя понесут, не упадешь на землю». А Он отвечает: «Не искушай Господа Бога Твоего».

Душа обретает веру - и понимаешь: есть Тот, Кто тебе помогает. Но обязательно встает вопрос: когда просить помощи, а когда самому что-то делать?

Можно спуститься с крыши по лестнице? Да. Вот и спускайся! Искать чудесного там, где есть способ поступать естественно, просто, - не благословляется. Не благословляется путать жизнь материальную с духовной. У плоти и у духа - свои законы.

Многие слова Христа объясняют это.

Именно в нищете, в человеческом бессилии будет совершаться (действовать) сила Божия. Ты трудись, отдай себя, принеси все, что можешь. В делах житейских, в делах веры. И только там, где полностью закончатся твои возможности, можешь ждать помощи. Если бы мы так жили, то чувствовали бы присутствие Божие.

Иногда доходит до абсурда. Люди получают помощь от врача и благодарят Бога так, как будто врач тут вообще не при чем. Но это же неправда. Бог действует через людей, через их разум, умение, усилия.

И людям положено быть друзьями Божиими, Его со-трудниками. Это с одной стороны. А с другой, заповедь обращает нас к нашему внутреннему человеку. Что это такое? Попробуем разобраться.

Извне на нас действуют некие силы. Мы можем поражаться чьими-то словами, делами. И тем не менее они для нас не убедительны.

Убедительно то, что происходит в нашей душе. Только изнутри может исходить вера: моя душа знает, чувствует, трудится - и убеждается в определенных законах. Оказывается, сам по себе я пуст, холоден. Но через молитву, покаяние меня может коснуться что-то небесное, и душа сразу

отогревается, откликается, ведь этого-то она и ищет. Так же примерно согревает душу и земной друг.

Законы духовной жизни действуют внутри нас. Настоящее чудо происходит, если мы их заметили, осознали, уберегли, поблагодарили Господа за это понимание.

Первое главное чудо: меня помиловали. Второе главное чудо: «Господи, у меня глаза открылись, вера появилась!». И почти блаженство: «Господи, у меня возникла тяга к Тебе!». Это настоящие чудеса.

И если я сумею отбросить чудеса ложные, то смогу избавиться и от всяких ложных страхов, опасностей. Потому что в Евангелии сказано: все злое исходит из сердца. Страхи, связанные с паспортами, картами москвича, - идут отсюда.

Господь сказал: «Не то оскверняет человека, что входит в него». А то, что находит отклик в нем, признается своим, что он потом из себя износит.

Точно так же ничто, приходящее извне, нас не освятит, если мы не признаем это своим, нужным, необходимым.

Начнем с такого важного штриха. Мы сейчас часто становимся свидетелями мироточения икон. Оно может утешить, поддержать. Но гораздо важнее икона сама по себе – окно в духовный мир, к которому мы приносим внимание своего сокровенного человека. И то, что при этом душа способна обрадоваться иконе. Ведь происходит единение человека с Богом и Божиим Царством. Но этого почему-то не ищут, не удивляются ему. И даже смущаются: не хотим ни видеть, ни знать. Не достойны!

Евангелие с большой силой отрицает искание внешних чудес. Оно говорит: вера не родится, если даже мертвые, которых давно похоронили, воскреснут и явятся домой. Ну и что? Человек же – остался прежним.

Есть тайная жизнь нашей души. Душа должна ожить, воскреснуть – и только тогда она познает Божие – со-природное ей. Подобное познается подобным – и не иначе.

Более того, мы знаем из литературы, что некоторыми чудесами человек подавляется, делается рабом. Это страшно. Раб хлебу – беда. Раб чудесам, необыкновенным силам – беда. Ведь Бог (как интересно!) говорит: ты немощен и слаб, но, если будет реальная нужда, с Моей помощью сможешь все. Горы переставлять, моря успокаивать, солнце останавливать. Так оно и есть.

Правда, это нужно пережить, прочувствовать. В нашей жизни не часто встречаются ситуации, когда надо остановить солнце. Мы в своей лени не можем потратить себя до конца, и до значительных событий – не доживаем.

Третье искушение Христа в пустыне – это уже беседа с тьмой. Духовный мир разделен на светлый и темный. Темный не знает нас с хорошей стороны – и в этом его слабость. Но хорошо знает с плохой – и в этом его сила. Все наши желания, удовольствия он готов удовлетворять. Цена – душа человеческая: поклонись, продай свою душу.

Здесь дело не ограничивается чем-то необходимым: едой, дружескими отношениями, работой. Нас подвигают на нечто большее – желание силы, славы, обладания всем и вся в земном мире. Тут кроется громадный соблазн.

Выполнение этой заповеди должно происходить в сердце. И очень много нам приносит понимание: да разве власть или слава делают человека счастливым? Почти все «властители» – несчастные люди.

Человеком может владеть темная духовная сила. Еще страшнее, если им владеет сила материальная. Почему? Да потому, что духовная – уходит, скрывается, замирает. А «материальный» человек становится плотью, которая вытесняет даже память о духовном царстве – внутри себя и вокруг.

Законы жизни такого «господина», мнимого владыки, распорядителя подобны законам мрачного, темного мира. В тюрьме 30-х годов, например, было правило: «Ты умри сегодня, а я – завтра».

Позже придумали: «Люби меня, как я себя!», «Никому не верь!».

Все эти законы реально отражают жизнь князя мира сего, ищущего, как лев, кого бы поглотить.

Часто люди не хотят решить для себя, что есть некий предел, перед которым надо все-таки осознать: да, я могу тут властвовать, но душу за это придется продать.

Можно на земле быть до конца счастливым? Или хотя бы беспечным? Конечно, нет. Честный путь говорит: возьми свой крест. Вот вам и счастье. Чтобы здесь бездумно наслаждаться, нужно поклониться. Где-то отвести взгляд, стать равнодушным или двоедушным. Придется платить собой. Никуда не деться.

Кто позавидует человеку, который за что-то заплатил собственной душой или малой частью ее? Только тот, кто свою душу не ценит и не верует, то есть не знает нетленных сокровищ. Такими мы становимся, например, когда завидуем.

Да, пусть кто-то стяжал богатство. Бедная душа! Ее надо пожалеть. Хочется удержать земное навечно, а оно уплывает, как песок между пальцев. Законы его жизни совсем не такие, как у богатства Божиего...

Мы как-то легко относимся к искушениям Христа в пустыне. Все происходило с Ним, Он победил – так что ж еще? Но дело в том, что все три вопроса, на которые Господь дал ответ, – это три заповеди жизни, соблюденные и выполненные для людей. Подаренные нам.

Так что же будем делать мы: душу свою продавать, ради хлеба отказываться от вечной жизни – или нет? Этот вопрос обязательно встанет перед нами – и лучше ответить на него вместе с Христом в самом начале нашего пути в вере.

Проявления нашей жизни многообразны. Перед нами всегда встают все три вопроса – и нам нужно постоянно, еще и еще раз отвечать на них.

«Покайтесь, приблизилось Царство Небесное!» - этой заповедью начал Свою проповедь Господь. Причем, в покаянии должны быть решимость, высказанность до конца, серьезность, глубина. И тогда Царство Небесное

приходит - как блаженство. Вот почему дальше Спаситель начинает проповедь блаженства.

Человек может быть счастлив (на духовном языке это и называется блаженством). Счастье похоже обретается в наших отношениях с Богом и людьми.

Обычно Бога мы чувствуем меньше, а тех, кто живет рядом, сильнее. Если поймешь, что этот человек тебе дорог, драгоценен, то для него открывается место в душе. Становится ясно: жизнь без него - явная нищета. Но нищета - блаженная.

До встречи с ним ты был самодостаточным, самодовольным, замкнутым. Казалось даже, что мог прожить вполне успешно один. А со стороны было видно: один ты мог только умереть от своей самости, уйти в небытие.

Человеку бывает трудно, когда он обнаруживает: мне недостаточно себя, я не могу быть счастлив без других. Но оказывается-то наоборот - «блаженны нищие духом». В этом признании уже присутствует таинственное, сокровенное единство с Богом (ведь Он Отец) и единство с людьми - как ожидание близких. Почти неуловимое, словно дуновение ветра.

Мы привыкли к грубым, внешним вещам. Малых почти не различаем. И упускаем из виду: одно только признание, что мы ничего не имеем перед Господом, - уже имение. Оно дается Христом, Который пришел на землю, крестился, жил здесь в единстве с Небом, и при этом ел, пил, радовался с нами.

Именно нищета открывает закон: я могу жить только тогда, когда на свете кроме меня существует другой человек, пусть даже ужасный (только при этом условии открывается возможность для блаженства). И за него я могу сказать спасибо.

Если поймешь это по отношению к людям, то потихонечку или сразу откроется: все, что я имею, мой ум, чувства, способности вообще-то мне - не принадлежат. И тут начинаешь догадываться: а ведь может не стать

здоровья. Или таланта. И говоришь: «Господи, да это же было мне дано... А я-то думал, что оно - мое!»

Ощутил нищету, принял дар - и после этого рождается благо-дар-ность. Начинаешь беречь дары, удивляться им, иначе ими распорядиться.

А дальше идут уже другие законы: оказывается, мало иметь, надо еще и умножить.

Иногда нам представляется: если ты получаешь, принимаешь дары, то вроде бы оказываешься в униженном положении. Это не так. Бог добр, многомилостив. Говорит: «Я тебе дал это все, чтобы ты свободно им владел, распоряжался, мог раздать. А хочу дать в десять раз больше!»

Есть признак, по которому можно определить, правдиво ли оценивает себя человек. Объективная самооценка - это смирение. Рождается оно из точного понимания, что здесь мое и что - нет, кто чем обладает, кем является, кто они для меня, как устроен Божий мир. И для чего.

Конечно же, для исполнения всеми заповеди блаженства - быть вместе счастливыми со своим Отцом, Другом и Духом.

Эгоист, замкнутый на себе, других людей может только «использовать». В глубоком, подлинном смысле он не знает, что они из себя представляют. Даже не догадывается, что в них есть нечто, недоступное для нас, и оно может открыться только в дружеском единстве. Это похоже на то, как композитор, художник или математик делятся с нами своим видением мира.

Что же эгоисту обижаться на таких, как он сам, когда его тоже не замечают и используют? И до прихода Христа (и сейчас – без Него) на свете могли быть только эгоисты. От них нельзя ожидать поступков, где на первом месте стоят интересы ближнего. Поэтому у них нет причин для обид, вражды, раздражения друг на друга. Они не могут иначе жить.

Мысли и внутренние состояния гордецов в основном таковы: хочется лениться, расслабляться, чтобы все складывалось полегче, само собой, «везло». А если им приходится трудиться, не жалея себя, то делают они это для того, чтобы доказать (что-то и кому-то), утвердиться. Им выгодно

признавать добрую природу другого человека: ты хороший, и, будь любезен, оправдывай это. Такой шантаж. А ведь все мы грешники!

Знаете, на что это похоже? Сидят люди, жарятся. А один требует: «На меня надо подуть, чтобы мне лично не так жарко было!». Так ведь окружающие-то и сами пылают в огне!

Именно нищета, память о том, что мы все время живем прощением, открывает путь для духовной жизни. «Господи, если я хочу чему-то научиться, кем-то стать, без Тебя ничего не получится. Милосердно придешь ко мне – душа моя будет весела. Придет ко мне другой человек – она может быть полна».

Понимаешь это – и начинаешь беречь, хранить внутреннюю преданность тем сокровищам, которые тебе вручены. И к себе уже относишься не как к чему-то пустому. Все-таки дар Божий присутствует внутри. Как ты его будешь хранить? Кому отдашь, вручишь? С кем поделишься?

И тут можно привести пример. Кто-то дает нищему тысячу долларов, а тот берет их и сжигает. Как после этого будет относиться к нищему тот, кто деньги дал?

И Господь говорит в притче: «Не мечите бисер перед свиньями». Вручается тебе драгоценность, так умей ее беречь. А если самому придется давать, то отдавай благодарному и трудолюбивому.

Нищета делает человека здраво расчетливым, здраво мудрым. Не дураком, юродивым глупцом, который проматывает свое достояние.

В светской жизни существует такая практика: если владелец завода хочет передать его детям, то они должны научиться работать, пройти все ступени труда на этом предприятии. Не научатся – и растратят имение.

То же происходит и в духовной жизни. Каждый человек должен сам осознать свою нищету по отношению к Богу, к родителям, ко всем людям. Меня не было. Меня ввели в эту жизнь, открыли время, пространство, свет,

возможность любить. Хорошо это или плохо для меня? Даже если я болен, неудачлив, немощен? Конечно, хорошо!

С позиции собственной нищеты я смотрю и вижу: как много мне дали! От этого могут кое-что отнять. Но отбирается и теряется гораздо меньше по сравнению с тем, что дано...

Мы говорили про разную нищету. Особенно хочется сказать о такой, которая относится к нашей человеческой праведности. Она отличается от Божией тем, что нечутка, навязчива, но главное – непостоянна.

Человек должен твердо убедиться: «Господи, душа у меня больна. Она может жить только помилованной». Это надо помнить. Ничего вечного, подлинно благого, святого вырвать силой мы не можем. И если что-то в жизни удалось, это дал мне Ты, Господи!

Есть люди, которые по натуре добры, умеют молиться. Ведь у всех душа христианка от рождения. Но если они эти достоинства присваивают себе (а дал их Бог!), в результате часто становятся мучителями – для себя и других.

Эта нищета поистине удивительна! Господи, сколько я уже прожил дней, лет! Как много доброго и злого открылось! Сколько радости приходило! Все-таки как много человеку вручено!

Только с первого взгляда может показаться, что спокойными и мирными нас делает «уверенность в завтрашнем дне». Нет! Всякое может случиться – неожиданное, трудное, почти невыносимое. Но Господь каждый день нечаянно подает нам все, что необходимо для преодоления трудностей и для благоденствия. Это настоящее чудо, настоящая радость. Если она открылась у нас с Богом, появится и в наших семьях.

Рядом со мной живут люди, которые мне ничего не должны. Они свободны в своих желаниях и делах. За то, что они меня терпят, ко мне приходят, я их благодарю. Как только мы привыкаем к богатству, привыкаем без благодарности присваивать себе то, что другой человек вольно отдает, добрые отношения пропадают, рушатся, становятся болезненными.

Тот, кто влюблен, всегда полностью в руках любимого. Пусть влюбленный очень хорош, но его могут отвергнуть, не принять, не обратить на него внимания.

Вот и нам свою блаженную нищету надо уметь хранить, беречь. А мы-то хотим поклониться – и получить власть. Но власть убивает. Где нет свободы, там нет и не может быть счастья.

А дальше – остальные заповеди блаженства. Но прежде, чем мы перейдем к ним, стоит сказать вот что: вся жизнь Христа на земле, все Его поучения, поступки – это тоже заповеди Божии, Его откровения о любви друг к другу.

Смотрите, вот он спорит с фарисеями, и кажется, будто речь идет о чем-то другом. Но она о том же – о любви к человеку.

Господь исцеляет людей и говорит: «Прощаются тебе твои грехи». И в Его словах звучит прямое указание нам. Оказывается, прежде чем сделать что-нибудь хорошее другому, надо его простить. Он или она безобразничали, вероятно, снова будут безобразничать. И, тем не менее, понимая, с кем имеет дело, Христос все-таки идет на то, чтобы оказать помощь человеку. Возможно, за нее благодарности не будет, а совсем наоборот. И эта заповедь подается нам.

Это не просто примеры, которыми мы можем воспользоваться и, как люди, окружавшие Христа, выпросить для себя что-нибудь у Господа. Положим, исцеления от болезни или пищи. Это прямое указание Бога: такая жизнь есть – и мы можем ее разделить. Поступать, как Он.

В Евангелии есть такие слова, которые, на первый взгляд, кажутся проходящими, не главными (на самом деле ни одного второстепенного слова там нет, все важны). Скажем, не один раз повторяется: не могу вам помочь.

Это серьезное указание человеку: нужно хотеть помогать другому, но не слепо. Нельзя просто отдавать себя, растрачивать. Даже в одной из основных притч – об отце и блудном сыне – прослеживается та же самая мысль: отец любит сына, ждет, но не всегда может помочь ему.

А вспомните притчу о десяти девах. Пять из них – мудрые. Пять – юродивые. И мудрые не могли помочь юродивым.

Некоторые заповеди Христа кажутся совершенно неожиданными. Они запрещающие, словно в Ветхом Завете. Например: надо почитать отца и мать, но есть время, когда нельзя хоронить собственного отца: «Пусть мертвые погребают своих мертвецов».

Вы заметили, что Господь не входил в некоторые города, дома. И это тоже Его заповеди нам о том, как проявлять добро, как его хранить, беречь. Мы обращаем мало внимания на это. А оно очень много значит.

И ведь не случайно Спаситель не мог принести Себя в жертву за нас, пока не воплотился на земле. Люди были обездолены, уходили в ад. Сколько поколений прошло! А Он надеялся, ждал тысячи лет, пока появится Дева, так любящая Бога, что станет Ему Матерью. И с помощью самого человека произойдет его искупление.

Все грехи начинаются с гордости. От нее рождаются тщеславие, печаль, уныние, отпадение от радости, благодарности Богу. Гордость – мать всех грехов.

Так и в заповедях блаженства все начинается с духовной нищеты. Нищета – это всегда тоска по другому (человеку или Богу), понимание того, что блаженство может быть только наедине с кем-то, в единстве, во взаимности. Нищета – это память о несостоявшейся любви, которую мы предали, и она к нам возвращается как надежда, далекая искра, манящий маяк.

Все, что у нас есть (а мы можем быть бесконечно богаты!), нам дали. Это дар. Но если нам не с кем этим поделиться, если мы не будем никому нужны как участники его жизни, то это богатство бесполезное. Пройдет, исчезнет, и мы окажемся нищими даже этим своим богатством.

На Литургии, когда диакон или священник идут с Евангелием, поются заповеди блаженства. Их предваряют такие слова: «Во Царствии Твоем помяни нас, Господи, егда приидеши во Царствие Твое...» Это сказал на

кресте благоразумный разбойник, распятый рядом с Господом. Здесь звучит свидетельство: Царства у меня нет, я от него убежал, ушел, оно скрылось.

Мы действительно странники на земле, часто – подневольные. Дай нам, Господи, вспомнить Родину, Горний Иерусалим! Мы, как и в древности, в глубоком вавилонском плену – и сами себя, друг друга в этот плен продали. «Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем!».

Человек это признает. И дальше оказывается, что нищета – это семя, начало самого блаженства. Впрочем, мы уже говорили об этом, я просто напоминаю еще раз.

Без этого семени, без нищеты любви нет жизни, все становится ничем. Помните, у апостола Павла есть слова: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая, или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (Первое послание Коринфянам. 13. 1-3).

Без Божественного вдохновения, без любви действия человека ничем не согреты. И любые свершения его – тщетны.

Можно построить великую страну, башню до небес, объединить всех в «братстве, единстве, равенстве», а остается – пустота. Было – и не было. Проходит время, все вспоминают: «Что-то происходило!» Оказывается, ложь. То, что совершалось насильно, без любви, оказалось пусто.

«Блаженны плачущие, ибо они утешатся». Эта заповедь как бы вытекает из первой, основной – о нищете. Человек уже счастлив, блажен, если обнаружил свою нищету. А дальше, оказывается, он имеет право об этом всплакнуть: что я натворил, что наделал? Как можно жить с этим? И это – шаг выше.

Плач о нищете – тоже блаженство. Более того, заповедь говорит, что за плач будет дано утешение. Это уже жизнь во взаимности с Богом, (а без взаимности блаженство невозможно).

Действенный плач – это труд души, которая судит все, что имеет: вот мое несчастное детство, когда я не умел почитать родителей, вот юность, когда не старался учиться. Взрослый возраст, расцвет, когда трудиться бы и трудиться, приносить плоды. Но все куда-то ушло. Внутренняя жизнь прошла не так.

Даже если взять светлые стороны жизни, то и они никуда не годятся. Покаяние, например. Разве таким оно должно быть?

Этот плач призывает блаженство Небесного Царства и утверждает: я перед ним везде нищ. Пронизывает всю жизнь: сначала – мою собственную, потом – вокруг. К сожалению, наша обособленность, гордость и здесь проявляются. Мы просим: «Господи, прости, помилуй меня!» Редко кому приходит на ум сказать: «Господи, прости нас! Помилуй нас, Отче наш!».

Постепенно человек начинает видеть: все страдает, нуждается в тепле, заботе, любви. Этот прекрасный великий мир, созданный Богом, искажен, обезображен, но ждет, чаует утешения. Желает хвалить Бога, желает, чтобы человек был здоров. Нуждается в человеке – добром, умном устроителе, который всюду проникает, все приемлет.

А что мы несем миру? Оказывается, даже самые высокие наши проявления и отношения достойны плача, потому что несовершенны. Все, что не до конца, не полностью свято, – достойно воздыхания. Потому в заповедь о плаче включаются иные заповеди: стучите – и вам откроют, просите – и вам дадут. Только стучать, конечно, надо не рукой, а сердцем.

Многие забывают, что в плаче о грехах присутствует жажда совершенства. Это двуединство есть уже в первой заповеди Христа: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное». Мы каемся, мы плачем, и в этом слышно ожидание иной, полной, насыщенной жизни.

Плач охватывает все стороны жизни человека – личную, семейную, общественную, все его возможности и способности. Если кому-то кажется,

что он не такой, как нужно, в нем не хватает веры, других талантов, способностей, ума, – пожалуйста, перед ним открыта возможность для утешения.

И начать, может быть, стоит с ошибок, с того, где мы были не правы. Но плакать надо – не о себе (какой я несчастный!), а о том, что мы полную, красивую жизнь у кого-то отняли. Ведь когда мы не даем, то отнимаем, правда?

Все Божие легко подменяется эгоистичным. И плач может быть гордый. Лукавых стонов на земле хватает. Такие вопли отчаянья, например, оттого что человеку всего мало! Но этот плач не ведет к блаженству, а происходит от уныния, саможаления, жадности.

Заповеди Христа – как вызов для многих и многих людей. В частности, осознание своей нищеты в мире обычно вызывает отчаяние, зависть. Все, о чем говорит Господь, с одной стороны, сродни душе и ведет к блаженству, когда мы с Ним. А с другой стороны, без Него плотской человек может ощутить себя несчастным, все потерявшим – и уже не хотеть жить. Сколько таких плачей мы знаем!

Нужно останавливать эти слезы обиды, расстройства. Никакого блаженства, утешения они не принесут, как раз наоборот.

Надо сказать, что исполнение заповедей блаженства – не в силах, не в возможностях человека. Оно в силах и возможностях только Самого Бога, Который первый их исполнил. И если кто-то из нас по-настоящему ощутит нищету, можно сразу сказать: «Господи, Ты рядом со мной, благодарю Тебя!». Если придет блаженный плач, тут же надо заключить: «Это не я молодец, а Бог дал мне великий дар, послал великую милость. Он рядом со мной». Поэтому беды грешника уже отчасти преодолены, но будут и полностью побеждены.

Все заповеди Христа – это заповеди единения с Богом, готовым ликовать, отдавая Себя. Значит, даже падший, несовершенный человек теперь уже не одинок.

Хочу напомнить вам, что заповеди блаженства с разных сторон раскрывают один закон любви. Первая говорит о том, что человек рожден любовью и потерял ее. С приходом Христа даже память об утрате делает нас счастливыми. Ведь мы начинаем сознавать: все на свете – меньше любви.

Вторая заповедь – это уже дело, действие. Человек признает, что не прав, что предал, отверг любовь. Причем умертвил ее не только в себе, но и в другом. Она же всегда взаимна.

А любовь в себе – это на самом деле эгоизм, который только и остался у нас. Мучительный, бесплодный, безутешный. Пародия, болезнь, по которой мы, к сожалению, обычно судим о Божественной любви.

Чтобы вернуться к настоящей любви, от нас требуется усилие, суд над собой, но не холодный, беспристрастный, а сердечный, от которого душа оживает. Требуется признание: то, чем я жил, было преступно. Убито время, сам я повержен, оскорблено доверие другого – его чувства, надежда.

Любовь всегда себя отдает. Так человек возрождается, так возрождаются люди рядом с ним.

Как это ни горько, но даже в нашем покаянии часто преобладает эгоизм. Мы каемся в том, что сделали плохого – себе. И почти никогда не чувствуем, какую боль причинили другому.

Нам есть, Кому принести свой плач. Иначе он был бы преступен, как удавка на шее. Наша мольба обращена к Тому, Кто Сам готов на жертву, готов забыть про боль, вернуть нам доверие, расположение, предоставить всего Себя.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский говорил: если ты не веришь, что Бог тебя простит, то даже не имеешь права приходить на исповедь. Наш плач о грехах утвержден на глубочайшей надежде. Он никогда не бывает без умиления и возрастает в нас именно потому, что мы получаем прощение. Сначала – в малом, потом – в большем и большем.

Здесь сокровенно исполняется первая заповедь, которую нам дали Иоанн Предтеча и Христос: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное». В

покаянии человек не просто обретает себя прежнего, а получает гораздо больше. И щедрость Прощающего, Его высшая «несправедливость» тут оправдана.

Человек плачет о потерянном – и явно переживает утешение. Значит, его покаяние принято, ему возвращено достоинство, имя, прежнее имя.

Только видевший настоящую смерть может понять, что такое утрата. Только тот, кто убедился, что помилован и ему возвращено сторицею, может начать жить по-новому, осторожно. Проявляя чуткость, трепетность к тому, что ему возвращено, боясь разрушить. Это и есть кротость человека.

Третья заповедь блаженства звучит так: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю».

Если бы человек оставался чистым, целомудренным, он был бы кротким. В падшем мире чистота хранится глубочайшим вниманием к жизни души и тела, напряжением веры, различающей доброе и злое, всегда кающимся сердцем. В нас лезет грязь мыслей, чувств, впечатлений... Мы привыкаем к изобилию чего-либо благого. Например, мне хорошо, а я, скучая, хочу еще лучше. Или перестаю ценить то, что есть: здоровье, знания, человеческие отношения. Не радуюсь им, не делюсь. В этом – тоже нарушение чистоты.

Люди в большинстве даже не задумываются о том, как теряется чистота. Происходит это из-за нашей гордости, самолюбивых пожеланий, эгоистических движений воли.

Человек, согрешивший против ближнего, но проливший внутреннюю слезу раскаяния, видит: причины и начала его самостных движений - это проявления эгоизма. Он замечает свое желание воздействовать на другого с силой (в претензиях, требованиях, осуждении), соперничество, пренебрежение, замкнутость, гордость. А гордость – всегда неправедна, нечестна, это битва с людьми, стремление подчинить их своей воле. Не обязательно в мускулах или мыслях, но даже в самом простом, легком и незаметном чувстве, некоем пожелании (которому нельзя отказать), ожидании хотя бы внимания к себе.

Что тут происходит? Мы, оказывается, не можем оставить другого человека свободным. Понимание этого наступает, когда грешник осознает: я зло и преступно воспользовался сначала собственной свободой, а потом нарушил свободу другого.

А вот Бог до конца уважает свободу человека, несмотря на нашу несправедливость. И это большое утешение и пример для нас, так как свобода – необходимое условие проявления любви. Значит, надо ценить свободу окружающих и смотреть – за своей, ведь ее отнимает грех, превращая грешника в раба.

Поэтому мы настолько зависимы, настолько не принадлежим себе, своему сокровенному человеку! А принадлежим разным заботам, привычкам, страхам. Почти никогда не чувствуем самостоятельно, особенно, и значит – не выбираем. Выбором считаем, что съесть за обедом или какую программу телевидения посмотреть. Но дело-то совсем не в этом!

Каждую секунду происходит наш выбор: по отношению к людям, которые рядом с нами, кто они для нас сейчас; к тому, что главное и второстепенное; к жизни (с какой силой жить, ответственны мы перед ней или безответственны). Даже трудно представить себе, какое количество возможностей здесь сразу открывается.

Господь воплотился на земле и сказал: «Я пришел сделать вас свободными!» Не дать нам примитивную свободу перемещений или слова, которая может стать для человека тягостной нагрузкой в своей внутренней бесцельности, особенно если ее достигнуть. Но подлинную духовную свободу, глубокую и обширную.

Когда человек (опять!) обретает ее в милосердном прощении Богом наших преступлений, больших и малых, то перед ним открывается возможность для кроткой жизни, в которой он сам готов делиться познанной милостью. Ничего ни от кого не требует, не заставляет, а ждет взаимности, как чуда, и хранит свою и чужую свободу.

Знаете, когда наша жизнь становится лицемерной? Когда у нас не хватает сил быть хорошими, дружескими, внимательными, заинтересованными людьми

перед собой и перед другими. И при этом мы считаем, что у нас нет свободы быть любимыми. Как есть на самом деле. Но Бог нас принимает только такими – кающимися грешниками, а не притворными праведниками. Мы же предъявляем к себе требования больше, чем Он, – и значит, ставим себя выше Его. Ждем от себя невыполнимого и со страхом видим, что и другие этого ждут (иначе обидятся).

Если я начну действовать в таком состоянии, это приведет меня к обману. Да, я покажусь добрым, приветливым другом, но по сути им не буду. Так вот, кротость по отношению ко всему миру и, в том числе, к себе – это начало простоты (отсутствия искусственности), трезвения, правдивости. Человек становится естественным.

Посмотрите, как развиваются растения. Вбирают свет, кислород, минеральные вещества. Появляются клеточка за клеточкой.

Примерно так же происходит рост и в личной жизни человека – с другими людьми и Богом: возникает первая симпатия, постепенно вырастает во взаимную любовь. Мы рады видеть другого – все больше и больше... Человек идет вслед за этими внутренними потребностями, не считает себя зависимым ни от каких-то внешних законов, ни от воспитания и прочего. Не пытается торопить, остановить рост жизни. А если случается так, то покаянием возвращается к нему.

Только такое благое, естественное развитие бывает крепким. Недаром Господь часто говорил Своим ученикам: возьмите себе в пример растения. Смешно требовать от дерева: «Давай, расти быстрее!» Нужно ухаживать за ним, удобрять, поливать. И если дерево не захочет, то листья на нем не появятся. А оно должно само их вырастить, дать плоды.

Про Себя Господь сказал: «Я кроток и смирен сердцем». Это Его глубокие качества. Только в кротости, смирении, ненасилии, свободе может развиваться любовь. Это сокровенная сердцевина Его жизни. И Спаситель других, едва живых, не надламывает, Он ждет нашего личного, свободного желания, стремления к Нему.

К сожалению, у людей теперь очень редки личные, свободные желания, которые появляются не по экономическим причинам, а просто потому, что душа захотела сделать другому доброе – не вынужденно, свободно, как чудо (дух дышит там, где хочет).

Обычно человек, честно глядя на свою жизнь, понимает: почти всегда он действовал, как машина, как механизм. Выполнял то, чего требовала внешняя обстановка, собственная распущенность и какие-то иные его сиюминутные потребности. Бытие определяло сознание. А настоящая жизнь – это творчество, раздвигающее, уничтожающее данность. Часто действующее вопреки обыденной пошлости.

Господь называл людей грубыми, жестоковыми. Ни те, ни другие не могут быть кроткими. Для кротости нужна тонкость, даже трепетность. Христос так свидетельствовал о нежности Его собственной всемогущей любви: «Трости надломленной не переломит, льна курящегося не угасит».

Любовь Бога такова, что Он равен во взаимности с людьми совсем слабыми, надломленными, все потерявшими. Он принимает их, такими, как есть, не переделывая. Вот и нам надо принять жизнь такой, как есть: в себе, вокруг себя. Благодарить. Жить этой жизнью.

Люди откроют вам душу, примут в друзья, если вы не станете крушить их хрупкий мир, а будете внимательны, бережны, осторожны. Только чуткий человек может начать слушать и услышать волю другого. И только в положении кротости можно научиться разговаривать, а не кричать, орать, ударять, убивать словом. Беречь другого, не задевать даже случайно его больной гордости. Учитывать немощь человека, не соблазнять вещами недоступными, а во всем общении соблюдать меру его возможностей.

В этом есть исполнение еще одной начальной заповеди Христа о том, как развиваются наши отношения: «Кто не верен в малом, тот не верен и в большом». Давайте поразмышляем об этом.

Грубая жадность требует многого, всего сразу. Не научившись помнить, ценить малое, мы никогда не придем к великому.

Чуткость к дуновению ветра, к одному мгновению взаимности позволит выстроить жизнь подлинно и крепко. Не на песке, а на камне.

Не важно, какое дело мы делаем, а важно – как. Господь много раз говорил об этой полноте (ее можно назвать еще святостью, чистотой, подлинностью). Он часто разделял внешнее и внутреннее в поведении людей, но в первозданной природе человека они были едины. И такими должны стать у нас. Если не совпадают, это указывает на болезнь, лукавство, искривленность.

Мы помним: покаянным словом можно достичь целостности, полноты. Бог нам ее подает. Неполнота, как и любая ограниченность, преодолевается с помощью Его милости.

Господь утверждал: в Нем нет никакой тьмы, нет ничего несовершенного, не блаженного, не любовного.

Многообразные стороны жизни человека Он называл различными талантами. Это способности жить, видеть, думать, чувствовать, любить, каяться, веровать, терпеть. Высшие таланты – благодарность, прославление Бога. Отсюда и название «Православие» – правильно приносить славу Богу, людям, жизни. Верно отвечать им, ничего не утаивая, все замечая, без лжи. И правильно относиться ко всем этим дарам.

Талант исторически означает денежную меру. А в устах Христа – это мера наших жизненных способностей, возможностей. Он дает их нам – и по справедливости их надо бы вернуть. Удивительно, но по-доброму несправедливый, любящий Бог рассчитывает на большее. У нас есть возможность быть творцами и умножить то, что в нас вложено.

Это подтверждают иные притчи, например, о зерне, которое бросается в землю – и приносит плод. Дар Бога обладает внутренней силой, может расти. Это семя способно превратиться в дерево – и птицы небесные будут укрываться в его ветвях.

Мы бываем злы, сердиты, неправедны. Об этом Господь свидетельствует: не может человек служить Богу и маммоне; если царствие разделится само в себе, оно не устоит. Так и человек: если разделится на добро и зло, то будет

думать, какому господину служить. Даже малое зло приводит к конфликтам, вражде. Это очевидно и засвидетельствовано жизнью каждого из нас.

В Евангелии Бог почти не обличает откровенное зло, не говорит про воровство, бандитизм – с ними и так все ясно. Он обращается к самомнению человека, который считает себя хорошим. Оказывается, если это хорошее – не до конца, не в полноте, то уже не является добром.

Тут, может быть, один из самых трудных моментов для нашего понимания. Получается: я стараюсь, тружусь, оберегаю то, что мне дано, а оно уходит. Жизнь так устроена: все в ней испытывается, изнашивается, тля тлит, тати (воры) подкапывают. И если мы не умножаем, то все исчезает. Если не заботимся – пропадает. Если не растим – остается бесплодным, засыхает.

Выходит, надо не просто трудиться, а отдавать все силы, которые у тебя есть. Потому-то от вдовицы с благодарностью принимаются две лепты – все, что она имела. А от тех, кто принес значительно больше, но не все, принимается иначе.

Человек может быть умнее, образованнее других, но пусть он по совести посмотрит на свою жизнь: мог ли учиться, трудиться лучше, ответственнее, не размениваясь? Все ли силы положил на алтарь того поприща, которое избрал, или попутно искал выгоды, иных рубежей? Чаше всего бывает последнее.

В своих земных, житейских делах мы обнаруживаем много несовершенного. Тем более – в делах, относящихся к вере, где хотелось бы быть искренними, честными. Нам кажется, что наши малые ошибки, несовершенства, простительны. Но если мы не можем принести Богу малого, то большого никогда не принесем. Вот пример. Иногда считают, что дружбу разрушает великое предательство. Ничего подобного. Когда отношения между людьми действительно глубоки, взаимно радостны и трепетны, то малое невнимание, пренебрежение будет оскорбительнее и тяжелее, чем большое. И в великой любви, если вдруг обнаружится секундное неприятие, неуважение, это будет свидетельствовать об обманчивости всего чувства.

Создалось мнение, будто есть грехи большие и малые. Некоторые даже себя этим успокаивают: у меня грехи мелкие. Но ты посмотри на то, что имеешь. Если оно с изъяном, то уже не может быть благом. Это относится ко всем сторонам жизни.

Мне еще раз хочется напомнить: Господь предлагает нам заповеди, которые Сам уже выполнил. До малейшей йоты, которая может показаться не важной. Значит, и мы должны к себе так же относиться. Во всем видеть эту йоту.

Всюду - поприще для нашей заботы. И при этом у нас есть неотъемлемая надежда, основание для радости. Ты-то, Господи, воскрес – и с Тобою воскреснет все, что в Тебе. Та наша часть, которая в Тебе, – наверняка воскреснет.

«Неверный в малом, не верен и в большом», - говорит Господь о законе развития нашей жизни, отношений.

В нас всегда есть неверие. Оно исподволь борется с верой. Ты ставишь перед собой цели, а неверие хочет их принизить. Лукавое зло желает, чтобы невыполнением малого было разрушено все.

С одной стороны, легко впасть в уныние: «Господи, какая громадина требуется от нас Твоими заповедями!» Но раз требуется, значит, это достижимо. И здесь нам на помощь опять приходит еще одна заповедь Христа: «То, что невозможно человеку, возможно Богу».

Один я не справлюсь. Но с Тобой, Господи, принесу две лепты, все, что у меня есть, а остальное – Ты восполни! Прости, где был не прав, недодумал, недоделал...

Для гордого человека и эта заповедь Христа может стать камнем преткновения, через который не переступить. А на самом деле она благодатна для той части моей души, которая хитра, лукава, неправдива. Дело Бога – помочь нам не обмануться в нашем добре. Представляете, как страшно, если я еще не нашел Его, а думаю, что нашел. Катастрофа для веры – считать, что стал добродетельным, когда даже не понимаешь, что это такое.

И Спаситель пытается нам помочь, как малым детям, которые торопятся, но пока слабы.

В том, что мы спешим почувствовать себя Божиими, есть большая опасность обмануться. Тот, кому показалось, что он нашел Бога, уже не изменится и никогда его не найдет. Если я принес неверное свидетельство, то за его пределы не выйду, пока не расскаюсь.

Господь призывает нас не к тому, чтобы мы имели один талант, а к тому, чтобы имели – все! К десяти Он добавляет еще десять!

На этом основана жизнь верующих и еще не дошедших до веры художников, писателей, музыкантов. Неудовлетворение созданным, нехватка малого подвигает их на поиски, творческий рост. И чем дальше, тем совершеннее становятся произведения.

То же происходит и с нашими чувствами – друг к другу, к Богу. Это верный ориентир, маяк, который дает человеку понять: к чему стремится твоя воля, чего в ней не хватает?

Если не принять во внимание хоть одну заповедь Христа, человек становится самодоволен. Он не понимает, что от него еще требуется. А нужно, чтобы мы были совершенны, как Отец Небесный. Если в малом мы не такие, как Он, то, значит, у нас еще многого не хватает.

Оказывается, человек приносит Богу свое малое — хотя бы одно желание хорошего. У него еще нет воли, чтобы это осуществить, обдумать, он не потратил времени, труда, не принес жертвы, ничего не раздал нуждающимся. Здесь только самое начало — и оно принимается Господом.

Правда, само это желание — не простое. Если оно на секунду, на пять минут, пусть даже на всю жизнь, но кроме последнего мгновения, то в нем есть неправда. Это каприз человека.

Есть желания, которые до конца. Их называют решимостью, твердостью, выбором, верностью. По силе они могут быть малыми, но именно про них

говорили святые: возгревай желание, смотри, чтобы оно не затухало. Пусть оно на волосок, его почти не видно, как писал святитель Феофан Затворник. Но если желание постоянно, это и есть то малое, которому открывается великое. Верность в нем — верность во многом. Причем не в человеческих масштабах, а в Божиих, которых мы себе даже представить не можем.

Знаете, почему трудно рассуждать о Божиих притчах? Притча рассказывает о таком, что нами обычно упрощается, даже выхолащивается. Когда мы, употребляя светский язык, небрежно и распушенно рассуждаем о чем-то земном, получается пошлость. Умаление, уничижение. Здесь, в притчах, так же. Однажды Господь в беседе с Никодимом прямо указал: даже когда Он говорит о земном, Его не понимают. Что же будет, если Он начнет говорить о небесном? Как мы это поймем? (Евангелие от Иоанна. 3. 11-13).

Бог иначе видит землю: преображенной, пронизанной внутренним светом. Мы и этого-то понять не можем. И уж тем более не можем представить себе иной мир — без границ, приснодвижимый (так мы называем Ангелов. Они даже не мыслят о покое — и при этом у них есть внутренний покой, который рождает желание все время отдавать себя, действовать).

То малое, о котором говорит Господь, Он называл семенем. Что может быть меньше семян? А они способны расти. Еще Он напоминал: малой, доброй закваски достаточно, чтобы возшло все тесто.

Но и тут верно обратное: малая лукавая, недобрая закваска заквасит злом не только самого человека, но и тех, с кем он имеет дело.

В нашей земной жизни есть понятия «хорошо» и «плохо». А в жизни духовной у хорошего и плохого — иное качество. Это или обновляющая, отдающая себя сила, способная к жизни, ее умножению, принесению плода. Или убивающая, отнимающая, отбирающая, губящая.

Хорошее и плохое по земным меркам мы воспринимаем как «понравилось — не понравилось».

Добро растет само. Нам кажется, что это мы должны его умножить: увеличить мышцы, силу ума, души. Нет, мы только храним, бережем благо — и оно

становится больше. Храним и бережем многообразно: преданностью, верностью, благодарением, покаянием. Надеждой, когда не можем добро удержать.

Если нет надежды, обязательно возникает обида: подайте мне то, что я хочу, сейчас же! Такова наша требовательность. А надежда оставляет свободу Дающему. Я Тебя прошу, но Ты свободен. Если не пришла пора, подожду. Так живут те, кто имеет не все или не имеет ничего – в доверии Богу.

Имея в себе какое-то несовершенство, я должен твердо знать: если не буду следить за ним (за этой малой моей частью), оно обязательно вырастет и переродит все остальное. Малое лукавство сделает лукавой всю душу. Слышать, видеть я буду лукаво.

То же самое говорит притча о сучке и бревне. У тебя, в твоём глазу (сердце), есть маленький сучок. И он из твоего ближнего делает человека с бревном в глазу! То есть, если ты оказался неверен в малом, то перед ближним – уже неверен в большом. Вынешь сучок из своего глаза – и увидишь не как обличить человека, а как помочь ему, спасти его.

Кстати, эта притча дает нам простое решение, как справиться с этим сучком. Если кто-то имеет великое зло против меня, я могу сказать: «Господи, прости его (ее)!».

Конечно, должно пройти время, чтобы самому убедиться: я буду бороться со злом, сопротивляться ему. И окажется, что оно сильнее, потому что имеет корень внутри меня. Эта борьба только крепче приводит к мысли: «Господи, ничего невозможно без Тебя, Твоей милости, прощения, омовения меня!».

Заповедь «Будьте совершенны!» означает: стремитесь ко всему, желайте всего! Она рождает добрую жадность: просите столько, сколько можете себе представить. Не допускайте мысли о том, что Бог не способен добавить еще и малое к тому великому, которое у вас уже есть. Иначе и малое потеряете, и остального не будете иметь.

С одной стороны, жизнь приучает нас быть скромными, пользоваться тем, что есть. Это нужно, чтобы мы сначала посмотрели, что нам дано. Попытались это оценить. И тогда получим большее.

А с другой стороны, здоровье человеческой души должно проявляться, к примеру, в полной, совершенной радости. И если ей что-то мешает, что-то меня печалит и тревожит, значит, я не верен Богу во многом. Не верю, что Он умер и воскрес. Что мир живет не сам по себе, а будет Им воскрешен до конца и в полноте.

Радость апостолов, узнавших Воскресшего Господа, в Евангелии названа совершенной. В такой радости не может быть тоски, печали.

А в радости не до конца присутствует приверженность к земле, неверие в иной мир, вечную жизнь. И в этом – измена Богу.

Если у человека нет полной и сильной радости, то он – грешник. Заповедь Христа «Кто не верен в малом, тот не верен и в большом», как и остальные Его заповеди, испытывает нашу жизнь со всех сторон.

Как это происходит? Вот пример: чего не хочешь себе, того не желай другому. Желай ему только того, чего и себе.

Вот ты строишь отношения с другими людьми. Посмотри, а хотел бы ты получать от них то, что им несешь? Проверь этим всю свою жизнь. А еще полезно посмотреть: что ты несешь Богу? Себе бы этого хотел? И наоборот: посмотри, чего ты хочешь себе. Только честно, без обмана. И попробуй, желай этого другим.

Зависть от этого точно пропадет! Ведь мы для себя так много хотим, что завидовать некому: ни у кого столько нет!

Это одна из тех заповедей, которая прямо подводит человека к Воскресению Господа. Мы ясно сознаем: на земле невозможно исполнение всего до конца. Поэтому первые христиане звали: «Ей, гряди, Господи Иисусе!».

Мир должен быть во всем – в каждой йоте. Пусть даже не во мне, а в другом есть йота неправды, и я уже не могу быть счастлив, радостен до конца.

Придет печаль. И все-таки у нас есть неотъемлемая надежда и основание для радости: Ты, Господи, воскрес – и с Тобою все воскреснет. А без этого можно прийти в отчаяние.

Йота ищется везде. Всюду – поприще для нашей заботы. Потому-то внимание человека простирается ко всей жизни. Нет ничего неважного. Все важно и должно быть свято, прекрасно, благодатно.

В том, что этого пока нет, виноват только я: я этого не сделал. Потому что сказано: стяжи мир в душе – и тысячи вокруг тебя спасутся. Ты горы можешь переставлять.

Бог вручил весь мир первому человеку. Разве я имею право не нести ответственности за все?

Многие люди мучаются: что им сказать на исповеди? Но это же нам открыто: то, что мы имеем, проявляется во всем. Не оправдывай себя, не принижай. Приди на исповедь и скажи: «Все-таки украл, над своим другом глумился, предал...». Не добавляй: «Чуть-чуть, каплю, мелочь!». Ведь капля неверия уже означает: до конца не верю.

Самая малая нераскаянность мешает нам измениться. «Неверный в малом, не верен и в большом». А вот когда появляется сопереживание, не внешнее, а внутреннее, тогда человек будет меняться. Тут опять важно не что мы делаем, а как. Любое дело может быть во благо, даже когда мы спотыкаемся. Потому что споткнулись — и появляется повод одуматься, а то никогда бы не поняли, что творим.

Там, где присутствует зло, нет сущности, существования. А там, где Бог, все сущее, все во благо. Тогда и внешняя сторона жизни тоже становится во благо.

Мы ошибаемся, если думаем, что способны любить. Вот когда человек поймет, что давно влюблен в себя, всех обобрал, обокрал, «использовал» в своей жизни, — и скажет: «Прости!», перед ним откроются удивительные возможности. Тот, кому много прощается, будет много любить. Единственная

возможность встретиться с любовью — признать, что мы ее предали. Что она возвращается нам милостью Бога.

Кто может помиловать? Только тот, кто любит. Если меня помиловали от вечной смерти, вечной жадности, вечного презрения к ближнему, гнусной, наглой лжи о добре и зле, то как же мне тогда хочется, чтобы всех остальных помиловали тоже!

А тот, кому мало прощается, мало любит. Это признак, о котором говорит Господь.

Тут часто возникает вопрос: а как же тогда по природе добрые люди? Они же есть. Но посмотрите на эту доброту и вспомните слова апостола: взирайте на концы учителей ваших. Если доброта была всю жизнь, а перед смертью закончилась, не хватило малого, то это больше похоже на видимость. А существует только то, что существует вечно. Остальное — призрак и обман.

Если думать, что предыдущие поколения ушли навсегда, то истории нет, она стерта. История есть, когда люди, которые были здесь, — живы.

Кстати, раньше меня мучила мысль: были же в какие-то дремучие времена неизвестные люди. Похоронили их где-то на дальнем севере или юге, цивилизации они не послужили. Был ли смысл в их жизни? И уж потом стало понятно: если одного, малого, откинуть, сказать, что он не важен, то я уже неверен в большом. Все необходимы. Иначе не было бы этой жизни, мир стал бы меньше.

Слава Богу, настанет Страшный Суд и все соберутся. Воскресением будут поставлены в свою силу. И не в ту земную, незаметную, а воскреснут своими желаниями, упованиями. Будут восполнены Богом — без всякого недостатка. Он верен во всем. Просите, стучитесь. И там, где мы стучимся (не только рукой или лбом, а своими желаниями, надеждами, незаметно для нас, а заметно для Господа), ничего не умрет, Он воскресит все.

Земля может расти, плоть — быть пронизана духом и светиться. Но относиться к ней нужно милостиво, не «брать от жизни все». Хотя нам и кажется иногда, что у нас ничего не будет, если не схватим, не присвоим, не отнимем.

Только милостивое отношение приносит большой плод. Вы спросите: какой? Раскрываются внутренние возможности человека. Доброе, вольное взаимное расположение согревает, рождает такие энергии в совместной жизни, что действительно все преображается.

Настоящее наследование всегда происходит в смирении, кротости. Само слово «наследство» означает: я вхожу в труд другого, получаю то, чего не имел. Мне это предоставляют, доверяют моей чуткости, заботливости, благодарности. Радости и взаимности. Наследство – шаг к пониманию, что такое милость. Оно не заслужено, не куплено, не заработано.

Когда человек впервые сильно влюбляется, он становится чуток к любимой (любимому). Боится обидеть, задеть, даже добрым, например, избытком заботливости. Это и есть признак любви: постоянное внимание к другому, к тому, готов ли он отвечать на чувство или еще нужно ждать. К сожалению, мы быстро теряем такое состояние и потом никогда не вспоминаем о нем. А ведь наша кротость должна проявляться всегда и во всем. В отношении к природе, чтоб ее не нарушить, в науке, искусстве. В любом деле.

Подлинная жизнь – только в кротости и чуткости. Такой она будет после второго пришествия Христа. Но даже теперь интуитивные люди знают: если мы кого-то по-настоящему уважаем, то этот человек отвечает нам доверием, впускает нас в свой мир. Почему? Да потому что уважение содержит в себе кротость, которая старается не учить, не навязывать другому свое мнение. Принимает человека таким, как есть, не переделывая.

Помните, в евангельской притче отец надел перстень на палец своего блудного сына и тем самым дал ему власть над всем, что имел. Отец знал: сын уже не будет это растрачивать, продавать, смешивать с грязью. Он вернулся домой в кротости.

Только плач, всегда сокрушенный дух может позволить человеку сберечь и развить кротость – эту высокую добродетель. Когда она появляется, мы начинаем видеть, слышать – и беречь то, что нам открылось.

«Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» — такова четвертая заповедь блаженства, которую нам оставил Христос. Давайте поразмышляем над ней.

У Бога все растет, прибывает. Потому-то Он говорит о Себе: «Я есть путь». И предлагает нам жить, меняться, обновляться, искать. А мы, по жадности, хотим, чтобы был не путь, а пьедестал: заполучил все в один момент — и навсегда! Но, оказывается, если человек ощущает пусть крошечное самодовольство, считает, будто имеет что-нибудь, то это первый шаг к смерти. Сразу прекращается «стяжание», о котором говорит Господь: «Кто со Мною, тот собирает». И начинается «расточение» — трата того, что мы имеем.

Не потерять можно только тогда, когда ты над чем-то работаешь, умножаешь, двигаешься. Зарыть в землю, сохранить все, как есть, не получится ни в вере, ни в дружбе, ни в здоровье. Останавливаться нельзя.

Человек стремится к полноте. В кротости он научается хотеть без жадности, требовательности, ультиматумов, шантажа, обид. Без злобы, лести, подкупов. Ценит самое маленькое — и достигает великого. Это признак здоровья. Знаете, в чем разница между истиной и правдой? Истиной назвал Себя Сам Христос. Жить и любить — это истинная жизнь. Все, что не скреплено любовью, — не истина.

Знания, которые добывались не из любви к красоте и премудрости, оказывались ложью, идеи — химерой. Только то, что рождалось от доверия, симпатии к совершенству мира, было подлинным. Потому что интуитивно или осознанно люди знали: полная красота есть в Творце, в Боге.

А правда — это отражение Истины в нашей жизни, отношениях, в том, что было, есть и будет.

Здоровый человек испытывает аппетит к жизни (организм требует пищи!). Мы, правда, склонны к объедению — и тогда аппетит пропадает, появляется пресыщение.

Святые советовали нам вставать из-за стола чуть-чуть голодными. Во всем должен оставаться этот «голод» (алчба). Насыщение не должно стать

пресыщением. Тогда любой интерес, любая беседа будут поддерживаться в живом состоянии.

И влюбленность, если не дойдет до пресыщения, тоже не прекратится. Тяга друг к другу будет только развиваться. К сожалению, жадность не позволяет нам соблюсти меру, кротости у нас нет. Мы теряем то, что могли бы иметь.

Нам кажется иногда, что вера призывает к ненужной самоограниченности, незнанию, непониманию, неимению. А она учит, как приобрести великое богатство: имеющему будет дано и приумножится. «Будьте совершенны!» — призывает Бог. И подает нам блага «мерою утрясенною» — в изобилии. Сколько сможем вместить.

Мы это видим на примере влюбленных: они ничего не хотят оставлять «для себя». Отношения постепенно, естественно развиваются. Так, как развивается растение. И люди спешат поделиться тем, что у них появляется.

Так же ведет Себя Бог — с человеком. Если мы перестаем быть эгоистами, собственниками, а разделяем жизнь других и делимся своей, то нет пределов для взаимности.

Одно из страшных заблуждений состоит в том, что люди будто бы ограничены в своих возможностях: по срокам жизни, способностям и прочему. Мы считаем: кто-то может стать святым, а нам это — не по силам. Ничего подобного! Всем доступны близкие отношения с Богом. Он всех зовет к Себе. И только от нас зависит, станем ли мы избранными, сможем ли поверить Ему, захотим ли откликнуться.

Это высокий духовный закон. Но он действует и в общественной жизни, если, конечно, человек живет не за счет других (а мы рассматриваем именно такой — благой путь). Не захочешь быть лучшим математиком — и никогда не докажешь ни одной теоремы. Не пожелаешь настоящего мастерства — и не будешь художником, композитором, поэтом.

Жажда совершенства, алкание высшего необходимы везде и во всем: в дружбе, в семье. Как только они прекращаются, то заканчиваются, истощаются отношения между супругами. Почему? Да потому что люди

считают: все нормально, неплохо живем. Какое-то время это «неплохо» продолжается. А дальше – развал.

Вспомните, что было на свадебном пире в Кане Галилейской, когда Господь превратил воду в вино. Начальник пира попробовал это вино и сказал распорядителю пира: «Обычно люди сначала подают хорошее вино, а когда все напьются, то похуже. А ты сберег лучшее – до этого момента». Тут очень важная мысль: чем дальше жизнь, тем она должна становиться прекраснее.

Иногда нам мешает плохое настроение. Или болезни ограничивают нашу дееспособность. Но уже в этой жизни Господь компенсирует это чем-то другим. Алчание и жажда по своей сути близки к надежде. Человек чаёт того, чего пока не имеет. Не требует, не добивается, но понимает: оно может прийти. И это – уже молитва, устремленность к Богу, доверие Ему.

Так строится постоянство. Ведь мы же непостоянны. И только то, что начинаем иметь в себе всегда (хвалу Богу, или благодарность, или покаяние) выстраивает нашу жизнь.

Почему так важны для нас алчба и жажда? Да чтобы найти пример в Боге – и изумиться. Разглядеть в жизни других людей, в природе гармонию, счастье. Все это нужно для вечной жизни. То, что мы не успеем сделать здесь, наши желания и надежды обязательно осуществляются в Воскресении.

Алчба и жажда – единственная возможность жить шире, полнее и уже здесь утвердить Царство Небесное. В них открывается смысл православных догматов о том, что жизнь человеческая – тайна, что Бог – непостижим. Не потому, что Его невозможно узнать или побеседовать с Ним. Это как раз нам доступно. Непостижимы Его величие, необъятность, неожиданность, непредсказуемость. Мы растем – и Он открывается нам. Алчба и жажда позволяют человеку постоянно изумляться Богу, другим, себе. Причем взаимно.

Сейчас, мне кажется, люди редко испытывают чувство удивления: как это я раньше чего-то не знал, не понимал – и вдруг стал понимать? Не было дружбы – и началась. Не было взаимных чувств – и появились. Как бы возникает новая жизнь, новый человек. К такому обновлению мы и

призваны. К тому, что ухо человеческое не слышало, глаз не видел, на сердце не приходило. И эта призванность реализуется только в алчбе и жажде – всех сторон жизни, которые подает Бог.

Жажда – это признак влюбленности. Когда люди подлинно любят, они хотят знать другого, внимают ему, понимают. В вере так же: человек любит Бога – интересуется Им. Правда, потом этот интерес можно незаметно перенести на себя. Мы ведь живем обычно, привычно – собой, а не Богом и другими людьми.

Алчба и жажда помогают нам проверить себя. Допустим, потерялось желание читать Священное Писание (пропал аппетит). Значит, я в Бога не влюблен. То же самое – в молитве. А если потерялось желание познавать жизнь, интересоваться ею, значит, и ее разлюбил. Зато в такие моменты всегда хочется, чтобы интересовались тобой. Начинаешь искать, до кого бы донести это «сокровище» – меня, любимого. «Аппетит» на себя есть у всех.

В наше время существует много перевертышей. Как я уже говорил, настоящие мастера алчут и жаждут, поэтому хотят совершенства. Раньше над содержанием и формой работали довольно долго – и все равно испытывали неудовлетворение, хотели чего-то высшего. Люди восхищались, а мастера говорили о том, что им не удалось.

В жизни здоровой должно быть так, а у нас – наоборот. Нынешние мастера действуют гораздо быстрее. Причем сами хвалят то, что сделали, а остальные – ищут недостатки. Уже не сами мастера, а критики алчут и жаждут!

Но ведь никто не может знать моих ошибок так глубоко, как я сам. И критики должны искать хоть что-то положительное, благое. Их цель – понять замысел, увидеть малые крупички добра. Они все равно есть.

Следующая заповедь Христа – «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут». Все заповеди связаны, скреплены. Христос говорил: кто в малом нарушит одну из них, тот нарушит все. А кто в малом исполнит, тот исполнит все. Это уже получится как бы само собой. Тут один из парадоксов христианства, очень важный для нас.

Заповедь о милости – не простая. Перед человеком, который хочет ее выполнить, невольно встает вопрос: как можно миловать, прощать, если душа противится этому? Даже то, что мы сами будем помилованы за это, не помогает. В нравственной области страх не действует на человека, мы свободны. Это в государстве, где существуют уголовные законы и на насилие отвечают насилием, еще можно чего-то добиться угрозами.

Но если ты сам пережил милость, прощение, то в ответ тоже хочешь миловать.

Есть такая притча у Христа. К господину приводят человека, который должен ему очень много денег. Господин прощает долг, не продает в рабство ни этого человека, ни его супругу, ни детей. А прощенный, в свою очередь, не хочет простить другому каких-то грошей.

Эта притча наводит нас на мысль, что мы должники Бога не потому, что заканчиваются наши мелкие болезни, исправляются земные ошибки. Богатая милость Господа возвращает людям полноту бытия, дает вечную благую жизнь. Жизнь всего – навсегда.

Чтобы войти в эту милость, надо понять свое предательство: пусть в малом, но мы отвергаемся именно великого. Обижаем брата, лжем, приносим насилие. За подобные поступки люди нас иногда наказывают, иногда – жалеют. Такое прощение – сиюминутно, относится к данному моменту.

А есть прощение, которое можно понять только исходя из опыта дружбы. Она в наше время, к сожалению, встречается редко. Представьте: один из друзей предаст общую, глубокую, разнообразную, творческую жизнь. Даже не чем-то значительным, а так – в мелочи: проявляет невниманье, холодность, пренебрежение. И великие отношения разрушаются. Настоящую дружбу убивает любой грех. Уже невозможно откупиться от этого поступка. Скажем, просто вернуть вещь, которую украл. Утрачено доверие, разорвана взаимность. Малым теряется все.

Можно ли восстановить дружбу? Да, если другой тебя пожалеет, добровольно пойдет на жертву. Удар, боль вменит в ничто. И вот тогда ты поймешь, что такое милость.

Так происходит в отношениях людей, где все быстро, скоротечно, недолго. А в дружбе с Богом открывается вселенная – и даже больше: Его надежность, желание насытить человека всем, поделиться Собой. И когда рушатся эти отношения (пережитые, осязаемые), как же важно для нас опять к ним вернуться! Если это происходит, мы понимаем, что такое милость.

Господь говорит: не вы Меня избрали, а Я вас избрал. Он всегда идет впереди нас. Человек не может миловать, и никогда люди не прощали, не миловали друг друга, пока не помиловал нас Бог. По настоящему и до конца, соглашаясь на истязания, насмешки, пренебрежение.

Тот, кто бывал так прощен, кому возвращена любовь, равная жизни, уже естественно, а не по принуждению и закону, хочет делиться милостью, восстанавливать жизнь там, где она нарушилась, где в его власти принести милосердие.

Пока мы не будем подробно останавливаться на том, что милость надо подавать тому, кто ее просит. Иначе ее не донести до человека. В притче о блудном сыне отец сразу простил свое чадо, но донести до него прощение смог только после того, как сын осознал свою неправду.

Простить – не значит все сразу вернуть и отдать. Часто надо ждать, надеяться, смотреть на человека. Милосердие должно быть умным. Грешим-то мы расчетливо, выстраиваем целые комбинации, чтобы этого никто не заметил, чтобы себя успокоить. Вот и милость нужно приносить так же, и даже более того – мудро.

В Священном Писании это подтверждается много раз. Свою святыню, свой жемчуг человек не должен бросать на поправление свиньям (тем, кто находится в свинском состоянии). Хотя, конечно, желать милости и хотеть, чтобы все ее получили, для нас естественно.

Сколько раз мы читали о том, как люди, приговоренные к смерти, сидят в камере и ждут расстрела. И вдруг одного из них помиловали. Он выходит на свободу, и никогда не будет смеяться над теми, кто остался в тюрьме, а пожелает им жизни.

Та милость, которую мы приносим другим – это дитя той великой Божией милости, которую мы сами получаем.

Наша милость – несравнимо меньше Божией . От нас мало требуется. Правда, мы и здесь бываем лукавы. Почему-то решаем, что нам надо прощать людей, которые нас не задевали, примеряем на себя ситуации, происходившие с другими. Тут грубая неправда. Простить должны те, кого обидели. Наше дело – примириться с нашими должниками.

Господь предупреждает: суд без милости будет над теми, кто сам не оказал милости. Это не угроза, а простое напоминание: «Дорогой мой, если ты не прощаешь других, то поищи милости. Пока ты ее не нашел. И вот когда найдешь, обязательно будешь жалеть других людей».

Если разобраться, то от христиан должна исходить единственная проповедь: **«Бог открыл мне, как страшно я живу. Я просил меня простить – и Он простил. Чего и другим желаю».**

Христиане – это не передовики в добродетели. Мы помилованный народ. А у нас часто происходит подмена понятий: начинаем считать себя благородными, высокими. Но наши дела всегда несовершенны, не до конца. А то, что не конца, требует Божией милости – иначе рассыплется.

Везде, во всем у нас присутствует грех. Давайте уясним себе, окончательно убедимся в этом. Не только прочитаем разок, согласимся, а потом внутри – опять вернемся к тому, что я-то уж точно добренький и благой. Еще бы! Два раза пытался простить обидчика – и на пять минут получалось. Хотя, конечно, обида вернулась...

Христианин живет помилованным . Это великое чудо – осознать, что ты себя и других разрушал, убивал. И после этого не испугаться, догадаться: Тот, Кого ты в себе убивал, готов помиловать тебя. Если такое произойдет, то дальше ты станешь естественно и просто делиться с окружающими, такими же несчастными, как сам, тем богатством, которое тебе вручили.

Тут есть один очень важный момент (возможно, мы о нем отдельно поговорим). Существует распространенная и злая ошибка, которая, мне

кажется, очень часто закрывает людям путь веры. Она заключается в том, что мы выносим приговор будущего суда о том, что тот или другой человек не спасется. Это касается судеб людей не только здесь, на земле, но и уже умерших. Тот, кто так безжалостно ошибается, только по внешности может называть себя христианином.

«Блаженны милостивые» – большая заповедь. Я имею в виду не количество случаев, в которых мы можем миловать других, а ту силу, с которой способны это делать. Часто мы так прощаем, что после этого человек от нас закрывается – даже самый близкий. Или прощаем «осторожно»: смотрим на «обидчика» – и все-таки ждем подвоха. И в вечности не хотели бы иметь с ним дела.

Но помиловать так, как этого просит от нас Бог, – значит, разрешить человеку жить вечно рядом с собой. Хотя иногда это страшно, но зато живая душа будет находиться с тобой всегда. А если иметь камень за пазухой, то в Вечность рядом с нею не войти.

Господь вручил апостолу Петру ключи от Царства Небесного, когда Сам Он шел на добровольную жертву. И милосердно открыл людям возможность жить – после того, как на землю была принесена смерть – для Вечности. Ключи означают: Христос хочет нас помиловать – открыть врата Царства Небесного внутри нас. Помиловать Петра, который трижды отречется от Него. И других, которые разбегутся. Всех Он прощает, милует. И дает нам силу прощать других – для Вечности.

Один из подвижников сказал примерно так: Господь дал нам ключи от Рая, но ключи от ада – оставил Себе. Он не разрешил нам судить, кто будет в аду, а разрешил – миловать. Разве этого мало?

Люди ищут каких-то больших дел на земле, великих достижений, строят башни до небес. Но вот перед тобой оказывается душа, которая не сумела прожить жизнь, ошибалась, мучила себя и других, не могла верить. И, оказывается, если ты попросишь: «Господи, прости ты ее, спаси!», то этой милостью тебе дается власть открыть для души вечную жизнь. Вот оно – великое дело.

Думаю, нас бы очень утешило, если бы кто-нибудь искренне, непритворно так о нас попросил, так помиловал, хотя мы его – ранили! С трудом верится, что люди на это способны. Мы обычно безразличны, легко, с пренебрежением относимся друг к другу.

У митрополита Антония Сурожского есть рассказ о человеке, который был в фашистских застенках. Владыка встретился с ним уже после войны. Тот плакал и говорил: «Знаешь, когда меня мучили, я чувствовал, что честно прошу Господа простить их. Сейчас мне легко жить, но я не могу честно просить, чтобы Бог простил их».

Вероятно, он тут не совсем прав, но мысль его обращена в верную сторону. Человек может заступиться только за того, от кого он лично пострадал. Если его самого не обижали, он издала в бинокль смотрел, как там вдали кого-то убивали, то ему просто сказать: «Да простите их!» Иную силу имеет просьба того, чей родной человек убит, и он просит судью помиловать убийцу.

Заповеди Христа не таят в себе угрозы. Они дают нам некое откровение. «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» – это не условие, а результат. Только помилованные – помилуют.

Вы можете спросить: какое отношение к милости имеет «Блаженны нищие духом...»? Отвечу. Эта заповедь возводит нас к Господу, Который из ничего творит великий, богатый, необъятный мир. Это Его дар нам, людям. Блаженна нищета, которая заметит тут Божию милость.

Мало кто даже из верующих задумывается о том, что мы могли бы остаться в небытии. Быть вызванным из небытия во временный мир – уже удивительно. А в вечный?

Но в заповеди «Блаженны нищие духом...» заложена еще одна вещь – более глубокая и сокровенная. Счастлив тот человек, который понимает, что в одиночестве он не проживет.

Нам даны тело, душа, жизнь. Но вот другой человек, непонятно почему, по свободной воле, обладая жизнью, в которой все есть, вдруг уделяет нам свое внимание. И понимаешь: да ведь именно это и было нужно. Владея всем, но

оставаясь одинокими, мы впадаем в трагическую нищету и разочарованность. Нарушается естество жизни, происходит возвращение к тьме. Это подобно смерти, потому что тут нет изменения, развития.

А мы на земле как бы все время продолжаем свое рождение. Как? Соединением с Богом и человеком.

В современном обществе и культуре общение людей считается нормой. Более того, полагают, что добрые и порядочные отношения – тоже норма. Ничего подобного! Мы вызваны к жизни из небытия и одиночества. Блажен тот, кто это заметил. Он сможет испытать благодарность за милость другого, святить ее в себе.

Тогда встреча имеет шанс стать полной – в наибольшей мере, не поддающейся учету и анализу. Трудно передать словами это удивление, диво, трепет. Перед милостью стоишь – и не можешь ее вместить.

И прежде всего, конечно, это относится к Богу. Он даровал нам бытие, а в нем – Самого Себя. Готов разделить с нами жизнь. Эта милость лежит в основе Его жизни. В Нем есть все: и праведность, и справедливость. Но милость – на первом месте.

На иконах мы изображаем Бога в славе. Это Его жертвенная любовь, которая готова отдать Себя сверх всякой меры.

Господь вложил в нас Свой образ и подобие, чтобы мы наследовали ту милость, с которой Он относится к нам.

Вот мы часто слышим:

-Его не надо любить, он плохой!

Но у хорошего и так все есть. Получается, мы ведем себя, как язычники: кто к нам ласково относится, к тем и мы?

Евангелие – с первой до последней строки – открывает нам жизнь Христа. Все Его слова, поступки понятны только через милость. Многое из того, что Он заповедал нам, можно было бы объяснить с какой-то другой точки

зрения. Но это будет неверно. Даже Его самые строгие обличительные слова были произнесены с милостью.

И вторую заповедь блаженства можно понять только через милость. Чистым людям даны радости бытия, встречи с другими. А нам, падшим, – милость: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся».

Человек пал, все потерял. Но стоит ему вздохнуть, признать это, и Бог опять все возвращает с милостью. Сначала – создает мир, его основу. А тут – входит в нашу жизнь.

Блаженство есть только у Него. И святость – тоже. Святым может стать лишь тот, кто с Ним. И милостивым становится – узнавший Бога.

Из заповеди «Блаженны милостивые...» видно: Господь хочет видеть нас не солдатами, наемниками или рабами, а живыми людьми, которые стараются думать, размышлять. Эта заповедь естественна и не трудна. Не выполнить ее – невозможно, если тебя помиловали. А если кому-то трудно миловать, то ему стоит задуматься: может быть, он еще не встретился с верой, с Богом? Мы Его предавали, убивали, бежали от Него, боролись с Ним. Все без исключения.

Часто люди воспринимают милость как милостыньку, копеечку на денек. А она дается навсегда и связывает нас с вечностью, с тем, что было, есть и будет.

Когда человек входит в этот мир милостью страдающего Бога, он уже не может равнодушно смотреть на тех, кто нуждается в милости: озлобленных, тупых, самодовольных, вредных, подлых, последних безбожников, насильников. Господи, как же их жалко! Они не встретились с жизнью и знают только смерть.

Очень непрост путь от мысли, чувства – до их воплощения в жизнь. Но мало понять это только умом. Принять до конца можно только сердцем, и чтобы научиться так жить, нужны времена и сроки. Нужна готовность ко всему: будет и страшно, и невыносимо. Но если человек не обманул себя, а действительно встретился с милостью, он ничего не испугается. Почему? Да

потому, что понимает: его избавили от великого зла. Значит, от любого – избавят. Милость не имеет конца, границы. Нет ничего такого, что могло бы отлучить от нее человека, кроме желания отказаться от милости.

С Богом мы сначала встречаемся в своем сердце. Потом учимся говорить верные слова, иметь верные мысли, совершать поступки. Так же происходит и после встречи с милостью: постепенно понимаем, как пожалеть другого человека, когда это можно сделать, а когда нельзя. Это путь поиска, мудрости. Сам Господь дает нам заповедь: «Будьте мудры, как змеи». Наше творчество – опять научиться миловать. Мы забыли, как это делается.

Если мне в жизни не удалось никого реально помиловать, а я знал, что это нужно (сам испытал!), то и тут путь не закрыт. Надо просить: «Господи, прости меня, и помилуй тех, кого я не смог!»

Эта заповедь блаженства – преизбыточная. От нее нельзя закрыться, спрятаться. Даже самый злой, порочный человек, привыкший так жить и не знающий иного, тот, кто сжег свою совесть, перед этой заповедью оказывается слаб: она победит любого. И тогда этот, самый страшный, тоже поделится милостью с такими, как сам. Недаром Христос сказал: «Тот, кому мало прощается, мало любит».

Вот путь милосердия: кому много простилось, тот много любит. Подспудно здесь имеется в виду то, что Сам Господь любит не «хороших», а тех, кто живет на земле и кому надо много прощать. Нас с вами.

Христос не навязывает нам что-то трудное, а предлагается естественное: заповеди – это не суровый устав для наказуемых, а возможность стать здоровым. Если жизнь человека благодатна, полна смысла, труда, радости, разнообразного творчества в общении, познании мира, открытии красоты, то зачем ему тогда пить и курить, говорить грязные слова, хитрить, лукавить? Это не нужно. У него есть все – полнота бытия.

Знаете, чему равносильна заповедь о милости? Совету врача, который порекомендовал бы пациенту: «Дыши днем и ночью». Но как же иначе? Не будешь дышать – умрешь.

Заповеди Христа даны не как отдельные пункты, которые надо выполнить в разное время: сейчас – одно, позже – другое. Нам же надо не только дышать, но и чтобы сердце билось. Заповеди живут вместе: если нет милости, я не могу быть нищим духом – и радоваться этому. Блаженная жизнь вбирает в себя все, но основа ее – именно милость. В ней я отдаю внимание, силы, всего себя – другому.

Наша вера состоит в том, что Христос пришел на землю ради нас, людей, и ради нашего спасения. Спасение – это Его милость, которая избавляет нас от зла. Но что значит – «ради нас»? Тут говорится о той милости, которой Он дарует нам Свою жизнь, делает богами. Согласитесь, мало избавить человека от зла, надо еще наполнить его добром, благом. Дом нужно вычистить, но нельзя оставлять пустым. Потому-то Господь говорит нам не только «покайтесь», но и «просите».

Честный взгляд человека на свою жизнь, самого себя показывает: мы всегда пребываем в милости. Бог о нас думал, когда мы еще не родились, даже когда люди не были сотворены. Разве это не удивительно?

Заповедь о милости органично продолжает следующая заповедь: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». О ней можно сказать очень коротко, не объясняя долго. Когда падший человек станет чист сердцем? После того, как оно будет вновь в нем сотворено? Церковная молитва объясняет это так: «Сердце чисто созижди во мне, Боже!».

Наше сердце создается, творится заново, потому что оно разрушено. Грех – не грязь, которую можно смыть. Потрачена, ушла в небытие некая часть меня. Я не могу быть цельным, полным. Именно поэтому Христос подходил к некоторым людям и говорил: «Будь целым». И человек создавался заново.

Сердце не станет чистым, пока мы не обратимся к милости. Потому-то невозможно попросить Господа: «Будь любезен, очисти меня!». А можно молить – только о милости. Вспомните, люди, которые шли за Христом и просили о прощении грехов, так и говорили: «Помилуй нас!».

Божия милость к падшим прощает плохое и одновременно созидает благо. Блаженны те, кто обратился к милости и узнал ее действие, силу. И если Бог

создаст во мне чистое сердце, то оно будет Его видеть. Подобное видит подобное. Другого пути нет.

Жизнь так устроена, что мы учимся, получаем профессию, а потом пользуемся ею, пожинаем плоды. В вере совсем не так: когда я принимаю дар, то не говорю за него спасибо, не вручаю ответный подарок, не оказываю какой-то знак внимания, а всегда удивляюсь Тому, Кто вручил мне дар. Даже после смерти.

Так же происходит и с милостью. Недостаточно помнить о том, что она мне оказана. Я нищ сердцем и знаю, что не умею жить достойно – даже помилованным. Поэтому со мною всегда – сокрушенный дух: «грех мой предо мною есть выну».

Давайте немножко отвлечемся, чтобы понять, почему святые люди, исихасты, учились непрестанно молиться Иисусовой молитвой. В одной части эта молитва покаянная: «Помилуй мя, грешного!» Человек, даже когда молится, понимает, что он не прав: делает это не до конца, не от всего сердца, и вера вообще может уйти. Просит: «Господи, прости меня, сейчас неверного, холодного, который борется с Тобой». Духовная нищета святых всегда пребывала с ними. Значит, с ними всегда пребывали милость, чистота сердца. И они зрели Бога.

Эта заповедь, с одной стороны, ясна и проста, даже как бы легка. Но она абсолютно недоступна для человеческих сил, трудов, праведности, а доступна только для милости.

Господь говорил о Себе: «Я есть путь». Нам все время хочется видеть результат, завершенность, пьедестал. Но когда человек идет по дороге к совершенству, от прекрасного – к величайшему, он преодолевает не просто зло, а свои грехи, немощи.

Редко кто понимает, что такое добро, его же так мало. Несовершенство – грех. Добро совершенно. А у нас оно какое? Наши непостоянство, неполнота нарушают святость добра. У людей оно иное, чем у Бога. Божия милость – навсегда, непреложна. Если это почувствуешь, то услышишь слова Христа: «Я пришел сделать вас свободными».

Может ли раб не трепетать перед господином? Конечно, нет. Но он может почувствовать свободу, когда его отпустили: гуляй, веселись, пей! Тебе вручена Вечность, ты нашел милость – и нет причины унывать. Никогда. Заповедь о милости ставит нас перед блаженством, с которым мы уже встретились. Но есть блаженство надежды, когда человек еще ничего не имеет, но чувствует истину за словами Христа. И надежда начинает немножко согревать его.

Сейчас почти никто не хочет ею жить, привыкли иметь синицу в руке, а жаль. Пусть мое сердце нечисто, но жизнь объяснилась: «Господи, понимаю, почему я в Тебя никогда не верил, почему во мне хаос мыслей. Это потому, что сердце – не чисто, не видит, не понимает, не знает добра. И я надеюсь, что когда-нибудь твоя милость коснется меня. Знаю, почему не касается сейчас: я неблагодарен, не умею хранить, беречь то, что Ты мне дал». Нужен путь, чтобы дожить до милости.

Такой путь становится светлым. Это еще не день, но уже рассвет. Похоже бывает и в отношениях людей: встретились двое, которые будут любить друг друга до самозабвения. А пока в них пробудилась взаимная симпатия: «Надо же, я кому-то нужен!» И в этом уже все есть, хотя вроде бы пока ничего нет...

Заповеди Христа – не мертвый устав, а возможность обновления жизни, жития человека, его действий, чувств. Чистые сердцем – обновленные люди. Тот, кто это испытал, не будет бояться, что разлюбит: сердце обновится – и любовь вернется с большей силой. Все злые сказки человечества о том, как люди любили друг друга, а потом разлюбили, – ложь перед этой заповедью. Конечно, если человек одинок (без Бога), то ему нечего ждать. Но это клевета на жизнь, будто все не возвращается сторицею. Если ты захочешь, любовь вернется: нужно только иметь желание, чистое сердце.

Созидание сердца возможно не только в отношениях между человеком и Богом. В нашем сердце есть место для всех людей – их царство. И оно тоже может открыться, если ты рад человеку, ждешь его, он тебе нужен. Сердце, очищенное от обид, притязаний, позволяет увидеть в другом его неповторимость. У него есть что-то, чего нет и никогда не будет у тебя самого. Вместе, по-дружески – это теперь твое, а в любви – едино. Нечистое, алчное сердце терзает, насилует самого человека. Очисти сердце –

и в другом ты увидишь Бога, поймешь, как Он заботится о нем, действует в нем. Поэтому не стоит бояться, что ты с кем-то соскучишься: и сам будешь обновляться, и другой – тоже.

Хотя мы только знакомимся с верой и нам еще нужно учиться грамоте в ней, но чистота сердца дает возможность нам на земле увидеть нетварный Божий свет. Эта чистота – не просто умение себя хранить после того, как нас простили, помиловали (мы говорим – очистили). Человек словно заново рождается. Недаром в 50-м псалме Давидовом звучит просьба: «Сердце чисто созижди во мне, Боже...». То есть сотвори – из ничего.

Нам кажется, что мы всегда будем такими, как есть, и остается только развивать уже имеющиеся способности. Но это не так. Перед верующим человеком стоит неведомая жизнь, в которую он может родиться. И если бы наша вера не была опошлена маловерием, сведена до обрядовости, то мы бы чувствовали рождение в новую жизнь в Крещении, вступлении в брак, любом другом Таинстве.

Обновление происходит, когда человек понимает: он становится другим, не вмещается в прежние мерки, не может жить, как раньше. В нем появляется нечто, делающее его жизнь детской. Господь сказал нам: «Будьте как дети». Почему? Да потому, что они рождаются с неумением жить. Им надо все начинать сначала. Вот и в вере нужно всему учиться заново: иначе смотреть на мир, на людей, беседовать с ними, строить отношения. По-старому – уже нельзя. Невозможно.

Сотворение чистого сердца – это открытие новой, духовной вселенной. Она становится все шире. И в этом – необыкновенное блаженство. Опять-таки оно присуще только тому, кто больше возлюбил свет. А ленивому, унылому важно другое – «уверенность в завтрашнем дне». Для него призыв к свободе, дерзанию равносильен муке, истязанию. Ведь чаще всего свобода нам только кажется желанной. По-настоящему мы хотим свободы для греха, поэтому просим здоровья, сил, благоприятных обстоятельств, чтобы эти дары щедро потратить на грех, иметь для него больше возможностей. Да чтобы и сам грех был покрупнее.

Люди возлюбили его, почти отказались от возможности поступать благо. Не случайно же появилась поговорка: «Охота пуще неволи». Мы отбрасываем волю остальных людей. Главное – наше желание. Оно сильнее, чем запоры тюрьмы. Стоит человеку захотеть – и он подчинит себе весь мир. Везде ему будет тюрьма, пока этого не добьется. В такой жизни, если и появляется свободный выбор, он может восприниматься только как трагедия, мука.

А человек с чистым сердцем страдает, если нет выбора (которого нас лишает грех, подчиняя себе). Его вдохновляет то, что он может поступить как угодно, а не по принуждению или правилам: «Господи, я знаю, что Ты меня примешь, не отвергнешь, помилуешь, даже если я уйду от Тебя далеко». Именно об этом говорил апостол Павел: мне все возможно, но не все полезно.

Только сделав вольный выбор, можно свидетельствовать: «Как же мне сладко идти навстречу Тебе, Господи!» Подобно этому мы идем по жизни навстречу любимому человеку.

Мы говорим о Божиих заповедях, но, по сути, одновременно пытаемся оторваться от собственных заповедей – законов. Они есть у каждого из нас. Чтобы вместо них принять что-то другое, нам опять нужно пройти путь – преодолеть эгоизм и расстаться с ним (это и значит «отвергнуться себя»). А сразу ничего не получится.

На земле жили люди, достигавшие святости, не сомневавшиеся в том, что есть Бог, что в сердце человека сосуществуют добрые и злые помыслы, скука и отчаяние. Эти молитвенники за нас – нашего рода и понимают нас, потому что и падали, и калялись. Но они видели даже нетварный Божий свет – энергии Божества, Его благодать. Этот сокровенный свет и может быть путеводной звездой для человека, позволяющей нам узнавать волю Божию. Где есть этот свет прощения, милости, помощи, там береги и храни его.

Но это сказано не для того, чтобы немедленно применить в жизни, а как некий пример, который когда-нибудь кому-нибудь станет интересен и которому можно довериться.

Мы привыкли к суете дня, очень устаем, изнашиваемся от нее. И эти слова могут показаться лишней нагрузкой. Люди не хотят думать об этих вещах.

Жить мечтами, вымыслом им приятнее. Хотя мечты – фальшь, обман. А тут – реальность, она может сделать нас счастливыми, но люди бегут от нее как от лжи.

Если задуматься, то, как это хорошо, когда Господь видит сердце человека, а человек – видит Его. Эта взаимность называется любовью. В ней заключается блаженство жизни, которая не знает ничего «своего». Так Христос говорил об Отце: все Мое – Твое, все Твое – Мое. Не в приземленном варианте, а во всей полноте жизни, которую невозможно представить и объять.

Среди наших чувств и впечатлений мы не умеем разглядеть, вычленив нечто прекрасное, небесное, а оно все время с нами и внутри нас. Бог дарит нам одну за другой возможности для новой жизни. Она может стать нашей – и при этом нам не принадлежать.

Звучит парадоксально. Но тут проведу такую аналогию. Известно, что человек становится рабом греха. Раб – тот, кто не принадлежит себе. У него есть руки, ноги, тело, но им владеет другой. Рабу вырывают язык – и он молчит.

Рабство нам противно, и мы живем как бы свободными людьми, не хотим его замечать. Но если оно начинает в нас «говорить», то обязательно борется с Богом. Многие пугаются: «Да это же не я!» Конечно, ты, который раньше молчал, был безгласным рабом и надеялся счастливо прожить, унижаясь и пресмыкаясь перед мерзостью. Ты смирился, считал это нормальным, делал вид, что все в порядке.

Обнаружить в себе такое бывает порой губительно, если мы не верим в милость Бога. А ведь Он узнает о нас не из исповеди. Как только впервые шевельнется сердце человека навстречу истине, Господь уже это принимает и радуется за нас.

Удивительно, но это блаженство рождает еще одно: человек перестает видеть зло. Для нас оно имеет характерные черты, силы. Мы ему подчиняемся. Хотя, оказывается, когда постепенно становимся самими собой, а потом еще – и Божиими, то видим: на самом деле зла нет.

Возможно, кого-то это утверждение возмутит. Но оно верно. Зла нет, а есть болезнь, которая паразитирует на здоровом теле. Не станет тела – не будет и болезни. Это похоже на раковую опухоль, которая поедает организм – и умирает с ним.

У зла нет собственного бытия, это только разложение здоровой жизни. Там, где оно присутствует, в действительности страдает добро. И когда человек входит в единство с Богом, узнает Его милость над собой, то любому становится совершенно ясно: если меня самого можно было простить, то и весь мир находится под Божией милостью. В нем остаются страдания, болезни. Но их цель – не погубить, а возродить нас.

Человеку, узнавшему милость, никакая душа не покажется темной или ненужной. Ему откроются помышления многих сердец, которые насмерть бьются за «место под солнцем». Но жизнь на земле после Воскресения Христа – все-таки пасхальная. Никогда не забывайте: мы живем с Богом, Победившим зло и смерть, с Богом Воскресшим – с Пасхой. Наша жизнь такова, что приводит к смерти. А Его смерть дает другим возможность жить.

Многим кажется, что Господь нас как бы испытывает, бросил сюда, чтобы посмотреть на наше поведение и выбрать лучших. Конечно, это не так. Мы все неповторимы и незаменимы, но одинаковы – по природе. Добро может «болеть», то есть страдать. Но, если мы захотим, можем выздороветь.

Существует и уже применяется лекарство, которое всецельно освободит от болезни кающегося.

Итак, «чистое око не видит зла». Но это не наивность, не лукавое свойство отвернуться – и не замечать, а начальная стадия чистоты сердца. Человек искренне хочет оправдать другого человека. Перед этим оправданием зло становится бессильным, как, например, перед словами Христа на Кресте: «Не ведают, что творят».

Желание не осудить – довольно мощное, оно может найти столько возможностей, что просто удивляешься. Но мы им почти не пользуемся. В нас не развито подобное мышление. Даже самые гениальные писатели, заметьте, почти не умели оправдывать своих героев.

А ведь это громадная область, в которой человек может найти новые, удивительные отношения. И даже если он оправдывает человека, у которого все-таки окажется грех, то и тут есть средство, еще более могучее: «Господи, помилуй его!»

Имейте в виду: слова эти нельзя произносить легко, влет. Только тот, кто вошел в труд оправдания, стал един с другим человеком, имеет право просить у Господа помиловать близкого. А мы чаще всего просим прощения за тех, кто обижал не нас, а кого-то другого. В этой ситуации легко чувствовать свое «благородство». Но так нельзя, непорядочно. Вот когда тебе самому больно, когда ты «соузник» в его страдании – от последствий греха ближнего твоего, тогда проси за него Бога.

По жизни мы знаем много примеров, когда падшие люди просили о чем-то Бога – и получали просимое. Нам хочется, чтобы за нас помолился светлый человек. А это может сделать любой нуждающийся в милости: грешник, мытарь, блудница...

Кто на себе испытал милость, способен просить за другого. И человек, за которого он молится, перестает быть для него чужим. Они становятся близкими – «ближними друг другу». Их достигает милость.

А дальше я уже ничего не могу добавить. Вам необходимо обратиться к первоисточникам – к духовной литературе, к тем людям, которые имели чистое сердце и зрели Бога. Их опыт нельзя передать. Пойдите, найдите, прочитайте, например, послания апостола Павла.

Мне кажется, подавляющее большинство людей не воспринимают их как письма близкого человека. Значит, все, что он сказал, звучит для них сухо и неинтересно. А ведь он столько пережил! И передал внутреннее состояние человека, узревшего Бога.

Мое убеждение таково: если нам все время рекомендовать какие-то книги, мы не научимся читать. Надо самим интересоваться, искать, учиться выбирать. Слышать внутреннее созвучие с тем, что читаете: правда это или нет?

Иногда людям дают ложные авторитеты. Тогда происходят страшные вещи:

«Бога узреть» можно и в погибель. Известно много случаев, когда неочищенное, гордое сердце искало встреч – и находило. Тьма приходила к человеку под видом света.

Духовный опыт святых учит нас быть осторожными, не попадаться на этот обман. На земле мы всеми средствами добиваемся каких-то чинов и постов. А в вере так нельзя. Путь в ней – естественный. Подобное видит подобное. Станет сердце чистым – и узришь чистого Бога. Начнешь фантазировать – и тебе подsunут ложный свет, от которого можно погибнуть.

Вы посмотрите, сколько сейчас нам предлагают всяких «чудес», вещаний, пророчеств! Множество людей «видят» и «исцеляют» болезни. К кому-то якобы является Сама Пресвятая Богородица – и людей невозможно убедить в том, что у них ложные видения. Они считают нормальным то, чего не может быть. Нельзя видеть Бога с неочищенным сердцем.

В советское время большой удачей считалось ходить в магазин с черного хода: больше выберешь и вынесешь. Очень жаль, что принцип советского магазина люди переносят в церковь. А в ней возможен только прямой путь. И если есть в тебе темные стороны, пороки, – не торопись. Стой во врачебнице, в терпении стяжи душу твою. И благодари Господа за то, что земля нас пока носит.

И у великих святых бывали моменты, когда они обманывались, думали, будто к ним пришел Господь. Здесь нужна осторожность, которая не знает предела, кротость, не имеющая изъяна. Пока в человеке остаются хотя бы признаки гордости, даже помышлять не надо об этом. Зато можно радоваться, что среди нас были люди, которые зрели Бога.

Господь равно близок каждому – и святому, и грешнику. Он с ними и с нами – всегда. Чего ж еще хотеть? Бог дал нам все, а мы завистливо засматриваемся на иную жизнь.

В Евангелии описано, как Христос был в доме фарисея Симона. И вот одна женщина пришла и стала миром омывать ноги Господа.

«Видя это, фарисей, пригласивший Его, сказал сам в себе: если бы Он был пророк, то знал бы, кто и какая женщина прикасается к Нему, ибо она грешница».

А Господь, Который знает, о чем думает человек, обратился к фарисею с такими словами: «Видишь ты эту женщину? Я пришел в дом твой, и ты воды мне на ноги не дал; а она слезами облила мне ноги и волосами головы своей отерла. Ты целования мне не дал; а она с тех пор, как Я пришел, не перестает целовать у Меня ноги. Ты головы Мне маслом не помазал; а она миром помазала Мне ноги. А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много; а кому мало прощается, тот мало любит» (от Луки. 7. 36-47).

Кому много прощается, тот много любит. То есть знает Бога как великого, милующего Духа. Разве этого не достаточно? Человеку надо быть верным в своем, видеть, как много нужно, чтобы он, злой, грешный, все-таки жил. Это уже совсем новое понимание себя и окружающих.

Евангелие рассказывает, как Господь в Вифсаиде исцелил слепого: «...вывел его вон из селения и, плюнув ему на глаза, возложил на него руки и спросил его, видит ли что? Он, взглянув, сказал: «Вижу проходящих людей, как деревья». Потом опять возложил руки на глаза ему и велел ему взглянуть. И он исцелел и стал видеть все ясно» (от Марка. 8. 23-25).

Когда слепой прозрел, ему понадобилось время, чтобы понять, как выглядит дерево или здание. В таком же положении находится и помилованный человек. Если бы у него был опыт, он видел бы в каждом достоинство образа Божия – и в Адаме, и в друге, и в противнике.

Христос все время разрушал старые представления людей. Апостолы хотели узнать, кто из них первый, кто чище. А Он говорил им: первый будет последним, а последний – первым. Тут нет абсурда, а есть неприятие гордости – в любом виде.

Бог никогда не дает нам чего-то малого. Если Он милует грешника, то вручает ему все, даже власть над Собой. Но наши глаза не привыкли это видеть. Мне кажется, это и есть то самое бревно, которого мы не замечаем в собственном

глазу: великое всегда с нами, в любой момент жизни, а не когда мы достигаем академических или президентских вершин. Блаженство и счастье приходят к человеку на любом месте, в любом несовершенстве.

Святые — это те, с кем мы можем порадоваться и разделить общую жизнь. Они совсем не кредиторы, которые ссужают нам то, чего бы мы никогда не получили. Нам вручены такие же дары, как им. Но они умели их хранить. Поэтому мы испытываем трепет перед ними.

Еще раз повторю. Человек своевольный, не умеющий жить дружбой, быть порядочным в ней, не может узреть таинственность мира. Нечистое сердце будет обмануто и увидит тьму.

Заповеди блаженства глубоко связаны между собой. Каждая из них представляет собой как бы следующую ступень лестницы. Блаженные нищета, плач, алкание правды, кротость и чистота сердца вводят нас в сыновство Богу. Хотя бы в самое начальное, младенческое.

А последние три заповеди открывают законы жизни человека, который уже имеет некое общение с Богом — в той или иной степени: «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах».

Мы помним, что все может возрасть — и доброе, и худое. Заповеди блаженства иногда как бы нечаянно проявляются в нашей жизни. Что-то коснется человека — и он постоит за правду, рискнет своим положением. Не исключено, конечно, что потом будет сокрушаться, жалеть о потерянном. Но дело не в этом. Важно, что заповеди открыты всем. И как некое постоянное качество человека они проявляются тогда, когда трезвение, покаянный дух становятся устойчивыми.

Но давайте-ка ответим на вопрос: кто такой миротворец? Это тот, кто приносит людям жизнь Божию и сам ее желает. Следующее блаженство — когда человек ее принес, и его подвергают гонениям. А очередное — он

живет этой жизнью и, по слову Христа, «как Меня гнали, так будут гнать и вас».

Когда мы Духом введены в эту жизнь, то, вопреки всему, даже тяжелые обстоятельства будут нас веселить, ведь будущее — уже открыто человеку, принадлежит ему. Он понимает: все происходит не напрасно, а во благо ближнему. А значит — и ему самому.

Посмотрите, как интересно: зло борется за то, чтобы погубить. А Бог — всегда за то, чтобы дать жизнь. Он и на Кресте победил, когда дал новую жизнь земле, людям.

Ну, а мы на самом деле — боремся с Богом. Нам трудно поверить, но это так. Просто наша борьба — хитрая, лукавая, лицемерная. Мы не можем себе признаться в ней, не видим ее. Как слепые.

Нам обычно хочется наказать грешников. А у Бога — все наоборот. И если человек говорит Господу: «Ты меня победил!», то это означает: «Я раскаялся в своей жизни».

Христос дает нам заповедь: «Блаженны миротворцы, ибо они сынами Божиими нарекутся». Но что это значит — быть сыном? Давайте подумаем. Прежде всего, сын становится наследником отца. Следовательно, он должен дорасти до отца.

Вспомним евангельскую притчу о блудном сыне (от Луки. 15. 11-32). Когда он вернулся домой, отец принял его с радостью и устроил пир. Вечером пришел с поля старший сын и начал с обидой выговаривать отцу: «Вот, я столько лет служу тебе и никогда не преступал приказания твоего; но ты никогда не дал мне и козленка, чтобы мне повеселиться с друзьями моими. А когда этот сын твой, расточивший имение свое с блудницами, пришел, Ты заколол для него откормленного теленка». И отец ответил ему: «Сын мой, ты всегда со мною, и все мое твое». А сын этого не чувствовал.

Для нас наследство Бога — это труд, в который мы пока не можем войти. Это жизнь духа, нам не принадлежащая, художество, не нами сотворенное. Сеяли и жали не мы. Но нас может обрадовать уже созданный Богом мир, а в

нем – могут заинтересовать и стать близкими люди.

Наша жизнь постепенно становится такой, что в нее вмещаются все живущие и умершие. Мы начинаем понимать, что после нас на землю придут новые люди. И надо что-то сохранить для них, передать, поделиться с ними. О чем-то – предупредить.

Выходит, первое блаженство сыновства – в том, что сын получает богатство, над которым не трудился. Это самое простое. А высшее – понять, что сын и отец – это одно («все мое – твое»). Ничего не спрятано, не утаено. Все открыто – до конца.

Мы называем миром окружающую нас обстановку. Но миром можно назвать и то, в чем и чем живет Бог, Кем Он является. Поначалу Он был во всем. Смерть – это отделенность от Него. Она началась с того момента, когда человек сказал: «Хочу обходиться без Тебя!» (в этом суть падения первых людей).

Нам надо начинать с себя, если мы хотим обрести, открыть другим Божий мир, Его жизнь. Чтобы она коснулась всего – нашей несчастной природы, человеческих душ. Это и есть принесение духовного мира.

Не случайно в заповеди Христос произносит слово «миротворцы». Не «миродельцы» или «мироносцы» (приносящие мир). Здесь мир – именно творится.

«Творить» и «созидать» - разные понятия. Бог и творил, и созидал вселенную. Сначала Он творил из ничего: сушу, небо, птиц, рыб, животных. А когда они уже появились, то в Библии по отношению к живому миру стал использоваться другой глагол – созидать.

Человек, принимающий мир Бога, Его жизнь, именно творится заново. В нем создается иное сердце. Блаженство миротворцев – двойное, как и остальные блаженства: миротворцы могут еще и доносить это творение до других людей.

Не нужно думать, что речь в заповеди идет об улаживании конфликтов. Мы ведь тоже называем это миром. Но Христос Свой мир как бы

противопоставляет миру человеческих земных жизней: «Что высоко у людей, то мерзость пред Богом» (от Луки. 16. 15). У нас высоко – иметь власть, обладать материальным богатством. И тогда человек вроде бы счастлив. А у Господа иначе: для Него блаженство – когда Он нужен нам, когда мы Ему рады. Когда Он Себя отдает. И Ему тяжело, когда мы не допускаем Его до служения нам.

Наш мир – истощается. Если мы трудимся, наши силы закачиваются, ресурсы иссякают. Божий мир по своей сути живет иначе. От Его деятельности все начинает умножаться.

Мы-то думаем, что дойдем до вершин – и тем исчерпаем возможности научения. А у Бога наоборот: ты только положи начало – и оно будет открывать тебе все большие горизонты, просторы. Душа входит в такое, о чем она даже не могла помыслить.

Христос говорил, что победил наш мир (от Иоанна. 16. 33). Что значит эта победа? Господь дал нам новую жизнь – иного мира. Он свидетельствовал, что во времени между двумя этими мирами происходит война, и Он пришел вооружить нас, дать нам меч.

Значит, в духовном смысле здесь невозможны ни холодный плюрализм, ни эклектика, ни панибратство. Только в Божием мире есть жизнь и свет. Земной мир с ними борется. И никакой общности, никакого единства между ними не может быть. Об этом тоже говорил Христос. Он подчеркивал: не может человек служить двум господам (от Матфея. 6. 24).

Принесение мира, о котором говорит заповедь, – это милосердие к погибающим грешникам. Сообщение им той жизни, которая не имеет никаких ограничений.

Посмотрите внимательно: ведь в нас действительно заложены стремления, которые есть только у Самого Бога. Он не имеет никаких ограничений. Вот и человек, если хочет быть тираном, то только неограниченным. Казалось бы, ладно: терроризируй свою семью, или коллектив, или страну. Но нет, этого мало. Надо подчинить себе всех. Тот, у кого диагнозы и анализы уже плохие,

понимает, что не доживет до этого. А если здоровье хорошее, то его ничем не остановишь, стремится стать богом.

А поиск блаженства в этом грешном мире? Писатели-романтики, начиная с XVII-XVIII веков, считали, что человечество можно сделать счастливым. Это пафос не людей, а богов. Некоторые даже предполагали, что можно создать и рай на земле. Недаром родилась книга «Голова профессора Доуэля». Там – «рай» мозгов: познание физического мира, наука – это мать радости и блаженства.

Это – заблуждения. Но человек действительно может узнать истинную жизнь – блаженную, Божию. И тогда он свидетельствует о ней. Для него становится естественным поделиться этим сокровищем с остальными людьми. Он начинает свидетельствовать о нем — прежде всего своей жизнью.

К сожалению, нас часто смущает то, что многие люди, которые ходят в храм, несчастны (хотя вроде бы должны быть блаженны, радостны). И нам не хочется получить от них тот «мир», которым они живут. Другое дело, когда человек имеет в себе ненадуманную и непритворную, ясную радость. Она, конечно, иногда может прятаться под какими-то переживаниями, но мы понимаем, что и переживания эти в вере — уже другие, просветленные.

В отличие от Божиего, наш мир — неполный. Но его может восполнить человеческая надежда. Верующим людям надежда дает силы там, где у других они заканчиваются.

Следующий шаг — это уже открыто делиться с другими тем Божиим миром, который имеешь в себе. Конечно, при условии, что люди разрешат, допустят такое общение с ними. То есть в случае взаимности, когда для других тоже важна жизнь, которая знает Бога как Сокровище. Нельзя метать бисер перед свиньями (см. от Матфея. 7. 6). Т.е. нельзя говорить о сокровенном с человеком, откровенно насмехающимся, глумящимся над самой мыслью об иной возможности жизни.

В то же время, оказывается, даже человек, который пока еще враждует с Богом, может нести Его мир, если просит: «Господи, помилуй нас!» Этот вопль привлекает к себе уготованное «прощение-общение» с Небом. Все

Евангелие говорит об этом. Но мы хотим нести этот мир как бы «бесплатно». То есть, не страдая от грешника, не «пересекаясь» с ним. Попробую пояснить.

Мы часто воспринимаем грех как некие ошибки и промахи. А на самом деле любой грех — борьба с Богом. Пророк Давид видел это и сказал: «Тебе единому согреших...» (псалом 50. 6). То есть все, что в жизни было сделано не так, — против Бога. Соответственно, если я хочу нести другим Его мир, то должен помнить: несу его тем, кто пока борется с Господом. А значит — и со мной. Это неизбежная «плата».

Проявление милости и мира — это действие, которое вступает в борьбу с губительной силой, отнимающей жизнь. Вот многие люди вспоминают пошлую поговорку: «Не сделаешь добра — не получишь зла». Будто бы сделаешь доброе дело — и за этим последует что-то злое как некое механическое продолжение. Это неправда! Просто само доброе действие уже несет в себе противление злу.

Мы под этим противлением часто понимаем что-то жестокое извне по отношению к нам самим. На самом же деле — это прежде всего несогласие со своим внутренним злом. Такое напряжение совести для человека всегда — главная трудность! И снова — неизбежная «плата».

Хотя, пусть очень-очень не часто, но бывают моменты, когда для нас становится важно разделить чью-то беду, боль и все с ними связанное. Причем, это бывает не по самопринуждению, а естественно, по внутренней потребности. Это желание мы можем испытать, например, к очень близкому человеку, чаще всего к детям.

А Христос противился злу, которое действительно Его окружало «извне», но делал это, не повергая, не уничтожая носителей зла — хулителей и распинателей, а являя им, как Своим детям, мир, прощение и милость. И противление Его было (и таким же остается поныне, и не отступит, и не измениться во веки) — до кровавого пота, до смерти.

Знаете, с чего начинается исполнение этой заповеди? С того, что у человека появляется как бы мысль-желание:

— Господи, как я хочу, чтобы все было — Твоим! И люди, и земля. Какими бы мы стали красивыми, благими!

Такое пожелание блаженства, спасения всем — как раз и объемлется словом мир. Внутренне и внешне — как общность всего существующего. Творец вселенной — един, и миротворец хочет, чтобы все и все были едины — в Нем, знали Бога.

Часто в храме мы тоже воспринимаем это как блаженство. А когда уходим из него, забываем. «Всякое дыхание да славит Господа!» (Псалом 150. 6). Именно в этом заключаются неограниченные возможности людей, настоящее счастье. Преодоление мелочности разделения.

Заповедь Христа: «Блаженны миротворцы, ибо они сынами Божиими нарекутся» дает нам свободу, неограниченные возможности, настоящее счастье. Открывает путь, по которому мы можем приводить к Богу других людей.

Привести к Богу — не значит ввести еще одно поколение в новое рабство. Нет, это как раз возвращение полноценной жизни, широты души — каждому живому существу.

Некоторые святые старались сохранять, не рвать попусту даже травинку. Настолько они проникались чувством, что все желает единства с Богом, хочет жить. И уж тем более это относится к человеку, даже если тот искренне считает, будто ненавидит Господа и борется с Ним.

Когда мы хотим, чтобы другие люди нашли Бога, то, конечно, выражаем это в словах и делах. Но ничего не можем достичь, пока сами не станем сыновьями Божиими. Именно такую возможность открывает нам воскресение Христа: Бог пришел на землю, чтобы человек стал богом, вернулся на Небеса.

Спаситель сказал об этом глубоком единстве Творца и творения: «Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит...» (от Иоанна. 14. 12).

Сердцем человек хочет мира – и это соответствует заповеди «Блаженны миротворцы...». А когда он от избытка этого желания начинает говорить слово другим, то уже переходит к следующей заповеди – «Блаженны изгнанные правды ради». В ней – продолжение того же несения Христова мира людям, но уже делом. И апостолов, действительно, гнали, преследовали, но они не хотели отвечать злом на зло.

Произнести честное слово устами об этом мире, слово правды, для нас очень важно. А правда – это отражение жизни Бога в какой-то конкретный, частный момент. Полнота правды – это уже Истина. Живая. Действующая. Сам Бог.

К сожалению, мы часто воспринимаем истину как нечто такое, что можно постичь. У нас на земле она, в основном, бывает мертва. А ведь Истина – Тот, с Кем можно быть рядом. Но это трудно объяснить людям.

Деятельное принесение мира другим будет отзываться в нас как некая радость. Хотя нести его – непросто. Потому что, как говорил Христос, «если делаете добро тем, которые вам делают добро, какая вам за то благодарность? ибо и грешники то же делают» (от Луки. 6. 33).

Вот и мы идем и несем мир тем, кто пока борется с Богом. И если они нас замечают, откликаются, то это блаженство: мы соединяемся для Вечности, у нас появляется общая жизнь.

Все это мы переживаем, в основном, кратко и незаметно. Чаще всего – по отношению к своим детям. Родители, скажем, могут вести несправедливую жизнь. Но детей все-таки не сразу развращают своим примером, а говорят:

-Учись, трудись!

Пусть это даже и не нравится детям. Но все равно родители – блаженны, потому что сказали правду, без которой невозможно жить. И надеются, что душа их сына-бездельника воскреснет.

Видите, как интересно: мы можем пережить свою родственность заповеди Христа «Блаженны миротворцы...», пусть и в очень малой мере. Но это значит, что она реально может стать свойством нашей души.

Мы можем пережить ее, когда умирает знакомый нам человек. Казалось бы, что он может сделать сейчас? Да ничего. Его тело вот-вот закопают в землю. Но его друзья и враги чувствуют примиренность. И миротворцем является тот, кто умер.

Почему? По единственной причине: он сейчас соединился с Богом. И мы испытываем ясное чувство: он не хочет иметь вражды с нами. Хочет, чтобы мы были в мире.

Значит, хоть раз в жизни мы сами выполняем эту заповедь на земле. Когда умираем. Хотя, конечно, можем и не выполнить. Потому что неизвестно, соединим ли людей вокруг себя. Ведь иногда на похороны приходят не попрощаться с ушедшим – от души, а совсем с иными целями.

Мы уже говорили, что человек, узнавший Бога, начинает нести Его правду другим людям. Но сначала он несет ее – самому себе, своей совести. Божия правда обличает нас. Нам становится стыдно, противно, не хочется думать о том, какие мы есть. И получается, что мы ей – сопротивляемся, она в нас самих подвергается наказанию.

То же самое происходит и с окружающими людьми. Если я говорю им льстивое, лукавое слово, они чаще всего принимают его по-доброму. А если правдивое, то возникает некое противление. И этого не надо бояться. Даже апостолы все время противились Христу. Но в то же время шли за Ним, были Его учениками.

Другое дело, что мы можем вести себя подло и говорить правдивое слово, чтобы убить, а не помирловать человека. Важно, как мы приносим правду. Евангелие устами Христа говорит: сначала сам научись принимать, ценить правду. Даже если она болезненна для гордости. Чего хочешь себе, того (и так же) желай другим.

Нам нужно не раздражать, не добивать ею, не доводить человека до крайности, не рассориться с ним окончательно. А приносить правду мирно. Пусть нам самим в первый момент достанется, но человек ею все-таки чуть-чуть напитается, подумает, посмотрит.

Святой апостол и евангелист Иоанн Богослов писал: «Кто говорит: «Я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит» (1 Послание. 4. 20). Вещи видимые, очевидные нам больше понятны. Вот и хочется всегда иметь заметный, ощутимый результат наших действий.

Но надо поступать иначе: терпеливо ждать, когда семя слова будет принято доброй землей сердца. И, пройдя период роста, в свое время принесет урожай.

Божью правду несут с верой в человека, в то, что он может понять то, что я сам понимаю. И ему это нужно, как и мне. Тогда не будет желания сломить его, победить своей правдой.

Заповеди блаженства тесно связаны между собой – и как бы переходят одна в другую. Христос говорит: «Блаженны миротворцы, ибо они сынами Божиими нарекутся». И сразу же произносит: «Блаженны изгнанные за правду». Почему? Попробуем понять.

Часто бывает, что мы хотим все делать по-хорошему, а оно вдруг перестает получаться. Так и здесь. Я желаю правды, истины другому. Свидетельствую ему о Жизни. Но наши с ним отношения могут быть мертвы, я ему – безразличен. Он меня не слышит, остается равнодушен. И это не приносит мне изгнания.

Другое дело, когда человек начинает сопротивляться. Значит, в нем есть отклик на мои слова, он их воспринимает. Хотя неизвестно, захочет ли оставить их себе, жить ими. И вот тут без сопротивления не бывает. Мы падшие люди. Правда Божия в нашем мире всегда встречает и преодолевает некую враждебность.

Вот маленький пример, который прямо относится к нашему разговору. Допустим, я кому-то что-то дарю. Если это хороший подарок, его бывает жалко. Душа сопротивляется, не хочет расставаться с этой вещью.

Правда состоит в том, что я хочу поступить щедро, а сам-то – не щедрый! Но эту грань стараюсь переступить.

Подарок – это свидетельство единства. Чего хочу себе, того же – и другому. Иное дело – благотворительность. Тогда отдавать приятно, почетно. Ты снисходишь к другому, чувствуешь гордость за себя: вот как я его осчастливил! А должна быть мука: «Надо же, Господи, жил себе тихо, спокойно, а теперь остальные будут пользоваться тем же, чем и я. Даже в большей степени».

Мы все-таки должны знать, в каких условиях живем, что с нами происходит. Зерно брошено – и не сразу появляются всходы. Мы хотим воспитать, вышколить, своих детей. Но они противятся словам, которые мы «сеем» в них. Когда они взойдут? Неизвестно. Чтобы нести правду, нужно терпение. В заповеди не сказано, что нас изгонят навсегда – как отрубят. Но на земле необходимо время для взаимодействия правды и неправды в человеке. Здесь блаженство – эта борьба и ее результат.

Снова вспомним притчу о блудном сыне. В доме идет пир, отец радуется, что сын вернулся из страны далекой. В это время с поля приходит второй его сын – старший. Он не называет младшего своим братом. Говорит отцу: «Твой сын». И отец отвечает: «Это твой брат, он пропадал и нашелся. Был мертв и воскрес».

Любое взаимодействие с другим человеком (беседа, внимание) – это обмен душ. И если я хочу быть в единстве с другим человеком, то делюсь с ним тем, что имею. Правда всегда будет воспринята с противодействием. Но это не должно меня раздражать. Тут нужно помнить: если кто-то со мной делится правдой, он тоже терпит от меня. Скольких друзей мы сами изгнали из своей жизни! Потому что не хотели (и не хотим) знать правды. Ни от людей, ни от Бога.

Господь прямо говорит нам, что мы Его гоним. Но для Него – не мука, а блаженство принимать нас: насильников, распинателей, мучителей. А для нас блаженство то, что Он не отказывается от Своих больных детей. Значит, это заповедь взаимности.

Тех, кто нам дорог, мы обычно бережем от своих проблем. Не мелких, денежных, а серьезных: своей злости, раздражительности. Надеемся, что они нас не оставят, потерпят. Будут гонимы нами, но не испугаются этих внешних

вещей, а останутся преданы глубокому внутреннему родству. Миру Божиему, который нас связал.

Заповеди Христа говорят о законах жизни двух личностей. Почему? До потому, что жизнь начинается тогда, когда есть, с кем ее разделить, когда человек не одинок.

Иногда жизнь вдвоем останавливается. Иначе говоря, становится привычной, обыденной, постоянной. Прекращается узнавание, обновление. Исчезает влюбленность. А она как раз и состоит в том, что один – познает другого. Признак влюбленности – все новые и новые открытия.

Мы говорим о Боге как о Существе непознаваемом. И это – положительно. Значит, человек будет познавать Его вечно. Влюбленность, в которой Господь открывается нам, у нас никогда не закончится.

И вот что важно: узнавая другого, мы узнаем себя. Заповеди блаженства указывают на развитие этих отношений. Например, алчущие и жаждущие правды, которые только-только подходят к этой заповеди, понимают: у них пока этой правды нет. Но где-то она существует, кто-то ею – уже живет.

Позже они узнают: полнота правды называется Истиной – с большой буквы. Истина – это Бог. И на всем, к чему Он прикасается, остается Его печать – свидетельство о Нем. Эти многообразные свидетельства открывают нам жизнь Бога: какая она.

Заповедь говорит: алчущие и жаждущие насытятся. Насыщение происходит, когда человек встречается с правдой, рад ей, понимает, отличает ее от полуправды и неправды.

Правда проявляется в чистоте, полноте, а так же – в деталях, она не искажается в них. Правдивые отношения двоих – равные (ни один не возвышается над другим), постоянные, в них есть преданность, верность, благодарность. И совесть чувствует это.

Когда такие отношения возникают с Богом, человек начинает ими питаться. Алчущий – насыщается. Встречается с Истиной – и Она (Бог) делает его свободным.

Такой человек может поделиться своим опытом с остальными:

- Знаете, не стоит размениваться на мелочи, бросаться на фальшивки! Лучше терпеливо ждать, пока вырастут подлинные отношения.

И другие люди отзываются на это. Они тоже могут быть не согласны на притворство, лицемерие, подмену правды – ложью.

Но само наше устройство таково: однажды выбрав предательство, себялюбие (а не братолюбие или боголюбие), мы начинаем противиться Истине и любым проявлениям правды. А кто из нас никогда не предавал? Таких нет. И этот выбор, сделанный однажды, потом проявляется в каждой нашей клеточке, в любом поступке. Это и есть путь разрушения, греха.

А путь созидания – противоположен ему. Тот, кто решил на него ступить, в главном – уже выбрал. Но переменить все «клеточки», привыкшие жить предательством, ему непросто, даже мучительно. Это и есть тесные врата, через которые нам все время приходится проходить и истинно свидетельствовать о самом себе, своем падении.

В 50-м псалме говорится: «Жертва Богу дух сокрушен». Почему – жертва? Ведь Господь нас прощает, милует, все нам дает, награждает. Чем же мы жертвуем? Что от себя отрываем?

Оказывается, наше сокровище – это грех. Отказаться от него – действительно жертва для нас. Потому так труден путь к внутренней правде, просвещенности Богом. У святых отцов об этом постоянно говорится.

Если этот путь труден для меня, то и для остальных – тоже. Честный человек это понимает и начинает всех жалеть. Вот они увидят себя – и ужаснутся, испытают боль, уныние, обиду. Иначе не бывает: когда нам показывают наши грехи, душа восстает, ярится. Борется и оправдывает себя.

На пути правды человеку открывается, что он был эгоистом. Но все меняется, когда он принимает Истину. Ведь правда живет – не собой, а другими: Отцом, детьми. Их жизнь – важнее, чем собственная.

Человек шел к Истине, и когда Она его достигает (именно Она!), ему становится важно, чтобы Ее узнали другие. Вопреки всему. Даже если ему самому будет трудно, невыносимо.

Ключ к окружающим людям у нас всегда есть: это милость, прощение, готовность перетерпеть все, только бы Бог не отвергся их. Об этом говорит нам заповедь «Блаженны изгнанные правды ради, ибо их есть Царство Небесное».

Христос сказал: что делали Мне, то будут делать и вам. Грешный человек обязательно сопротивляется правде. Но Христос верит в нас. Да, мы можем распять, оплевать, предать. Зато потом способны (каждый на своем этапе) признать: «Господи, что я творю? Я отрекался от Тебя и умывал руки!»

Сама по себе борьба эта не является окончательной. Если он признает, что все это было и скажет «прости», то Истина достигает его. Правда, с которой он боролся, милует и прощает.

Все предыдущие Заповеди блаженства уже осуществились в этой. Человек рад пострадать за своих. Все ему – родные. В том числе и самый страшный злодей, которого мы считаем «зверем». Он тоже становится тогда нашим сыном.

Апостол Павел в Послании к Римлянам писал о своих духовных чадах: «Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих» (9. 3). По сути – умереть, только бы они жили. То же самое говорил святитель Филарет Московский (Дроздов). Для них блаженство изгнания – награда не в будущем, а в настоящем.

И это удивительно для нас. Мы же прогоняем скорби, просим: «Господи, избавь нас от страданий и болезней!» А есть иная, духовная жизнь. Человек входит в нее – и начинает благодарить скорби и болезни. Но раньше времени этого делать не надо! До всего нужно дорасти.

«Блаженны изгнанные правды ради...» Поначалу заповеди блаженства – как бы чужие для нас. Тут нет ничего странного. Ведь даже когда близкие нас обижают, они нам тоже кажутся – чужими.

Правда, так бывает не у всех. Многие люди прошли трудную жизненную школу, не испугались ее, терпеливо старались осознать, что же с ними происходит. И потом благодарили Бога за то, что Он давал им возможность с Его помощью нести крест – своих неправд и неправд других людей.

С чем это можно сравнить? Только тот, кому нанесена обида, имеет право просить за обидчика: «Прости его, Господи!» И именно слово пострадавшего имеет силу на суде. И тот, кто просит об «ужасном» чужом человеке как о своем (он враг, но родной!), уже достигает блаженства.

Мы сейчас часто стараемся избежать испытаний. Например, молодым людям и их родителям кажется, что надо спрятаться от службы в армии. А в прежнее время, когда люди были дороги друг другу, они не понимали: как это можно не защитить другого, не умереть за него? Как же тогда жить, если он – не живет?

Давайте взглянем на эту заповедь с иной стороны. Зададим себе вопрос: в чем еще может состоять блаженство изгнанных? Да в том, что они – уже находятся в правде. Это блаженство испытал первый человек – Адам. Потом потерял любовь – своей изменой. И как же горько плакал о Рае единства!

Очень важно для каждого из нас осознать свою неправду перед Вечностью. И честно сказать:

-Господи, ведь счастья у меня нет! Хотя я украл миллиард, ввел в заблуждение тысячи людей, воспользовался их невежеством, беззащитностью, кого-то купил «с потрохами» или запугал до последнего...

Жизнь в неправде – это абсолютное несчастье одиночества. Так ведь и говорил Адам, сидя напротив Рая: «Горе мне, горе!» В его словах звучало признание, что нашего праотца изгнали «правды ради». Он больше не был другом Богу, не мог находиться с Ним. Ведь часть души Адама уже не принадлежала Господу.

Первый человек ошибочно решил: «Душа – только моя».

Но вот что удивительно: оказывается, признать себя изгнанным «правды ради» (то есть заслуженно) – значит уже вернуться к блаженству:

-Господи, да Ты правильно сделал, что меня выгнал! Иначе бы я так и жил!

И отсюда вывод: человек не может существовать во лжи. Мы сами выходим из единства с правдой – и переживаем это как страдание. Оно бывает спрятано на дне совести, но все равно дает себя знать. Приходится заглушать его телевизором, пивком, водочкой, наркотиком, игровым автоматом. Человек ищет счастья. Может перепробовать все. Но нигде нет блаженства, нет правды. Они – у Бога.

Давайте посмотрим, что же происходит в наших личных отношениях. Здесь мы принимаем определенные «правила игры» и живем по ним. Иногда эти правила оговариваем, иногда – нет. Но они все равно существуют. А правда требует всего человека, полной открытости, преданности, верности.

Неполная правда – это уже неправда (никуда от этого не денешься), и она не дает нам стать счастливыми.

Что же делать? Конечно, признать: «Господи, я несчастлив». По существу, это признание означает: «Меня правильно изгнали из рая любви, взаимности, ведь я над правдой глумился». И после этого к человеку возвращается блаженство – единства с Богом, с милостью все Прощающего. Возвращается правда.

В чем она? Да в том, что мы горды, себялюбивы, эгоистичны. С людьми не можем быть честны (себялюбивый человек других все время обманывает, что-то себе присваивает). А Бог нас таких ждет и прощает.

Чтобы стать честными, нам опять же нужно сказать: «Бойтесь меня, люди, будьте осторожны со мной!» И внутренне просить: «Господи, прости! Я стараюсь быть честным, но не получается».

Честность возвращается, когда у нас есть «сокрушенный дух». С помощью милости Бога. Но это не «моя» личная честность. Без Господа я всегда не прощен и не честен.

Чтобы мне быть правдивым, я должен открыть себя вам как человека падшего, грешника, вашего обидчика. Как вы ко мне после этого отнесетесь? Скорее всего, будете изгонять. Потому-то мы часто покупаем добрые отношения ложью, угодливостью, лицемерием (и при этом никогда не бываем блаженны!).

А настоящий друг нам – тот, кто видит в нас и врага тоже, но все-таки принимает, не переделывает. Именно так поступает Бог. Отсюда – заповедь о любви к врагам (то есть грешникам, а не вымышленным «доброхотам»). Господь так делает, и мы так можем. Он дает нам пример, говорит человеку: «Я радуюсь не потому, что ты чист и прекрасен. Радость для Меня – твоё раскаяние». И это – блаженство.

Когда же нас гонят за честность, для нас большое счастье думать: «Господи, я не потрачу впустую время на лукавую дружбу. Буду искать и встречу того, кому честность нужна». Терпение гонения дает возможность простить гонителей и просить за них Бога, ибо «не ведают, что творят». Нельзя гонение рассматривать только как муку. Это еще и несение креста, и помощь немощным (друг друга тяготы несем!).

Когда мы терпим гонения и гонителя, то он, гордый человек, никогда не заметит, что его принимают таким как есть. А тот, кто увидит свою неправду в отношениях с другими, становится благодарен за то, что его все время прощают, терпят. И бывает счастлив, потому что чувствует заботу, покров над ним.

Кстати, честность требует от принявшего такой дар прощения и терпения – тоже уметь приносить его другим. Чего хочешь себе, того желай и людям.

В полноте заповедь «Блаженны изгнанные правды ради...» раскрывается в последние дни жизни Христа на земле. Господа гнали, били, злословили. Вот и мы Его тоже будет гнать до тех пор, пока наша душа не разглядит собственную ложь и злобу – на добро.

В дружбе мы сначала доживаем до маленького предательства. Каемся. После этого нам кажется, что мы никогда ничего подобного не повторим. Но открывается, что способны-то мы и на гораздо большее.

И это не испугало Бога. Он знал, что люди будут Его отвергать – вплоть до убийства. Таков путь развития падшего грешника (то есть меня и того, с кем я имею дело). И чем больше мы узнаем о других, чем больше можем им простить, тем честнее становится наша жизнь.

Тот, кто такой жизни боится, останется одиноким. А тому, кто не испугается, будет тяжело, но блаженно.

«Иго Мое благо, и бремя Мое легко» (от Матфея. 11. 30). В этих словах Христа чувствуется некое противоречие. Ужасно ведь, когда тебя угнетают, мучают. Но мучают-то – не безысходно. И жизнь, убитая грехом, при этом преображается, воскресает. Совершается переход от греха смерти – к жизни. Приходит Пасха. Появляется радость. Блаженство – навсегда.

Заповедь «Блаженные изгнанные правды ради...» – о тех, кто уже блажен, соединился с Богом и живет в этом единении. Христос сказал, что верующий в Него будет спасен, а неверующий – уже осужден, то есть одинок, находится в беспомощности, гордости, замкнутости. Не знает Бога. Это ад уже на земле.

Тот, кто уверовал, узнал Истину, Жизнь во всех ее проявлениях, блажен, счастлив. И дальше – все зависит от усилий, труда самого человека. Блаженству надо быть верным и преданным. Стоять в правде, не отказываться от нее.

Жизнь со всех сторон испытывает нас: и изобилием, и недостатком. Иногда может прийти мысль или кто-то скажет, что Бог о нас забыл. И человеку предстоит утвердить единство с Ним.

А теперь обратимся к последней заповеди блаженства: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах...»

Эта заповедь отличается от предыдущих. В них описаны пути (духовной нищеты, плача и так далее), по которым человек, живущий в грехе, идет к свету, милости, прощению. Мы знаем, например, как трудно сохранить здоровье. Еще труднее – восстановить здоровье, когда оно утрачено. Тем более – духовное здоровье.

Возвращение в Отчий дом всем существом (как это описано в заповедях блаженства) требует не только сил человека, но всегда – помощи Божией. И тот, кто уже вернулся, видит и точно знает: именно милость, благодать Божия касалась его, вела, прощала, избавляла от опасностей. Не только внешних, но и своих, внутренних, которые еще тяжелее. Внутренняя пытка мучительнее внешней.

Христос звал: идите за Мной! Человеку выздоровевшему, вернувшемуся в Отчий дом, творить правду, принести покаяние – желанно, забыть о себе – подарок. Почему? Да потому что другой позволил пожертвовать собой – ради него, не отказался принять помощь.

Обычно нам трудно помогать кому-то. А здесь становится невыносимо тогда, когда нашу помощь – не принимают, не дают участвовать в жизни других людей. Иными словами, быть чадами Божиими.

К таким чадам возвращаются сила чувств, красота, память ума и прежде всего – сердца. Человек живет в благодарности. У него начинается славословие. Открывается, что все ему – родственны, ведь Бог присутствует в каждом из нас: «Царствие Божие внутрь вас есть».

Получается, что и люди живут – не только вокруг, но и во мне. И это взаимно: я в них тоже присутствую. Причем жизнь эта – не подневольная, рабская, наемническая, а действительно свободная: от греха и немощи.

Помните слово Христа: «Врач, исцели себя сам»? И вот ты себя исцелил. Как? Припал к Богу, просил Его милости. Старался, молил об этом старанием, терпении. Учился именно просить, а не требовать.

И вдруг открывается, что твое сокровище сосредоточено – не в тебе самом, твоём здоровье, внутреннем богатстве, а в душах других людей. И теперь надо учиться отдавать – щедро, нерасчетливо, до конца.

На этом этапе пути расширяется понимание Христа. А ведь Он, оказывается, так долго ждал, когда станет возможно прийти к нам, на землю. Поделиться небесным сокровищем – жизнью за другого. Помочь падшим выстоять, потерпеть страдание, умереть за нас.

Господь вздыхал (а любое Его слово - молитва): «Как бы я хотел, чтобы огонь уже возгорелся». Это огонь очищающий, восстанавливающий человека. Падшие грешники всю жизнь приводили Христа только к страданиям, возводили Его на Крест. Но признавали этот Крест над собой. И после этого им давалось блаженство со-трудников Христа – полагать душу за своих друзей.

У нас тут всегда возникает путаница. Мы понимаем, что значит тело свое класть за других. А как кладется душа? Это немного знают родители.

Дети часто обвиняют их:

-Вы нас не понимаете! Ничего хорошего нам не желаете!

На деле это, конечно, не так. Родители знают гораздо больше, чем дети. Понимают, что важно для них, а что – нет. Ради мелких потребностей сына или дочери им приходится жертвовать великим (не только здоровьем, но и душевным благополучием).

Они готовы принять на себя удары детей: «Ну, ругает чадо меня, что ж теперь? Только бы оно потерпело жизненные неурядицы, только бы выдержало испытания соблазнами! Ум его созреет, душа войдет в меру возраста, совершенства – и сама разберется, что к чему».

И для родителей это труд – не отчаяния, а желания. Они говорят: «Господи, прости и помилуй нашего сына (дочь)! Не отвергни его!»

Отцы, матери и терпят от детей, и носятся с ними. Для них это блаженство, радость – искать души любимого чада, хранить, беречь, возрождать, ждать ее. Так за детей они кладут свою душу.

Можно быть гонимым и ради каких-то своих целей. Страдать и терпеть ради множества добрых полуистин. Но Господь говорит: «будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня» (Мф. 5. 11). И Его слова отрезвляют нас: единственное блаженство принесено Христом – это блаженство, которое подразумевает вечную жизнь. А значит, сыновство, родство с Богом – нас и наших ближних.

Господь подчеркивает: «за Меня». И Его слова отрезвляют нас. Блаженство, принесенное Христом, подразумевает вечную жизнь. А значит – родство человека с Богом, сыновство.

Многое в жизни упростится, если мы будем помнить: есть такое блаженство. Мы же все время страдаем и мучаемся от несущественного, мелкого. И когда получаем то незначительное, чего хотели, не становимся блаженны, счастливы. Наоборот, у нас возрастает жажда. Нам опять что-то требуется. А все значительное – относится к нашему не одиночеству, единству с Богом и другими людьми. От нас постоянно требуется стояние за самое главное. На нашу веру воздвигается клевета, нам посылаются, например, такие мысли: «Господи, Ты плохо создал людей, землю, меня. Тут не проживешь по-хорошему, будешь страдать!» (а этого не хочется).

Иногда испытания бывают – как чувства. Находит дух уныния, томит человека, говорит: «Вера только последнее отнимает! И так-то радостей мало, а в посты даже поесть нельзя. Сейчас бы с друзьями посидеть, погулять, а не положено. Вера и время отнимает. Мне бы телепередачу посмотреть, а нужно молитвы читать!»

Душа теснится этими обстоятельствами. Да еще люди вокруг повторяют: «Да мы счастливы без Бога! У нас есть деньги – и все прекрасно». Или: «А вот я жене не верен, всех подряд соблазняю – и мне хорошо. А верность ваша – это же сплошное мучение!»

Казалось бы, зачем все это терзает наши души? А ответ прост: мы должны испытать, проверить все свои жизненные принципы. Утвердиться в них. Если я поверил, что прав кто-то, а не Христос, то у меня начинается другая жизнь. Какая? Важными становятся уже не мой друг, его душа, мысли, поиски, а кошелек друга. Или его звания, связи. Я начинаю их использовать. Пусть не в ту же секунду, но постепенно.

Если с этой точки зрения посмотреть на людей, то окажется: все мы мертвы. Не согласились быть изгнанными правды ради – из этого мира. А ничего иного мир нам предложить не может. Что высоко у него – мелко перед Богом.

Зато тому, кто остался верен правде, открываются новые мысли и перспективы: я Богу доверяю, а Он возвращает мне Своего доверия – во сто крат больше. Мелкое, презренное миром – у Него высоко и велико.

Человеку очень трудно, почти невозможно поверить, что есть неизведанные радости, которые могут удивить. Нам подсовывается мысль, будто все они известны, отсортированы – и каждому свое. Только выбери.

За всем этим стоит такой подтекст: «Ты несчастен, многое упускаешь. Твоя жизнь утекает! Она пропала, прошла даром, ты неудачник, отстал!» Нам такое все время внушают. Это тяжкое гонение – ради Христа! И гонению приходится противостоять: «Господи, я знаю самое красивое, самое мудрое – Тебя. С Тобой ничего сравниться не может. Ну, гонят меня – и пожалуйста! Я и сам уйду. Не хочу в этом растворяться, менять вечное – на временное, главное – на ничтожное».

Но есть и внутренние вещи, которые вытесняют из нас веру, клеветают на Самого Христа. Прежде всего, это грубая ложь о том, что Христос – не Бог, а просто был создан миф о Нем – всего лишь простом человеке, одном из пророков.

Существует много подобных соблазнов! Но давайте рассудим: близкого человека мы ведь не перепутаем ни с привидением, ни с мифом. А живого Бога – тем более. Встреча с Ним переворачивает нашу жизнь. Мы становимся другими, начинаем иначе осознавать свои поступки. Господь освятил нас

через Его Слово, сопоставил с Ним Самим. Все судил этим Словом. И отрицать встречу с Богом – все равно, что сказать: «Жизни вообще нет». Мы переживаем невидимые брани, когда душа подвергается гонению. Но гонение тоже может быть лукавым. Например, некий «внутренний голос» твердит: «А ты прекрасен без Христа! Ты Ему не нужен!» Или спрашивает: «А зачем Он тебе? Ты и без Него велик, надо надеяться на себя. Устрой свою жизнь сам!»

Более того, уже разработаны, напечатаны и в огромном количестве предлагаются нам методики, как это сделать, достичь успеха. В них не указывается только одно: без Бога от тебя ничего не останется, ты повредишь своей душе, потратишь ее, изменишь. Ведь рекомендации жить без Христа идут от людей, которые не веруют и не хотят знать правды.

Случается, что наши близкие принимают эти советы, встают на ошибочные пути. Как нам относиться к этим людям? Конечно, молиться: «Господи, да есть у них душа! Они мне дороги. Я с ними связан. Пускай я их выслушаю, соберу от них раздражение, крики, неправды. Но только Ты помилуй их и прости!»

И это принесет нам радость: мы потерпим – и Бог их не оставит. Господь добрее нас.

Мы отчетливо переживаем то, что чья-то жизнь сохранялась благодаря нашему терпению. Потому что сохраняем и себя возможностью быть вместе с этими людьми. Все мы грешники, все ошибаемся. И если всех грешников от себя уберем, то станем одинокими, будем находиться в абсолютном аду. Ад – это же одиночество, где постоянно душу поедает червь, сжигает огонь, ведь силы человека – не востребованы, возможность любить – не реализована. Это главное горе.

При исполнении этой заповеди грешнику еще на земле дается дивная возможность сказать: «Господи, оказывается, я в какой-то степени (пусть самой малой!) смог здесь постоять вместе с Тобой за правду, за любовь. Быть Твоим другом. Потерпеть от людей – и не отказаться от них, не обидеться, не возненавидеть. Наоборот, проникнуться еще большей жалостью к ним. Они же мучают и других, и себя – прежде всего. А это их глубокое несчастье, мука.

Им и жить-то не хочется! Но они в Тебе – уже ожили. И хотя они еще бродят в стороне от Тебя и умирают, но внутри у них уже есть Царство Небесное. И в этом – причина блаженства».

Христос сказал: кто верен в малом, тот верен и в большом. Всего-то крошечная искра может вспыхнуть в человеке: кто-то виноват, а он взял вину на себя или не ответил злом на зло. Но в этом он уже узнает малое блаженство (как в зерне). И душа тянется к нему.

Правда, так бывает после того, как мы испытаем милость Божию – к себе. Если человек уныл, печален, жить не хочет, то ему лучше не заниматься благотворительностью. А то впадет в состояние, противоположное тому, что обещает эта заповедь. Обычно так и бывает: когда нас чуть-чуть утесняют из-за нашей веры, мы гневаемся, бьемся, чувствуем себя несчастными.

Собственно, так проявляются наши слабости. Исповедь, которая освобождает человека, бывает для нас мучительна, постыдна. Молитва, которая должна окрылить, лишает последних сил. Мы находимся в больном состоянии. Но не надо отчаиваться. Просто скажем: «Господи, сейчас мое «блаженство» – вне Тебя. Дай мне обрести подлинное сокровище – в Тебе. Не земное, краткое, а Небесное, вечное».

Мы начали свои беседы с первой заповеди Христа: «Покайтесь!» Его служение началось с Крещения, в котором Он взял на Себя немощи, грехи всего мира. И сразу же Господь ушел в пустыню, где после сорокадневного поста Его искушал сатана.

Но мы не стали обсуждать заповеди, которые там прозвучали, а поговорили о Царстве Небесном. В заповедях блаженства Господь раскрыл нам, какое оно и как проявляется в нашем грешном мире.

Оказывается, в обыкновенной жизни ему нет места. Здесь действует князь мира сего. И Христос прямо говорит нам о законах двух царств – света и тьмы, чтобы мы могли отделить одно от другого. Потому что любое смешение, ошибка в их определении бывают губительны для человека.

Зло лжет. Мы называем его великим обманщиком. А о людях, которые нравственно глубоко больны, говорим, что они находятся в прелести. Что такое прелесть? Это лесть (то есть обман) в высочайшем проявлении, когда человек совсем запутывается, перестает отличать высокое от низкого.

На это тоже указывает Христос: «Если Я сказал вам о земном, и вы не верите, – как поверите, если буду говорить вам о небесном?» (Евангелие от Иоанна. 3. 12). То есть каковы тогда будут наши ошибки?

Позже мы еще придем к этим заповедям. А пока слегка коснемся их. Одна из них такая: «да будет слово ваше да, да; нет, нет» (от Матфея. 5. 37). Слово должно быть определено, решительно, без изъясна. В этом и заключается совершенство. А там, где его нет, уже присутствует лукавство.

Несовместимость двух царств Господь раскрывает по-разному. Говорит: «Кто не собирает со Мною, тот расточает» (от Матфея. 12. 30). Или: «Что высоко у людей, то мерзость перед Богом» (от Луки. 16. 15). И наоборот. Так Христос выражает истину о том, что люди больше возлюбили грех, чем добродетель.

Что же высоко перед Богом? Ему дорог – другой (и это называется любовью). А нам важны прежде всего – мы сами (любовь к себе, эгоизм). Через этот выбор себя или других просеиваются все наши мысли, поступки – и обретают истинный смысл.

Например, в современном обществе считается нормой некое самоутверждение человека. Вроде бы необходимо выявить его «индивидуальность». Предполагается, что мы похожи, одинаковы: и писатели, и композиторы, и художники. Особенно по-житейски. Чтобы отличаться, надо проявить себя как-то необычно. Вот все и стараются это делать – быть «оригинальными», вопреки законам красоты, меры.

Но в действительности мы друг друга не понимаем, даже не слышим. Да еще при этом все больше ищем каких-то выкриков, кичливых, навязчивых «индивидуальных» проявлений, кривляний. Такое незнание личной жизни приводит к скуке. Является источником пустоты, которую надо хоть чем-то заполнить.

А по законам Царства Небесного каждый человек – особенный, он личность. Любые отношения людей – неповторимы. Мы страдаем от одиночества и непонимания другими. И нужно найти то общее, единое, родное, что связывает нас. Когда оно высвечивается, нам открывается совсем иной путь.

У человека, который понимает, что другие люди на него не похожи, дополняют его, появляется интерес к окружающим. Их жизнь становится необходима ему, потому что она делает шире, богаче его собственную жизнь.

Исчезает соперничество, неприятие остальных, ведь они – нужны.

Мы сейчас взглянули только на один принцип – и уже увидели, как он все меняет.

Господь входит в обстоятельства нашей жизни, наших низких законов. Он не рад им, но входит в них, чтобы мы не углубляли свое разделение, не создавали изолированности друг от друга.

Жизнь всегда парадоксальна: чем больше одинок человек, тем зависимее и не свободнее он становится. И наоборот: чем свободнее, тем больше у него возможностей быть единым с другими.

К сожалению, наш ум, теряя красоту и глубину, перестает соединять в себе эти противоположности. Мы часто не понимаем, что и покаяние всегда должно быть радостным. Не потому, что я радуюсь греху. А потому, что есть Тот, Кто освобождает меня, дает мне милость.

Одиночество (нелюбовь) – это уже смерть. А проявляется нелюбовь вплоть до того, что закрываются наши телесные очи, и мы не способны внимать происходящему вокруг нас. По существу, это тоже смерть. Но тьма не объяла света (см. от Иоанна. 1. 5). И свет Христовой жизни проникает во всю смерть.

Многие слова Спасителя отрицают законы этого мира (это мы их сюда принесли!) и одновременно – утверждают иные законы. Господь предупреждает нас: что здесь может быть низко, то высоко перед Богом.

Нам кажется, что всякое зло презренно. Но не презрен человек, который находится во зле. Он дорог Богу, хотя мы это с трудом признаем и ведем

войну против других. А Христос, отрицая зло, никогда не отделяет Себя от человека – и вместе с ним умирает от его зла.

Но вернемся к началу служения Господа. Вот Он крестится от Иоанна, исполняя так «всякую правду» (от Матфея. 3. 15). И, как написано в Евангелии, немедленно, без промежутка – на сорок дней уходит в пустыню (от Марка. 1. 12). Там терпит голод. После этого, отмечает евангелист Матфей, Христос «взалкал» (4. 2), ведь Он принял тело человека, уже потерявшего Рай. А в теле запечатлены немощи и слабости, в нем есть некая несвобода: оно от многого зависит.

В момент алкания к Христу подходит сатана и начинает Его искушать (от Матфея. 4. 3-10). Задает Господу вопросы, которые объясняют: мы, люди, живем в мире, безразличном к нам. Когда делаем выбор в сторону греха, нам кажется, что это касается только нас: вроде бы мы тратим, убиваем только свою душу. Так ли? Конечно, нет. Наше зло прицельно убивает что-то еще – доброе, невинное, чистое.

Часто, отвечая злом на зло, мы думаем, будто наказываем злодея. Но, если это наказание было в исступлении, зло обязательно коснется кого-то другого, не остановится на этом месте. Будет убивать саму жизнь или ее остатки, которые пока есть на земле. Гнев Божией правды не содействует.

Христос с каждым шагом все глубже погружается в нашу смертность. Пустыня – это же человеческая жизнь, в которой нет пищи. А что нас питает? Святые говорили: человек есть то, что он ест. Это касается не только тела и его клеток, но и души. Мы питаемся тем, что слышим, чувствуем: нашими дружбами, ссорами, расстройками. И такую пищу постоянно поглощаем, может быть, не отдавая себе отчета в этом.

Полезно бывает посмотреть, чем я питался в течение дня – с самого утра. И окажется, что это были страхи, скука, полу-желания, обиды, подозрения. Вот что я принял и усвоил.

А Христос говорит нам о той пище, которая существует в Царстве Небесном. Позже мы поговорим об этом подробнее, а пока отметим Его слова: «Моя

пища есть творить волю Пославшего Меня» (от Иоанна. 4. 34). Опять-таки мы видим:

Его жизнь – от Другого и для Другого, а не для Себя. Для Него желанно обрадовать того, кого Он любит, пойти ему навстречу. И эти желания – не принудительные, вынужденные, как часто бывает у нас. Мы себя заставляем кому-то помочь (и это признак нелюбви). А Ему невозможно не исполнить этого.

Казалось бы, мы не хотим сознательно приносить ни огорчений, ни ущерба тому, кто нам дорог. Но, оказывается, на земле очень мало пищи взаимной доброты. И глубочайший голод возникает там, где мы не слышим другого: «еда» начинается со слышания, принятия в себя.

Христос дал нам молитву: «Да будет воля Твоя» (от Луки. 11. 2). Но у нас – совсем другой закон: «Да будет воля моя!» В этом легко убедиться, если вечером мы вспомним свой день. И окажется, что нас волновали только собственные чувства, проблемы или удовольствия, радости. Кто спрашивал нас о том, что с нами происходит? Если никто, то для нас это была пустыня.

В пустыне многие сталкиваются с тем, что они никому не интересны. Конечно, происходят какие-то события, забавные эпизоды, на которые вроде бы окружающие реагируют. Но не на саму личность человека. Его жизнь от начала до конца – абсолютно никем не востребована. Более того, мешает другим. И получается, что от тебя способны принять: только подавай! Но ты при этом – не нужен.

Некоторые люди и к вере приходят, а при этом остаются в пустыне. Им необходимо то, что есть у Бога, но не Он Сам. Они соблюдают правила, законы, традиции, обряды, совершают подвиги. Вот только Господа в их жизни нет.

И в такую пустыню, где полное одиночество, где отсутствует другой, уходит Христос. А там – камни, которые не чувствуют, не слышат, не понимают, не доверяют, не нуждаются ни в ком.

Много раз потом будет возникать этот образ камня в Евангелии. Например, когда Господь въезжал в Иерусалим, Он говорил: «если они (ученики) замолчат, то камни возопиют» (от Луки. 19. 40) . И это не случайное замечание. Человек стал камнем, а его душа – каменистой почвой, которая не приемлет зерно веры (от Луки. 8. 13). И Предтеча Господень утверждал: «Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму» (от Матфея. 3. 9).

В конце концов, в пустыне Христа начинает искушать диавол: «если Ты Сын Божий, то вели этому камню сделаться хлебом» (от Луки. 4. 3). Этот внешний образ свидетельствует о невидимом мире. Здесь речь не о том, чтобы сделать съедобными куски кремния (хотя и об этом тоже). И Христос отвечает на это искушение: «написано, что не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом Божиим» (4. 4).

В этом ответе указывается (хотя внимание на этом не останавливается), что человек – стал плотью, телом. И еда – вожделенна для него. Она занимает главное место. В древние времена, когда совершалась первая Пасха (исход евреев из Египта), люди хотели не свободы, а рабства, в котором есть надежная пища. Дай им пропитание – и они согласны быть рабами.

Опять же, еда – это не только похлебка, но и зрелища, увеселения. Иногда товарищеские, дружеские развлечения. Но в них во главу угла ставится не другой человек, а его имение. То есть хлеб и питье, от которого, как говорил Христос, человек опять возжаждет.

Но сказал же Господь: есть вода вечная, от которой ты не будешь жаждать снова (от Луки. 4. 13-14). Есть пища не от мира сего, которая совершенно необходима человеку и делает его счастливым, блаженным. Причем, мы и для себя ее можем найти, и принести другим людям. И в свою очередь – принять помощь, милость.

И снова мы изумляемся: то, что высоко перед Богом, низко перед людьми. Нам кажется, надо иметь всего побольше. Но, оказывается, человеку важнее – отдавать себя, чем принимать. Хотя, конечно, нужно и то, и другое. Нужна взаимность. Мы же, в отличие от Бога, не являемся источником света. Нам надо сначала принять свет от Господа – и тогда делиться с другими от своего светильника.

Жажда, алкание иной, вечной жизни – это важный признак здоровой души. Человек превращается в циника (тоже своеобразная вера!), когда считает: «Все счастье – в земле и ее количестве!» Попросту – в материальном.

Часто подобные люди даже начинают изображать счастье. И это проявление слабости. Ведь вся история человечества свидетельствует: как только кто-нибудь становится всевластным обладателем хоть чего-то, даже великого, он начинает глубоко скучать.

Конечно, мы подчиняемся законам земли. Материальное богатство для нас – часто притягательно. При этом человек, им владеющий, бывает не важен. Его «не видно» за богатством. Приходя к нему дом, люди нуждаются не в нем, а в том, что есть в этом доме.

Христос и тут утверждает нечто новое для нас. Заканчивается эпоха, когда человек был только плотью и абсолютно зависел от еды (не только для желудка, но и для ума, чувств). Пришла другая жизнь, иное Царство. Мы можем стать сыновьями этого Царства и получить богатство в наследство от Небесного Отца. Не создать или заработать, но принять от Господа Его жизнь.

Человек, который увидит, поверит, что лично за ним – не за кем-то! – пришел на землю Христос, поймет и то, что Господь в нем всегда нуждался. Не как в богаче, а как в том, кто пропадал. И хотел одарить Своей милостью, прощением, исцелением, освобождением.

Все слова, исходящие из уст Бога, – об этом: о милости и о шаге навстречу другому. О забвении Себя, отречение от Себя – ради плохого, а не хорошеньких.

По примеру Господа мы тоже входим в пустыню – в пост. Это нужно нам, потому что там человеком не владеет небытие обыденности, злобы дня. И не определяет его сознание. Сердце, становясь свободным, не соглашается продавать себя ни за какие деньги.

Раньше человек этого не мог, а теперь может. При одном условии: «Господи, если Ты будешь со мной, я постараюсь не предавать Тебя, себя и людей!»

Вероятно, это получится не сразу. Ведь нам еще надо испытать, насколько мы уже успели «влезть в долги» на земле. Порой кажется, что невелик выкуп, который надо за нас принести. А на самом деле – он очень и очень большой.

В пост мы хотим убедиться, в частности, что без зрелищ, без разнообразия пищи жизнь может быть счастливой.

Человек способен думать, рассуждать. Быть самостоятельным в мыслях. И если эти мысли неправильные, исправлять их. Наше бессилие – не вечно, не абсолютно. Признавая его перед Богом, человек возрождается.

Но эта сосредоточенная, свободная жизнь, конечно, немыслима в рабстве. И Господь разрушает власть разнообразного «богатства» над нами приходом в пустыню нашей души. Бог богаче любого богатства.

Поэтому, когда мы входим в пост, нам, пусть не сразу, но все-таки хочется сказать: «Господи, я хочу побыть с Тобой, с Твоей жизнью, словами. Дойти до Страстной Седмицы – и узнать, где нахожусь я во время Твоих страданий» (чтобы не было иллюзий, будто все мы идем на Голгофу – спастись).

Какой большой соблазн был для Христа: сделать эти камни – и наши сердца тоже – послушными! Но Он оставляет нас свободными, верит в нас: камень может проснуться, заплакать, сказать: «Я хочу быть живым хлебом! Потому я и камень, что одинок. Не хочу оставаться один. Во мне есть Другой. Я сам это место опустошил, Его выгнал. Прежде всего – из себя. И хочу Его вернуть, сделать значимым для меня!»

Эта заповедь – откровение новой жизни. Мы ведь привыкли жить успехами, вехами, свершениями, мечтать, чтобы наша молитва горы передвигала, мертвых воскрешала. Творила чудеса.

А человеку нужно совсем другое: чтобы у него появилась жажда вечной жизни и возник вопрос – есть она или нет. Пробудилось внимание, уважение к ней. И это уже будет настоящим чудом: «Господи, ты посетил меня!» Почему чудом? Да потому, что трудно заметить, что живешь в пустыне.

Из общения со многими людьми видно, что большинство убеждено: человек – это носитель добра. Ему только надо напрячься, изловчиться особым образом – и все получится.

И Есенин как-то сказал: «Счастье – это ловкость ума и рук. Все неловкие души за несчастных всегда известны». Получается, стань ловким – и удача приблизится к тебе.

Но это не так. Нам все-таки надо знать: земной хлеб нужен только для поддержания нашего тела. Он не может стать целью. Его нельзя поставить во главу угла. Ему нельзя служить, делать его идолом.

Даже если у нас еще нет опыта, то пусть будет хотя бы доверие к тому, что есть иная пища – слово, исходящее из уст Божиих. Без нее все мы – нищие. Нам нужны другие люди, причем, любые – хорошие или плохие. С ними можно жить.

Мы так устроены, что живем во взаимности. Господь сотворил Адама и сказал: «Нехорошо человеку одному». А слово «нехорошо» в устах Бога значит – неполно, страдательно.

Евангелие постоянно напоминает нам: Бог – это не громы с невидимых небес, а ближний человек, который рядом. Через него говорит Господь. И это он приемлет от тебя все так, как Бог приемлет.

Вспомните утверждение Христа: «Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев моих меньших, то сделали Мне» (от Матфея. 25. 40).

Это слово, исходящее из уст Божиих, объединяет всех нас. Всех людей вообще. И если мне в этой жизни не интересен хотя бы один человек, значит, мне неинтересен Бог и Его слово.

Почему? Давайте поразмышляем. Если этот человек мне не интересен, значит, Бог его создал зря, ошибся, не вложил в него Своего образа, печати. А раз так, то мне сразу не интересен становится и Сам Бог. Начинается моя вражда с Его словом, хула на Него.

Первый человек Адам попался на тонкий обман. А вражда, неприятие – это уже грубые чувства. Они приводят к тому, что мы принимаем существование толпы, народа – и отрицаем единственность человека.

Наша жизнь – это путь к пониманию слов Христа. Каждое Его слово должно ожить в нас, стать совершенным и полным. Но это только начало. Нам надо еще и соединить все Его слова – в себе.

Есть такая басня у Ивана Андреевича Крылова «Тришкин кафтан». Ее герой Тришка подрезает рукава кафтана, чтобы залатать дырки на локтях, потом – полы, чтобы надставить рукава. И чем больше он латает кафтан, тем уродливее и смешнее становится одежда.

В вере не должно быть так. В ней нет никакого недостатка. Многие слова и притчи Христа, на первый взгляд, вроде бы противоречат друг другу. С одной стороны, надо класть душу за близких, а с другой – отказаться от отца и матери. Или Господь призывает нас хранить чистоту – и в то же время чистые девы не входят в чертог Жениха, потому что в их сосудах не хватает елея.

Если принять отдельные высказывания, то вроде бы одно борется с другим. Но если духовно принять все в целом (а противоречия там нет!), то полнота притч создает премудрость. Вспомните, как точно сказано о Богородице: «Мария сохраняла все слова сии, слагая в сердце Своем» (от Луки. 2. 19). Слова не вытесняли, а дополняли друг друга. Складывались в некое единство.

Так должно происходить и постепенно происходит с нами. Существуют признаки, по которым мы можем понять, что эта заповедь уже действует в нас. Положим, не молился человек месяц или два – и вдруг ему захотелось обратиться к Богу. Или молился год с понуждением – а потом захотел сказать Ему живое, непривычное слово. Или был потребителем, то есть все требовал себе: еду, питье, работу, друзей, домашних. А однажды попросил: «Дайте мне что-нибудь сделать для вас! Хочу наконец-то начать жить».

В этот момент самые простые слова приобретают совершенно иной смысл и силу. И оказывается: то, что в нас стерто суетой, многократными повторениями в пустоте, может стать необычайным. Еда каждый раз будет

новой. Встреча и разлука – не такими, как прежде. Новый день – не похожим на предыдущий. А это и есть восстановление, возрождение жизни.

Но при этом нужно знать: в нас велика привычка к смерти. За всем многообразием и изобилием жизни мы можем забыть про Христа. Больше того – нам приятно это делать, потому что трудно и больно помнить: жизнь дана нам жертвой Другого, Его страданиями, кровью, смертью.

Это знание тоже надо соединить в себе – с радостью жизни, чтобы не быть легкомысленным.

В Гефсиманском саду Господь сказал: «так ли не могли вы один час бодрствовать со Мною?» (от Матфея. 26. 40). Он обращался к ученикам, избранным. И они не могли Его понять. Христос был один. Впереди – Крест. Его служение началось и закончилось пустыней.

Значит, был момент, когда рядом с Ним не осталось ни одной живой души. Иначе Он не сказал бы: «Боже Мой! Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» (от Марка. 15. 34). Из этих слов мы понимаем: Отец дал Ему страшную возможность завершить Свой выбор – умереть в одиночестве, как умирали люди. Это было подлинное одиночество. И все-таки, перетерпев его и в пустыне, и на Кресте, Бог дает возможность человеку больше не умирать от такого одиночества. Оно Им нарушено, его больше нет.

В Иордане и теперь омываются грехи людей — тех, кто был, есть и будет. Иордан ждет: пожалуйста, заходи! В него можно погрузиться мысленно, если скажешь в сердце: «Господи, прости! Я знаю, что Ты пришел меня помиловать». И человек, безусловно, будет принят Богом. Да только трудно это сказать тому, у кого сердце мертвое. Надо еще до этого пройти определенный путь.

Заметьте: Господь входит в воду и после Крещения тотчас (по-церковнославянски — «абие») выходит из нее (от Матфея. 3. 16).

Человечество избавлено от греха. Но, оказывается, этого мало для того, чтобы зажить свято. Наше тело имеет инерцию. Оно привыкает к греху — клеточка за клеточкой. Зависит от еды, питья, всевозможного комфорта.

Более того — даже наша душа подчинена телу. И ей надо постепенно освобождаться от его немощей.

Вот примеры. У алкоголика все клеточки становятся «пьяницами» — и нужно время, чтобы они «одумались». У лентяя клеточки расслаблены. Он просит: «Господи, прости!» И Бог его прощает. Но человеку еще надо потрудиться, активизировать свои клетки. Восьмичасовой день он сразу не отработает, начинать придется с нескольких минут. И только потом у него пойдет другая жизнь.

Входя в пустыню на сорок дней, Господь дает возможность телу стать на место, подчиниться душе. И жить дальше, несмотря ни на какую скудость.

Мы-то привыкли к тому, что душе становится невыносимо, если тело находится в стесненных обстоятельствах. Но состояние первого человека Адама было иным: еда не являлась для него источником блаженства. И даже необходимым запасом калорий. А он жил.

Сейчас многие утверждают: надо сначала накормить народ, а потом уже говорить ему о высоком. Это так, если народ находится в неживом, мертвом состоянии. Но если бы народ раскаялся, у него появилась бы свобода от требований и ограничений тела (а эти требования — величайшая несвобода!). Сказал же Христос, что пришел сделать нас во всем свободными (см. от Иоанна. 8. 36).

Конечно, мы остаемся носителями природы, которая значительно подпорчена грехом. Но Бог вошел в пустыню. И если я тоже в нее войду и при этом буду чувствовать себя вместе с Ним, то мое тело перестанет быть жестоким господином.

Кратко это можно выразить так: человек, переживший свободу духа, не пугается всевозможных недостатков в пище и так далее. Он может сказать: «Тело не является источником счастья или несчастья. Душа может стать и над счастьем, и над несчастьем». Вот в чем проявляется свобода и вход Христа в нашу пустыню.

Господь открыл путь многим людям, которые потом раскаялись, захотели святой жизни — и тоже ушли в пустыню. Не заботясь о том, что они будут там пить и есть. Позже в Евангелии Он даст нам и эту заповедь, потому что после Его пребывания в пустыне мы уже можем ее исполнить.

Человек уготован Богом к духовной жизни. Но с нею мы встречаемся только после того, как материальное отступает, и чрево перестает быть нашим господином. Христос постепенно ведет нас по пути, на котором мы научаемся не зависеть от телевизора, сплетен, вкусной пищи и прочего. Это вполне возможно. Нам ведь хорошо известно: добрая дружеская беседа может быть и за скудным столом. И эта еда — самая вкусная и приятная.

В пустыне Господь под конец взалкал. Это кажется невероятным: тело, освященное Божеством, нетварной энергией, оказалось настолько слабо, что испытало чувство голода. И в тот момент Христос встретился с тем, кто является по-настоящему пустым — с духом злобы. По существу — с живой пустыней.

Сложно описывать тьму, потому что сама по себе она не имеет сущности, а только паразитирует на живом. Тьма — это то, что всех делает пустыней, всегда лжет и жаждет нашей смерти. Хочет убить каждого.

Дух злобы — извращен. С одной стороны, он могуществен, с другой — бессилен. В нем сохранился сотворенный Богом ум, но стал мрачным и, в конце концов, обернулся иллюзией: вроде бы он есть, и вроде бы нет... Эту глубокую иллюзию святые называли мечтой: она хочет представиться человеку, очаровать, а за ней стоит — разочарование.

В падшем духе присутствует активный ум, который ищет, знает, понимает. Когда Христос описывает этот ум, Он даже говорит, что в нем есть определенная премудрость (см. от Матфея. 10. 16). Печать Божиего, память о Божием, оказывается, не стирается, поэтому падший дух может знать, рассчитывать, вычислять, предполагать и использовать наши слабости. Действовать так, чтобы человек пропал незаметно для себя. Так для духа злобы лучше всего. Впрочем, ему все равно, как мы пропадем.

Обычно мы понимаем грех легко: «Ну, вроде согрешил...» А за любым грехом стоит желание смерти – себе и другому. Тут не надо обманываться: если мы кого-то «немного» обижаем, «чуть-чуть» соблазняем, значит, хотим ему смерти.

Безразличие тоже относится к области смерти: если я не ставлю другого выше себя, не забываю о себе, то уже убиваю его, желаю ему смерти. Ведь другой человек живет во мне, а я одновременно – в нем. Изменить – это тоже убить.

Мы очень примитивно понимаем смерть как просто уничтожение. Но считать другого человека ничем – это же явное убийство. Возвеличивать друг друга – тоже убийство, ведь реальные отношения в этом случае исчезают, становятся небытием, иллюзией.

Все настоящее, подлинное в преувеличении не нуждается. И горе нам, если мы радуемся тому, что нас называют добрыми, великими. Это значит, что мы согласились на самоубийство, на смерть. Нам мало быть теми, кто мы есть на самом деле. Это вроде бы слишком недостойно ни нас, ни Бога. Подобная ложь присутствует у нас все время.

Падший дух действует, существует, но слово жизнь к нему не относится. Аналогию этому можно найти и у нас. Если мы обновляемся, то живем. А если, что называется, влачим существование, то не живем, а умираем. Тратим, умаляем жизнь.

Мы знаем: когда враг выходит против нас со знаменами, относительно легко поднять свои знамена – и выйти навстречу ему. А когда враг растворен среди нас, когда это шпион, – с ним сражаться намного тяжелее.

Перед Христом становится явный, ласковый и «доброжелательный» враг. А нам, чтобы его увидеть, требуется долгий путь. И не нужно обманываться, будто мы, плотские люди, явно видим и слышим злых духов. Эта сила действует, но действует она незаметно для нас. Крутит, вертит, управляет нами запросто, исподтишка.

Апостол Павел говорил, что вера поначалу только угадывает, где чисто, а где скверно и темно. Нужна именно интуиция веры (другими словами – сердечное зрение верой), чтобы услышать заповеди Христа. Ими Господь предупреждает нас, где жизни не будет. Например, на песке ее не построишь. Не сложится она и там, где человек ведет себя нерешительно, половинчато: «Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» (от Луки. 9. 62).

Мы знаем подвижников, которые постепенно научались понимать принципы действия зла – и даже встречались с ним лицом к лицу. В моменты таких встреч, когда соблазн приходил прямо, непосредственно, они думали, что умирают, пропадают. И жаловались Христу, как это делал Антоний Великий: -Где же Ты был, когда меня тут убивали?

А Господь отвечал:

-Я был рядом. И если бы не так, что бы от тебя осталось?

При чтении Евангелия не чувствуется, что встреча с духом тьмы зловеща и страшна. Потому что зло стоит перед Христом – настоящим Богом. Но любой человек, который встретится с тьмою один на один, испугается до смерти.

Это от неполноты, несовершенства нашей веры: Бог победил, преодолел зло, так как в Нем Самом не было никакой тьмы, ничего родственного ей. Зло не имело власти над Господом изнутри. И путь человека – запомнить победу Христа, причины и цену ее всеми «клеточками» тела и души.

И вот – первое искушение. Падший дух говорит Христу:

-Если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами (от Матфея. 4. 2).

Напомню, что Господь сорок дней пробыл в пустыне. И хотя Он алкал (был голоден), но сразу же засвидетельствовал, что у Него есть иной хлеб. Это тот самый хлеб единства с Богом, в котором личность уже возносится и над славой, и над мукой одиночества – одновременно.

Что это значит? А то, что человека, принятого Богом, в жизни уже не пугает и не радует ничего, оторванное, отдельное от Господа и других людей: ни личные богатство и устроенность, ни личные страдание и нищета. Ни одна земная награда не сделает его счастливым, блаженным. Человек будет

понимать: мое блаженство в том, что во мне есть Другой. Христос это и говорит:

-Написано: не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих (от Матфея. 4. 4).

И мы можем другого человека слышать – как Бога, Божие создание. Как Его сына. И только это будет насыщать нас – навсегда, навечно.

Пока этот человек для нас только партнер по жизни, соратник по борьбе или сотрудник по работе, наша общность нас так не насытит, несмотря на производственные и прочие успехи.

Опять придет голод, алкание. А когда перед нами вечная душа, которая пока пусть только ищет Бога, не находит, но не устает искать, – это уже совсем иное, связанное вместе, увековеченное милостью, утвержденное силой воскресения.

Один только поиск, начало поиска делает нас родными, свидетельствует и утверждает благодатью: наши души – Божии. Всех людей.

Люди не способны наполнить пустыню нашей жизни, пока они причастны греху. Ведь основа греха – это предпочтение себя другому. В нашу пустыню входит Христос, живущий только ради других – Отца и людей. И оживляет нас, все пустыни наших душ заполняет Собой.

Господь не говорит человеку: «Теперь ты не в пустыне, Я изменю твою жизнь». Нет, Он обещает нам иное: отныне мы с Ним – вместе. Наша жизнь меняется независимо от того, замечаем мы это «вместе» или нет. И вера дает нам видеть присутствие Бога в нашей пустыне.

Конечный образ пустыни – гроб, где не может быть никакой жизни. Но и тут Христос все наполняет Собой: Его Гроб становится живоносным источником. Из него истекает жизнь, воскресение, которое преодолевает смерть. Господь дает возможность ожить даже тем, кто полностью умертвил, истребил в себе все живое. Он присутствует и в полной, кромешной пустоте.

Между прочим, в духовной жизни совершается парадокс. Если кто-то хочет любить все и всех: народ, мир, быть гуманистом, – то он не будет любить никого. Мы это видим на множестве примеров. А вот если я полюбил одного человека, то мне открываются и становятся небезразличны все люди. Об этом Господь тоже скажет позже.

Мы уже писали о блаженстве нищих духом. Понимать, что мы зависим от других, – и есть блаженство нищеты. Человек становится блаженным (счастливым) не тогда, когда все приобрел, а когда вдруг понял: я способен любить. Мне нужен другой.

В любви мы беспомощны, полностью зависим от своих любимых: если они захотят – откликнутся, не захотят – и ничего не сделаешь. Это важно понять и принять. Тогда любой отклик человека будет нами высоко цениться – как дело его свободы, независимого выбора души. Нам же всего мало, мы чего-то требуем. Не ценим подлинного, живем эфемерным, мечтательным. А ведь с милым рай и в шалаше. Это действительно так. С ним простая еда становится самой вкусной.

Посмотрите, что произошло, когда ученики приняли Христа как Мессию – Того, Кто прощает грехи. Господь Сам стал пищей для них. И мы питаемся Им – Его Телом и Кровью. Мудростью, добротой, верностью, милостью, умением слышать и слушаться, кротостью. И так далее.

Человечество проявляет необыкновенную изобретательность, все время ищет, чем бы безжизненным себя насытить. Выдумывает даже такие вещи, как, например, брачные контракты, где на бумаге оговариваются условия существования (!) супругов. Но это же отдаленное, карикатурное подобие брака.

Брак не имеет силы, если ты человеку не доверяешь. Контракт будет камнем преткновения на пути к жизни во взаимности: все мое – твое, все твое – мое. А тут получается, что люди соглашаются на камень и отказываются от хлеба. Они никогда не услышат из уст другого того, что их насытит. Решение уже принято. Случайно ничего доброго не получается, если рано или поздно не отказаться от расчета.

Случайно вообще не получается ничего. Всегда и все зависит от выбора человека. Он может, конечно, притвориться, сказать, что ничего не решал. Но это – тоже решение. Мы глубоко определяем свою жизнь. Вчитайтесь в ответы Христа злomu духу в пустыне. И увидите: нам открыта возможность всегда и на все ответить решительно. Как бы нас не соблазняли насытиться камнями, мертвечиной, но нам нужно иное – живая жизнь. Она всегда непредсказуема. И нужен – Другой.

Сейчас популярна китайская поговорка, адресованная врагам: «Желаю тебе жить во времена перемен». Вроде бы ничего хуже быть не может. Но на самом деле это единственные живые времена. Мы-то хотим стабильности, мертвечины, боимся будущего. А Христос таких людей сравнивает с несъедобным камнем, хотя они могут быть – живым хлебом, дающим силы, нужным для других.

Когда мы боимся непредсказуемости? Когда сами – предсказуемы. А человека, настроенного на жизнь, непредсказуемость будет только радовать, удивлять. И обновлять. Любовь как творчество всегда неожиданна для любящего и любимого.

Дух злобы предлагает Господу: Своей властью сделай эти камни живыми. Но Христос отказывается: люди сами должны выбрать жизнь с Ним в непрерывном движении – или без Него в окаменении.

Часто мы предъявляем претензии к Богу: «Почему Ты мне не помогаешь?» Но нам уже вручены некоторые дары – таланты думать, чувствовать, верить, дружить, надеяться. В нас есть «запас», богатство для поддержания жизни. И его можно использовать – не только расточать, но и собирать с Христом. В противном случае мы начинаем отказываться от всего – даже от таланта быть людьми.

И понимание, и разумение могут быть хлебом, который питает нас. Что я имею в виду? Мне, допустим, хочется удержать состояние взаимной радости, откровенности, хочется понять, как они возникают. Но есть необъяснимое, таинственное. Есть слово, которое исходит из другого, из уст Божиих. Оно свободно звучит, где хочет. К нему нужно прислушиваться.

Еще раз повторю: примитивный расчет мешает нам в отношениях друг с другом (например, что я могу взять от вас как от начальника или врача). А жизнь возможна только тогда, когда мы думаем о том, как будем вместе в Вечности. Не замучаю ли я вас там? Не замучаюсь ли с вами? Только добрые чувства, желания, которые исходят из сердца, дают пищу душе и делают отношения подлинными. Все остальное – камень.

Часто говорят, что после смерти человека остаются его труды, память о нем и так далее. Но это не так. Остается его живое слово. И оно может нас утешить. Ни великолепное надгробие, ни мавзолей не способны умерить здесь тоску, грусть и отчаяние от того, что человек умер – и с ним на самом деле умер ты сам. Жизнь-то идет во взаимности. А если не ушла взаимность, значит, он жив. И продолжает говорить с нами – иначе, чисто. Без примеси земных измен, ограниченности и так далее.

Будем помнить всегда: жизнь нам дарует Бог. И просить Его, чтобы дал нам видеть все, что недостойно Вечности, просить прощения за это. Прости нас, Господи, что сейчас все самое насущное – забыто нашей душой. Да и она сама забыта, обходимся нуждами тела по причине человеческого расчета, себялюбивых желаний, ничтожных, суетливых удовольствий.

Слава Богу, что Он дает нам блаженство пережить счастье – от другого человека и от Него Самого. Не затуманенное мелкими соображениями, пошлостью фальшивой жизни. Несмотря на то, что мы живем и умрем грешниками.

Своей встречей с тьмой и Своими ответами на ее искушения Христос дарит нам свободу. Если мы не забудем, что Он с нами, то глубочайшая угнетенность от неуверенности в завтрашнем дне оставит нас.

Причем, стоит один раз в жизни искренне ощутить этот громадный дар – и потом даже забыть про него, но уже жизнь будет другой. И если окажешься под гнетом враждебных мыслей, обстоятельств, все равно будешь уверен: «Это я сейчас так ослабел, что можно пугать меня всякими голодухами, разрухами и иными бедами. Но я не пугаюсь до смерти!»

Понимая, от чего нас избавляет Христос, мы можем понять и то, в каком состоянии находимся. Оценить это, соотнеся с Его жизнью. Так что Евангелие – это откровение не только о Его, но и о нашей жизни – в Христовом свете.

Что нам несут заповеди Христа? На первый взгляд, предложение их исполнить. Но можем ли мы с этим справиться? Конечно, да. Потому что эти заповеди – законы бытия самого Христа. До него этой жизни земля не видела. Эти заповеди – Его дыхание, мысль, дела, сокровище, выбранное Его сердцем. Все их исполнил на земле Христос. И с Ним главными для нас становятся не чудеса, не насыщение хлебами. А то, что Он дает нам вернуться на нашу Родину – в райское состояние взаимной любви. Когда душа – свободна, тело – незаметно поддерживает ее, не диктует своих условий. И открывается икона – человеческого лица, наших отношений с Богом.

Христос говорит, что теперь человек будет жить всяким словом, исходящим из уст Божиих (от Матфея. 4. 4, от Луки. 4. 4). Значит, у нас появилась возможность, когда мы любим друг друга – и Бога, и ближнего, – не обращать внимания ни на изобилие стола, ни на богатство обстановки. Все это становится только рамой, которая обрамляет живую, реальную, прекрасную картину.

Между прочим, человек в таком состоянии естественно постится. Ему не нужно обилие еды, он наполнен любовью и словом, которое исходит из уст другого. Принимает этого другого – и сам живет в нем. А пища – всего лишь средство поддержать тело.

И пусть эта заповедь Христа не сразу освобождает нас от зависимости телу. Но мы можем испытать сердцем, рады этому дару свободы – или нет. Если рады, если признаем необходимость свободы для блаженной жизни, то выбор наш – уже сделан. Мы будем легче замечать, когда требуем насыщения для хорошего самочувствия, маленького земного счастья. Для чрева. И легче в этом раскаиваться: «Господи, опять я соблазнился этими «хлебами», поверил, что они составляют мою жизнь и радость – и забыл про Тебя, разменялся!»

Когда мы входим в Церковь, нам сначала кажется: как хорошо, что у нас мало грехов! А ведь хорошо, когда видишь их все. Трезвение (о нем говорили

святые) в том и состоит, чтобы понимать себя – и свидетельствовать об этом перед Богом. Это свидетельство очень важно. Оно помогает Господу менять нас, создавать наше новое сердце, которое обращается к душе человека, а не к его достоянию. Обращается к Богу, а не к Его богатству. И мы начинаем жить не тем хлебом, который у Него в руках, а Им Самим.

Наше сознание, привыкшее к земным условиям, легко принимает именно богатство – и с трудом переключается на иную личность. А посмотрите, как Богородица слушала Христа, жила Его словом. Люди здесь так не живут. Они слушают себя. Князь мира сего на этом и настаивает: делай, что ты хочешь, чего сам желаешь.

Что же происходит с нами, когда мы признаем эту заповедь Христа? Когда прислушиваемся к слову, исходящему из уст Божиих или человеческих? Ответ таков: начинается наше вхождение в иную жизнь – вечную, с другим, без измен. Это и есть наше воскресение.

Мы воскресаем – и всегда помним, до какой жизни доходили прежде: «Сейчас Ты меня, Господи, воссоздал, вернул в прежнюю благодатную жизнь. Благодарю Тебя! Но вернул Ты – предателя, изменника, убийцу, который разрушал жизнь во взаимности».

В воскресении мы всегда сохраняем сердечную память о милости Бога, которая была с нами. О Его снисхождении к людям. Желаем этой милости другим. И милосердие становится для нас не делом, не жертвой, а жизнью – единственно желательной и возможной: я хочу милости всем так же, как сам обрел ее.

Дух злобы искушал Христа в пустыне. Поставил Господа на крышу храма и предложил: «Если Ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею» (от Матфея. 4. 5-6). Сама ситуация здесь уже рисуется искаженно-противоречиво: Христу предлагается броситься с крыши храма – дома, где живет Бог.

В Раю храма не было. Там был Сам Господь. А на земле нам нужно место, куда мы приходим для встречи с Ним. Ожидаем этой встречи. Мы входим в

храм и свидетельствуем, что слишком мало знаем Бога, связаны с Ним. В нас чересчур слабы благодатные дары – покаяния, благодарности.

В храме мы склоняем головы в знак того, что сердце наше – не склоняется. Просим милости, прощения. Просим, чтобы в Таинствах была восполнена немощь, неправда нашего сердца. Храм – место особого присутствия Бога на грешной, гибнущей земле, где милостью, снисхождением Неба в конце концов преодолеваются умирание и смерть.

Так неужели кто-то из нас может стать настолько дерзким, что заявит: «Я прыгну с кровли – и Ангелы меня понесут, потому что я этого достоин, обладаю чистотой и полнотой веры»? Если так, то в этом человеке явно проявятся лукавство, лицемерие, двойственность. И еще – ожидание чуда: пусть другой покажет свою силу, а Бог – всемогущество и власть.

В подобной ситуации можно и нужно сказать человеку: «А ты спустишься по лестнице!» Именно об этом говорит Христос: «Не искушай Господа Бога твоего» (от Матфея. 4. 7). И оставляет эту заповедь нам.

У Максима Исповедника есть такое определение: грех – это неправильное использование вещей. Слово «вещь» тут понимается в широком смысле и означает не только предметы, но и мысли, чувства, веру, ближнего, Бога.

Бывает жизнь естественная и противоестественная. Что обычно нарушает естественность? Вредители – в широком смысле слова. Их мы принимаем в свою жизнь – и открываем путь, которым входит смерть. Например, если человек нужен нам не для дружбы, а для того, чтобы от него получить какую-то выгоду, то это – уже противоестественно. Болезнь зашла далеко.

Слова о том, что сила Божия проявляется в человеческой немощи, мы обычно понимаем так: «Что-то я совсем никуда не гожусь, Господи! Так Ты давай, действуй!» А на самом деле они вот о чем: нам надо свои силы истратить до конца, дойти до предела. И когда принесем все, что имеем (скажем, две лепты), тогда вступит Сам Бог – и восполнит Своей дружбой с нами нашу нищету и поможет все устроить. Пусть у тебя ничтожное количество сил. Но ты будь Ему со-работником.

А как узнать, сколько у нас сил? Обычно человек мечтает о себе: то ему кажется, что он велик – и все может. То воображает, что ничтожен – и не может ничего. И то и другое – ложь. Нужен немалый путь, чтобы нам протрезветь, понять свои возможности.

Иногда не может трудиться душа – так поработай телом. Порой происходит наоборот, иссякают физические силы. Тут есть такое правило: терпеливо жди согласия, когда душа и тело будут едины. Такое возможно. И тогда человек становится целомудренным, цельным, единым с Богом и богатым Его богатством.

А для слабого, жадного, сластолюбивого человека это страшное искушение – воспользоваться силами другого. Мы ленивы, предпочитаем не жить, ждем, чтобы другой все сделал за нас. И этим – искушаем Бога: «Ты Сам действуй за меня, думай, чувствуй, подсказывай!»

Тут можно привести такой пример. Я могу завязать шнурки на ботинках, но прошу помощи – у человека или Самого Господа. И это – уже вызов. То же самое происходит в духовной жизни.

Каждый для себя решает: кто я – Божий сын или нет? Вложил Господь в меня душу, совесть – или не было такого? Кто должен объяснить мне мои грехи – совесть или книжки? Конечно, от книжек мы можем получить какой-то толчок. Но разбираться в жизни приходится самим. И обязательно ответить на вопросы: понимаю я себя, знаю? не отказался ли от жизни, активности?

Бездумное, пассивное существование – это все равно, что броситься «с крыла храма». А уж Ты меня, Господи, подхватывай, носи! И еще это отказ от важнейшей заповеди Христа: «Возьми крест свой!» (от Матфея. 16. 24).

Человек – все-таки со-трудник, или иначе – со-узник Бога. Мы все делаем – вместе с Ним. У митрополита Антония Сурожского есть такой замечательный образ. Когда ребенка учат писать, то он сам держит ручку, а взрослый берет его руку – в свою. И так направляет. Если ребенок расслабится, то перо выпадет. Если перенапряжется, то взрослый не сможет ему помочь.

Мы трудимся – и при этом должны быть податливы, гибки, умны. Нам нужна помощь Бога, но и свои силы обязательно надо истратить до конца. В этом заключается глубочайшая взаимность. А жизнь бывает только взаимна. И любовь – проявление взаимности. Односторонней любви нет, это обман, иллюзия.

Именно к взаимности зовет нас Бог. Мы ее нарушаем, ею пренебрегаем. А она, между прочим, ко многому нас обязывает. Все нам дано свыше. «Всяк дар совершен» вложен в нас Небом. Но есть естественная жизнь, которая должна созидаться – естественным образом. Когда будут исчерпаны ее возможности, тогда «Бог нарушает естества чин», как сказано в Каноне святого Андрея Критского. Господь помогает людям, останавливает солнце, раздвигает моря, если это необходимо.

А мы – приносим Ему то, что имеем: желание быть свободными, не хотеть греха, трудиться, не бояться пустыни, доверяться Богу. Тут можно перечислить все наши способности.

Евангелие много раз повторяет: мы должны быть умны, расчетливы (не выгадывать, а уметь рассчитывать свои силы). Вспомните притчи о противнике, который имеет больше войск, или о башне, которая осталась недостроенной (от Луки. 14. 28-32).

Как это касается духовной жизни? Вот человек поверил в Бога. Если он сразу же бросится на борьбу с грехом, то утонет в нем. Если в покаянии будет вспоминать все детали греха, то сластолюбие незаметно обманет его, погрузит в этот грех – и человек будет жить им. Таких примеров много.

Соблюдать меру между нашими возможностями и Божией помощью – это одна из целей аскетического пути. Мы учимся понимать, где должны действовать сами, а где необходимо вдохновение – помощь Божия. И уметь хранить эту меру.

Бог дает нам заповедь, а исполнение ее – это огромная, блаженная жизнь, наука счастья – быть с другим человеком, слышать, понимать, знать его. И находиться с ним – во взаимности.

Человек, который только подходит к вере (или теряет ее), иногда хочет убедиться в бытии Божиим. Требуется чуда, свидетельства, что есть Другой. А ведь это желание – убийственно. Любые доказательства убивают любовь. Она же сама о себе свидетельствует, а доказывать – значит отказаться от нее, предать.

Если я скажу другу: «Докажи свою дружбу!», – то этим разрушу ее. То же самое – в вере: «Господи, докажи, что Ты есть и любишь меня!» Этим требованием создается не взаимность, подозрительность, при которой не может быть доверительных отношений.

Мы принимаем заповедь Христа к исполнению. Но, конечно же, в некоторых ситуациях будем искушать Бога и людей, ставить им какие-то условия. И когда Бог эти условия выполнит, надо сказать Ему: «Прости меня! Я был дерзок, не имел права так говорить. Ты есть всегда и везде, помогаешь мне, насколько нужно». Человек может ошибаться. И важно это признать.

Есть вещи, которые принимаются и осегаются тайно. Легче понять это на отрицательном примере, потому что нам больше знакома мрачная, греховная сторона жизни. Иногда мы слышим вроде бы добрые слова – и сквозь них чувствуем недоброжелательность. Как будто к нам проявляют интерес, а ощущается – расчет или равнодушие. И это не нужно доказывать, все понятно.

Труднее – с хорошим: тут мы подслеповаты. Бывает, требуем каких-то «фокусов» от любящего сердца, а это – вражда и убийство отношений.

Правы те родители, которые не доказывают добрых чувств детям – особенно взрослым. И дети это в конце концов понимают. А начини доказывать – и понимание никогда не придет. Оно утонет в доказательствах.

Сейчас на улицах появились плакаты: «Любишь – докажи!» Это искушение вошло в жизнь: мир живет им. И верующие – тоже: «Если мне хорошо, то я Божий. А если плохо, то Ты, Господи, будь любезен, исправляй ситуацию!»

Христос дал нам победу над этим искушением, но мы ее не приняли. И, наверное, не встретить уже на земле человека, который постоянно видит

мудрость, благодатность этой жизни, не случайность и оправданность всего. Умеет с благодарностью отнестись ко всем деталям, понимает, что Бог все знает, приемлет – и ведет ко благу. Значит, эта заповедь нами не выполнена.

Но давайте хотя бы вспоминать о ней, признавать ее, чтобы великий дар Бога опять вернулся к нам: «Господи, прости меня! Я все время требую невозможного. Именно требую, а не прошу. Ведь просят – возможного, а требуют то, чего нельзя получить».

От этого и рождаются наши обиды, раздраженность, вражда, отчаяние, нежелание жить. И претензия на чудо: «Освободи меня от реальной, трудной жизни!»

Целые поколения жили изменой этой заповеди. Хотели передать «партии» ум, честь, совесть. Пусть даже не искренне, как бы шутя. А бездна смеялась над людьми и исполняла их просьбы – в обмен на часть человеческой души. И незаметно это вошло в жизнь: многие сейчас живут без ума, чести и совести. Да еще и объясняют это тем, что иному их – «не научили». Это страшное свидетельство человека о том, что он – не Божий. Но Божие вложено в нас – «Царство Небесное внутри вас есть» (от Луки. 17. 21). Как и свобода предать, изгнать его.

Дух злобы поставил Христа «на весьма высокую гору», показал «все царства мира и славу их», а потом сказал: «Все это дам Тебе, если, пав, поклонись мне». И Христос ему ответил: «Отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи». Тогда оставил Его диавол, «и се Ангелы приступили и служили Ему» (см. от Матфея. 4. 8-11).

Очень важно, как мы относимся к словам всех, о ком сказано в Евангелии. Ирод, Пилат, Каиафа много лгали, но порой говорили истинные вещи. Например, Каиафа утверждал: «Лучше одному человеку умереть за народ» (Евангелие от Иоанна. 18.14). А Ирод облек Христа в белые одежды – и этим засвидетельствовал, что не находит в Нем никакой вины (от Луки. 23.11). Пилат тоже видел это и изрек о Господе: «Царь Иудейский» (см. от Марка. 15. 9). Удивительно! Раньше Пилат и Ирод не были дружны, а с этого момента – подружились.

Почему же человек порой говорит правду, несмотря на помраченность души, вопреки себе, своим желаниям? Происходит это в силу таинственных Божиих путей. Каиафа был первосвященником, Пилат и Ирод – правителями. А апостол Павел утверждает: «нет власти не от Бога» (Послание Римлянам. 13. 1).

Но с сатаной – совсем иной случай: он ниспал с неба, не удержался там. В нем нет никакой правды. Когда злой дух возводит Христа на высокую гору, как-то легко верится, что власть на земле в его руках, и только он может дать ее любому. Это и сейчас пугает людей, они даже думают: лучше отказаться от царства, от славы – лишь бы не кланяться темной силе, которая тут все «распределяет». Но это ложь.

Заметим: слова о власти мы слышим из уст апостола и сатаны. Но само понятие «власть» у них разное. Тьма предлагает человеку власть и славу на пять минут – и после этого он низвергнут. По существу, это не власть и не слава. Тебе кланяются, ты заставил это делать, подчинил себе других. Но силы твои заканчиваются – и люди восстанут, подчинят тебя.

Земные царства, их богатство, тщеславие – гибнущие, сменяемые, сами по себе фальшивые. Вкусивший их не может насытиться. Наоборот, у него пробуждаются сильнейшие желания, ему всего мало – и нужно больше. Так что, повторю, ни славой, ни богатством это не назовешь. Разве что нищетой и позором. И здоровую душу должны возмутить слова сатаны. Ведь он не видит настоящей славы – той, которая навсегда.

Такую власть и славу имеет Бог. И Христос в другом месте Евангелия говорит: за душу ты можешь приобрести что-то временное (см. от Матфея. 16. 26). Но какая тебе польза от этого?

У Бога есть все – и Он делится Своим богатством. Не берет, а отдает. Его всеисие в том, что не Ему служат, а служит Он Сам. Его слава – не хвала от нас, а жертва – за нас. Вплоть до смерти. Можно не принять, не признать Его славы. Но как же прекрасен Господь! Он Единственный на земле жил ради другого – даже ради врага.

Господь зовет нас к хорошему, а зло прикидывается хорошим, а на деле оказывается приманкой в капкане. К сожалению, мы привыкли к тьме. Это она говорит нам: «Счастлив тот, кто всем обладает, диктует другим свою волю, мнение». А Христос утверждает обратное: хочешь быть первым, стань всем слугой (см. от Луки. 9. 35). Такие евангельские примеры вы и сами видите.

На весьма высокой горе сатана показал Господу «все царства мира и славу их» – ложные славу и величие земли. Ложные потому, что их не удержишь, не сохранишь. Они утекают, как песок сквозь пальцы. И становятся значимыми в наших глазах только потому, что душа изменяет Вечности, теряет подлинное, нетленное сокровище. Похоже, измен у нас много, коль всюду на земле сияет эта «слава», манит, прельщает, подчиняет, губит одиночеством.

Наконец дух злобы сказал: «Все это дам Тебе, если, пав, поклонись мне». Конечно, он солгал. Но слова его – тонкие и глубокие. Означают они вот что: прежде чем поклониться сатане, нужно пасть – то есть отвернуться от Бога! Признать: я могу жить без Него и тем самым освободить «свято место» для властного господина тьмы.

Нам предлагается подумать, выбрать сердцем настоящее богатство, которое щедро делится, и настоящую славу, которая не требует служения себе, а сама служит слабым. С Богом мы имеем все. Мы Его наследники. Поэтому человеку, выбравшему Его, слова сатаны смешны. Все в них – фальшиво. И опять же только наше внимание придает ему вес.

Но как же часто люди живут по этому принципу! Доверяют лжи, принимают ее за истину. Нас не надо поднимать на высокую гору, соблазнять «царствами» и «богатствами». Злу просто незачем тратить на нас силы. Мы по своей воле выбираем помойную яму грязных удовольствий – и этим утешаемся.

Причем, грех развивается. Постоянно. Не думайте, что человек может сразу совершить великое падение. Нет, всему надо учиться. Мастерство необходимо в воровстве, обмане. А Дон Гуан Пушкина не скрывал: «И был я у разврата прилежный ученик».

Нам тяжело признавать, что мы весьма совершенны во лжи, притворстве. И наши запросы постепенно растут. Когда человек старается утвердиться в юности, ему достаточно простого признания. А в зрелом возрасте для приличного самочувствия уже нужно господство над другими.

Вы помните, что ответил Господь духу злобы: «Отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи». Тогда оставил Его диавол.

«Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю». Почему? Да потому, что она может довериться лишь тому, кто о ней заботится. Никакой силой не заставишь человека стать кому-то другом. Никогда отношения не выстраиваются под давлением. Живая душа чувствует влюбленность, если ее свобода ничем не нарушена.

И Бог сохраняет нашу свободу. Мы ошибаемся, если считаем, будто что-то «должны» Ему. Это ложь (а ведь ее от многих слышишь!), хула на Всевышнего. Он говорит, что дышит, где хочет, живет – во взаимности. И тоже разрешает нам дышать, как угодно.

Евангелие открывает это в полноте: человек намерен убить Бога – и Господь позволяет: «Убей!» Всесильный дает пригвоздить Себя ко Кресту. Могут ли люди после этого почувствовать себя всемогущими? Безусловно. И многие – чувствуют.

Но наследство получают только родные. Породненные духовно. Оно передается естественно. И тот, кто сохраняет свою свободу и свободу всех, как это делает Сам Господь, становится сыном Бога. Наследует Его Царство.

В нашей жизни эта заповедь исполняется сама собой. Мы ведь доверяем только тем, кто не стоит у нас над душой с требованиями, ограничениями, тем более – с ненавистью, насмешками. А кому можно доверить землю? Тому, кто ее не обидит, не переменит.

«Царство Божие внутри вас есть», – объяснил нам Христос (от Луки. 17. 21). Значит, и воля, и власть, и суд находятся в самом человеке. Так что откровенно лгут все утверждающие, будто кто-то имеет над нами власть,

делает выбор за нас. Даже Бог оставляет людей свободными – самовластными.

Мы вторим сатане, когда говорим: «Нас не научили! Нас заставили!» Попросту не признаем, что сами выбрали, захотели зла, предательства – любых дел тьмы. В нужный момент не проявили воли, отвлеклись, не захотели разобраться, подчинились. Всегда это был наш свободный выбор.

Христос пришел на землю, которая тонет в грязи, мучается, заканчивается. Здесь трудно, мучительно жить, все одиноки, потеряны. Господь хочет нас спасти – соединить. И человек верующий – доверяющий Христу – воспримет слова сатаны как странные и смешные. Как можно увидеть в нашем мире славу, богатство? Их точно нет. Есть химера, мечта, дурной романтизм, который делает людей несчастными, обманывает, прельщая.

Мы считаем ад местом нескончаемых, невыносимых мучений. А известный мыслитель Симона Вейль страдания грешника объяснила тем, что ад – это ложный рай. Обмануться в счастье, радости, блаженстве – величайшая трагедия для человеческой души. И если душа думает, что счастье – брать, заставлять, присваивать, поедать, – она отнимает у себя возможность быть счастливой.

Настоящее счастье – забывать о себе, потому что любишь. И существует другая душа – свободная, независимая, которая вдруг тебе открылась и сказала: «Ты нужен». В такой жизни счастье – отдавать, а не брать. Это получается естественно. Но блаженство взаимности недоступно потребителю.

Евангелие не объясняет слова злого духа. Оно кратко отвергает их. А нам надо остановиться, задуматься, понять, что выбрал Христос – и пойти вслед за Ним. А потом шаг за шагом определить свое отношение ко всему – доброму и злему. Например, к природе, искусству, которые хороши, но – не до конца.

Нас окружает многообразный мир земли. Мы можем соблазниться его богатством – не только материальным. И при этом нам станет не нужен, не интересен другой человек. Даже в нашей вере такое часто случается: людям

необходимы молитвы, поклоны, посты, – все, кроме Христа. самого главного. Постараемся не утонуть во второстепенном, не поклониться этому, а сказать: «Я хочу служить Другому». И Христос об этом говорил: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи».

Сатана призывает к падению. А нам нужно поклонение – благоговение, признание жизни в Другом. И вот вопрос: кто кому поклонился прежде? Мы Христу – или Он нам? Конечно, Сам Господь – людям. И это удивительно! Небо склонилось, чтобы Он сошел на землю спасти человека.

Выходя из Иордана, Христос даровал грешникам (если они этого захотят) возможность прощения, оставления грехов. Причем, прежде всяких просьб, прежде нашей нужды избавиться от зла. Он знает человека – и заранее дарит нам это. Теперь людям не нужно умолять, вырывать у Бога милость. Она принесена, хотя мало кто ее замечает. Нам остается только жить и веровать так, чтобы на эту милость, в конце концов, согласиться. Господь ждет, когда мы примем как дар Его великую жертву.

Вслед за освобождением человека от греха Христос входит в пустыню, а именно пустыней стала земная жизнь. Люди существуют в одиночестве, безбожии, и это – смерть. Они могут вспомнить, что есть Кто-то там наверху, но личных отношений с Богом у них чаще всего не сохраняется (даже как памяти).

Когда совесть молчит, у нас остаются такие потребности тела и души, которыми полна пустыня земли: жажда хлеба, чуда, могущества, а значит – власти, покорения других. И еще жажда такой веры, в которой важен не Бог, а Его достояние, Его возможности, богатство. Чтобы в конце концов обладать Им Самим – и пусть Он носит нас на руках, живет за нас.

Христос входит в эту пустыню и говорит ей «нет». Как и в Крещении, Господь приносит нам дар – на этот раз дар свободы людям, поработанным временным, материальным и собственно грехом (себялюбием – до забвения Другого).

Что такое это порабощение? Нами руководят бессловесные желания, а сердцем – тайные мысли. Человеку кажется, что это единственно возможное

счастье, причем вечное. Из поколения в поколения он убеждался, что чудеса, насыщение, власть, господство, использование высших сил в своих «интересах», благополучие – это и есть благо, предел желаний.

Христос преодолевает эту человеческую внутреннюю несвободу, подчиненность нашего сердца злу. Он выходит из пустыни и говорит Свое первое слово, обращенное ко всем:

-Покайтесь и веруйте в Евангелие (от Луки. 1. 15).

Покаяние связано уже не со знанием, перечислением грехов. Оно иное: человек ставится перед святостью, благодатностью Христовой жизни. Взирает на ее полноту и совершенство.

В чем особенность отношений Лиц Святой Троицы? Каждый Друг за Друга – до конца, до смерти. Но Бог Свят – и Они живут. Такая жизнь ради Другого для Троицы – не закон, а желание. Услышать, исполнить волю Другого – это жизнь, хлеб. А слышать Себя, Свою волю и желания – это смерть.

К неизменной, вечной жизни зовет нас Христос.

Так удивительно устроен Божий мир: если человек хранит верность, преданность, бережет то, что ему вручено, – оно начинает умножаться, приносить плоды. Причем обновляется и сам человек, и его окружение. Господь объяснил это так: кто с Ним, тот собирает (см. от Матфея. 12. 30). Хочешь ли ты такой жизни? Ответ на этот вопрос – и поймешь, в какую меру живешь. К сожалению, люди в основном предпочитают иную позицию: потихонечку существовать, тлеть.

В Евангелии важно не только то, что говорит Христос, но и то, как Он говорит, кому. Спаситель обращается не к народу, толпе, а к каждому человеку – лично. Причем нет никого, к кому бы Он не обратился.

Вы, вероятно, помните: перед началом проповеди Господь призвал к Себе апостолов – по именам (см. от Иоанна. 1. 35-51, от Марка. 2. 13). И это тоже заповедь для нас: раз меня зовут по имени, то и Бог для меня становится с именем. Возникают личные отношения с Ним.

Личные отношения появились у Бога – и святителя Игнатия Брянчанинова, у Бога – и святителя Василия Великого. Но важно, чтобы они сложились у меня – с Ним. При этом мне могут помочь личные отношения с Богом святителей Игнатия и Василия. Если я радуюсь за них, то приобщаюсь к их жизни.

Христос не выдвигал людям никаких условий, не создавал правил. Он просто позвал Андрея, а тот – брата. Господь сказал и первому, и второму:
-Следуй за Мной!

Этот короткий призыв будет повторяться много раз. Звучит он и для нас, передает путь человека в вере. Но, к сожалению, мало кто следует за Христом. Предпочитают исполнять правила, заповеди. А личного предстояния перед Ним – нет. Но оно появляется, если искренне признать: «Господи, у меня пока не возникли личные отношения с Тобой. Прости меня! Все-таки я хочу, чтобы они были».

Дружба между людьми разрывается, когда приходят обиды, исчезает доверие. Но отношения сохраняются, если кто-то обиделся – и простил другого. Понять это нам помогают совесть, сердце. Вот и человек, которого позвал Бог, должен взирать именно на эту связующую нить с Ним. Сегодня я раскаялся – и она есть. Утром про раскаяние забыл – и нить оборвалась. На исповедь я иду не перечислять какие-то проступки, а снова связать эту нить.

Бог подает мне руку, принимает меня. Он все знал и уже вручил прощение каждому. И я не отчаиваюсь, не боюсь за свое будущее, хотя согрешил сегодня, не хочу, но могу согрешить завтра.

В здоровом, мирном расположении духа мне противно мучить, истязать Христа. Но бывают состояния, когда человеку все безразлично или даже приятно приносить боль. Обрывается нить доброй взаимности – и нет веры, остается одно лицемерие, внешность, не имеющая силы и правды. Тогда любое действие, в том числе покаяние становится бессильным, лукавым. Отсутствие покаяния – тоже не причина для отчаяния. Только признай это. И вместе со всей Церковью проси Бога: «Покаяния двери отверзи нам...» Христос сказал, что Он – путь (см. от Иоанна. 14. 16). И вера – тоже путь. Это часто ускользает от внимания верующих.

Подлинность нашего личного отношения к Христу проверяется нашим отношением к людям. Если мы приняли милость, то и остальных хотим миловать. И пусть сегодня у нас есть привычка легко осуждать людей, но завтра будем хотя бы останавливаться и просить прощение за это. Сдерживая себя во зле, сделаем шаг к ближнему и Богу. А потом, возможно, совсем перестанем выдумывать, наговаривать на других.

Маленькая узда на любых страстях приводит к этому. И человек постепенно осознает, что такое труд сердца, перемена мышления. Связующая нить восстанавливается. И хотя мы несовершенны, но стоим на евангельском пути.

Когда мы решаем преодолеть разделение с другими, то по привычке оказываемся в одиночестве. А надо все делать перед очами Спасителя, всегда приводить себя к Нему. Тут наука не одного дня и года: постоянно помнить о Нем, о том, что Он находится рядом, носить Его в сердце. Это кажется невозможным, но абсолютно необходимо. И может дароваться нам Господом, когда мы научимся ценить дары. Пусть даже самые маленькие (кто в малом верен, тот верен и в большом!). Ибо всякий подлинный дар – свыше. Здесь существует одна тонкость. Бог дает людям от рождения некие способности – таланты. Потом они тоже могут приходить к нам. И мы словно заново рождаемся, сталкиваясь с тем, чего у нас раньше не было. Становимся другими с этими дарами.

Существует два способа жизни на земле: расточения – и умножения, собирания, когда трудимся на Божием пути. Созидая себя, мы созидаем и жизнь вокруг.

Остатки Божественных талантов в нас сохраняются, несмотря ни на какие траты. Нам хочется своими силами, опираясь на эти способности, научиться жить правильно. Но человек не является источником света. Жизнь нам вручается. Остатки Божественных талантов не действуют сами по себе. Без благословения, вдохновения свыше мы не можем в них пребывать. Такое пребывание – тоже Божий дар (о нем можно просить). Оно осуществляется только в труде, умножающем таланты.

Путь преодоления нашего разделения с другими легко проследить дальше. Как удерживается дар? Не волевым усердием или старанием, а

благодарением. Православие – это правильное благодарение. И об этом великом делании мы подробно поговорим позже.

А пока вернемся к Евангельскому повествованию, посмотрим, в какой последовательности происходили там события. Вы помните, Христос призывал учеников (и нас тоже) по имени и говорил каждому: «Следуй за Мной!». После этого Он многих исцелил.

Мы знаем, что тело подчиняется болезни, душа – греху. А исцеление – прежде всего освобождение человека от такой подчиненности, от зла. В этом и состоит наше здоровье.

Христос освобождает нас – и после этого мы способны внимать хорошему. Но добро – еще не приняли, а только знакомимся с ним. Нам предстоит сердцем выбрать его. Можно выбирать и умом, но это будет полувыбором, полуправдой, а значит – обманом, лицемерием.

Дальше открываются заповеди блаженства (мы уже говорили о них). Это вовсе не условие нашего спасения, вхождения в Царство Небесное, а совсем другая жизнь. И она уже здесь, на земле, способна сделать человека счастливым.

Но если честно посмотреть на заповеди блаженства, они покажутся нам невозможными. Как это – блаженны кроткие? Мы же видим иное: блаженны сильные, богатые, властные.

И нам потребуется испытать свое сердце, честно признать: «Нет, эти блаженства – пока не для меня!» Спросить: «Господи, а как же мне быть?» И постепенно каждому откроется: сердце мое мертво, я не чувствую, не признаю это жизнью. Наоборот, воспринимаю как дополнительную нагрузку, которая лишает меня последних сил.

И вот тут человек понимает, как ему нужно воскресение. Начинает просить: «Господи, дай мне принять Твою жизнь и сохранить её в себе! Создай во мне новое сердце!» И, если нам удастся вкусить этого блаженства, мы не будем сетовать на судьбу, на трудные условия. Просто скажем: «Господи, благодарю Тебя! Ты даешь мне трудиться рядом с Тобой».

Мы ведь жалуемся только потому, что Божие не является для нас богатством, сокровищем. Но это преодолимо. Будем покаянно просить: «Прости! Опять вернулся к старому!» А это уже умный путь человека, школа, в которой нет ни классов, ни курсов, ни отметок. А есть взаимная жизнь, которая то прорастает и даже начинает цвести, то снова чахнет. Иногда дает какие-то плоды – и опять уходит.

Человек, который следит за тем, что сейчас происходит с ним, научается быть трезвым, внимательным ко всему. Так происходит суд над нашей жизнью, возникает предстояние перед Богом. Растет взаимность, которую с Неба хочет принести нам Христос.

Давайте прочтем Евангелие от Матфея, 5 главу, стихи 13-48. Это довольно большой отрывок, который идет после заповедей блаженства. Начинается он словами Христа: «Вы соль земли».

Это стоит прочитать сразу, потому что все здесь объясняется последней фразой Спасителя: «будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный». В заповедях блаженства рассказывается о том, как живет Царствие Божие. И эта жизнь в единстве предлагается нам, причем – Самим Отцом.

Я редко встречал людей, которые включают эту заповедь в свою христианскую жизнь как необходимую. А она – обязательна, как и все остальные. В заповедях, которые подводят к ней, Христос раскрывает наше несовершенство, показывает его. Бог говорит о жизни, но человеку трудно ее понять. По древней привычке мы считаем жизнью наше земное существование. А Священное Писание называет это тенью смерти. Под ней люди не живут, они уже умерли. И не только те, кто лежит в гробу. Господь пришел спасать нас от такой нежити.

Жизнь есть только у Него. Она никогда не заканчивается, всегда благая, умножается, растет, в ней нет никакого недостатка. Эта жизнь, прежде всего, немыслима в одиночестве. Она подается в соединении человека с Богом, другими людьми. И такое соединение – естественно.

Христос позже пояснит, что две заповеди о любви к Богу и человеку – невозможны одна без другой. Если любишь человека и не любишь Бога, то,

значит, в человеке не замечаешь Божиего. Если любишь Бога, Которого не видишь, но не любишь людей, которых видишь, то это, по меньшей мере, странно.

Вечная жизнь забывает про себя. В этом чудо: другой наполняет мою жизнь смыслом и радостью. И это – взаимно. Жизнь возможна только во взаимности. Заповеди Христа будут нам напоминать: когда взаимности нет, мы не имеем права строить духовные отношения с людьми. И нужно ожидать, пока они будут к ним готовы.

А еще жизнь полностью свободна: в ней нет ограничений, все возможно. В ней не бывает боли, печали, просьб, воздыхания, малейшего ощущения, что чего-то не хватает. Потому что есть все. С избытком, с изобилием.

Жизнь никогда не изменяет, не уменьшается, а только растет (и про это будет говорить Христос). В ней все до конца, полностью, никогда – наполовину. Во всем она цельная. И когда мы встречаемся с чем-то, что меньше ее, не будем путать это с жизнью вечной.

Ее Носителем на земле впервые стал Христос. Он смог поделиться жизнью с другими, которые попросили их спасти. «Спаси!» и «Поделись вечной жизнью, ведь мы умираем!» – это равноценные просьбы.

Христос пришел на землю, когда абсолютно все люди нуждались в спасении. Иных не было. Никто не мог выбраться из нежити самостоятельно. Но и тут обязательно нужна взаимность: с жизнью соприкоснулись только те, кто признал, что у них ее нет. Потому что они сами от нее отказались, предали, стали жить для себя, а не для другого, захотели своего: «Да будет воля моя!». В этом и заключается измена Вечности.

Человек не может не любить. Любовь к себе – это забвение Бога и людей. Они, конечно, никуда не исчезают, но до поры до времени он от них только получает. А любовь Христа другая: Спаситель отдает. Для человека такое – подвиг, для Него — хлеб, пища. Господь иначе не умеет. И это обличает нас.

Он умер за нас, потому что живет для других, не для Себя. И люди, которые узнали вечную жизнь, тоже стали иными. Поняли: их жизнь, даже добрая,

отличается от вечной: «Господи, наше добро немощное! Оно с оглядкой, трудное, расчетливое».

Солью земли назвал Христос таких людей. Потому что знание вечности осолоило их жизнь – покаянием. Они стали солью для остальных.

Помните, как Христос исцелил гадаринского бесноватого? Он послал его в родное селение: «Возвратись в дом твой и расскажи, что сотворил тебе Бог» (от Луки 8. 39). Соль состоит в том, что Господь помиловал людей, они узнали вечность, настоящую жизнь. Простил нас — и этого мы теперь желаем всем.

Почему Христос сравнил людей — с солью? Она имеет несколько свойств. Прежде всего, придает блюдам определенный вкус. А в данном случае — вкус всем сторонам жизни, которую на земле можно прожить — с вечностью. Соль сохраняет продукты, не дает им испортиться. Вот и в человеке, узнавшем Вечность, все хорошее станет сохраняться благодарностью, а плохое — отпадать, побеждаться добром, милостью Христа. Соли нужно мало, совсем чуть-чуть. Потом Христос расскажет притчи про это «чуть-чуть», например, закваску. Малого оказывается достаточно, чтобы знать веру, Бога, себя, других.

Соль помогает совести ожить — и узнавать, различать добро и зло. Понимать, что относится к Вечности, а что — нет.

Может ли соль стать несоленой? Конечно, нет. Но под видом соли нам порой предлагают порошок, похожий на нее. Заменитель. Ужас земной жизни в том, что мы часто пользуемся химерами, мечтаниями, вымыслом. Всем тем, что относится ко лжи, лицемерию, лести. Не знаем жизни — и придумываем ее, фантазируем. Не важно, почему: по торопливости, неразумию или иной причине. Все равно в этом каждый виноват лично. И когда совершается подмена, когда человек думает, что имеет соль, а ее у него нет, — то вся его вера, труды годны только на поправление. Умирают и исчезают.

Главнейшее и спасительное для нас – встретиться с небесной жизнью. Если не встретились, если совесть говорит, что пока ее не увидели, не узнали, то для нас это — тоже утешение: значит, мы ее предчувствуем. В этом случае можно сказать: «Царство Небесное во мне еще не раскрылось, но оно есть».

Тот, кто способен понять, что это — пока не жизнь, уже готов для Царства Небесного. Стоит на его пороге.

Как соль не может стать несоленой, так и человек, узнавший милость от Бога, не может отпасть от Него. Он уже спасен — соединился с вечным Богом.

Удивительно действует в нас соль. В одиночестве мы подходим к Богу, но как только бываем помилованы, в душе оживает Царство Небесное. Она жаждет любви. И все грешники становятся необходимы человеку. Ему хочется, чтобы они воскресли — в том числе и для того, чтобы сам он мог жить во взаимности. Не воскреснут — и для него это могила.

В молитве «Отче наш...» потому и говорится: «остави нам долги наши», а не мои. Воскресшая душа не мыслит себя без других.

Мы всегда подчеркиваем, что заповеди даны Богом для нас. Но они еще и объясняют, раскрывают жизнь Самого Христа. Для Него нет мертвых, все живы — то есть способны к любви. И когда Он нас милует, Его жизнь входит в нас, и потихоньку начинается воскресение нашей души. Смотришь — и понимаешь: и с этим человеком, который казался чужим и ненужным, можно дружить и быть счастливым, и с тем, кто казался врагом.

Об этом, но иначе говорил преподобный Серафим Саровский: стяжи мир в душе — и тысячи вокруг тебя спасутся. Осоятся, в них попадет закваска Вечности, как говорили мы в прошлый раз.

Наша Церковь так устроена, что небесная соль передается в ней из поколения в поколение. Христос вручил соль апостолам. Петр, Павел, Матфей, — все они ходили и говорили: «Мы пропадали, а Бог нас спас, простил, братья!».

Апостолы не утверждали, будто остальные люди — отсталые, недостойные, будто они обязаны что-то выполнять, делать и заслуживать. Не призывали закалять волю во время поста или вычитывать громадные правила и класть поклоны.

Ученики видели, как Христос прощал их самих и других людей, исцеляя души и тела. Подводили к Нему бесноватого отрока и признавались: «Мы не можем его простить, а Ты попробуй!» И Господь отрока исцелял, вздыхая о немощи веры апостолов.

Соль спустилась с неба, попала к людям. И дальше передавалась и передается от лица к лицу, от сердца к сердцу. Мы приняли Евангелие не из рук Самого Христа, а из рук Его учеников, унаследовавших Благою весть. Царство Небесное ожило – для людей! И в разные времена хранится во многих или в малых. Одной крупинки соли достаточно на огромный чан. И она чувствуется всеми (не стоит село без праведника, а город – без святого).

По житейским меркам кажется: вот будет 51 процент хороших людей – и тогда мы, согласно демографии, пойдем к светлому будущему. А наша вера, о которой мы всегда забываем, утверждает иное: достаточно одного-двух человек, узнавших Божию милость – и будет жить целый город. Земля сохранится, пока соль не уйдет отсюда, не окажется выброшенной «на поправление людям» (от Матфея. 5. 15).

Еще раз напомним, как человек становится причастен этой соли. Он принимает ее как милость, как прощение: «Господи, я сам не могу жить! Прости меня и поделись со мной Твоей жизнью!»

Один пример свидетельствует об этом. Мы веруем: Христос – Свет. Его Рождество, Крещение – явление Света в жизнь. Но что значит – Свет? Какая-нибудь энергосберегающая лампочка нравственно-просветительской программы? Совсем нет. Господь принес на землю Свет любви. Эта любовь к человеку-грешнику как раз и выражается через прощение и милость. Свет так воссиял, что здесь – в стране «тени смертной» (от Матфея. 4. 16) стали прощать.

Заповедь Христа говорит: если человек встретился с Его жизнью – милостью, он естественным образом начнет светить другим – жалеть их. Самых страшных, на которых обижаются люди. Свет Христов светит всем. При этом Господь запрещал рассказывать о Его чудесах-милостях: все, связанное с верой, должно быть втайне.

Но и хранимый свет невозможно скрыть. Люди обязательно почувствуют его, потому что даже камни оживляются этим Светом (см. от Луки. 19. 40). О нем не трубят, не говорят, но он проявляет себя тем, что желает милости даже тому, кто пока видит счастье в насилии, мерзости, подлости, жадности. Свет несет жизнь любому погибающему человеку.

Слова Христа кажутся нам только неким объяснением жизни. А на самом деле эта жизнь – в них. Они помогают человеку проверить свою честность. Например, если есть люди, которые мне противны (допустим, Ирод, Пилат), значит, с милостью, с солью я еще не встретился, верующим не стал.

Христос пришел помиловать всех. Его Крест – над всей землей. Спасение уже принесено. Не хватает только одного – взаимности. Нужно тебе спасение – или нет? В какое счастье, сокровище ты веришь: когда вы вдвоем – или когда ты один и сам «съел» все, с чем встретился, что увидел?

Христос сказал апостолам: «Так да светит свет ваш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела». А дальше добавил: «и прославляли Отца вашего Небесного» (от Матфея. 5. 16). Не людей, но Его Отца. Почему? Потому что люди не являются источником света: они способны увидеть и принять свет Отца.

Мы помним, что Христос умер за нас. Но то, что пережил Бог Отец, еще страшнее: если Сын умирает, умирает и Он. Единосущная Троица пребывает в согласии: Отец согласен на смерть Христа и Свою жертву, ведь теперь люди, благодаря Святому Духу, могут оживать милостью Спасителя. И всегда жить в согласии со своим Отцом.

Однажды ученик попросит Христа показать апостолам Отца. И Господь скажет: «Сколько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня видел Отца...» (от Иоанна. 14. 8-9).

Почему Он так сказал? Да это же Отец послал Сына на землю. А ведь любящему легче самому умереть, чем согласиться на смерть любимого.

Если в нас попадает свет Христов и мы его не отвергаем, принимаем, согреваясь им, то Господь дает его столько, сколько мы можем вместить. Без

ограничений. И то, что в нас мало света, говорит о нашем нежелании его принимать.

Бог всем Своим достоянием делится с человеком. И человек, согласный быть серьезным до конца, получит всё. Но мы бываем серьёзны в лучшем случае наполовину. Так и получаем – по нашей решимости.

Господь говорит людям Своим примером, что нужно делать для того, чтобы сохранять жизнь, чтобы смерть не охватила нас: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков. Не нарушить пришел Я, но исполнить, ибо истинно говорю вам: доколе не пройдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все» (от Матфея.5. 17-18).

Но правильные поступки, выполнение закона в полноте для нас на самом деле невозможны. И, зная нашу падшую, неспособную к самостоятельности природу, Христос нас не только прощает, но восполняет наши немощи и дает возможность жить. А чтобы жизнь на земле продолжалась, наш Творец до последней йоты выполняет все заповеди – за нас. За тех, которые были прежде и будут после.

Христос сказал апостолам: «Вы – свет мира. Не может укрыться город, стоящий наверху горы. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (от Матфея. 5. 14-16).

Можно было бы сразу объяснить смысл этой заповеди и указать, как ею жил и живет Христос. Но мне хотелось бы прежде рассказать о том, как её теперь воспринимают христиане.

Большинству кажется, что эти слова Господа – стимул к тому, чтобы повсюду говорить о вере, учить, наставлять. Почему-то миссионерство понимают как пропаганду и агитацию, способ убеждать и переубеждать других.

Между прочим, так в своё время внедрялась в сознание людей теория Маркса, Энгельса, Ленина о построении рая на земле. И многие восприняли

её как главное сокровище, всё озаряющее светом, и стали излучать, нести всем подряд «разумное, доброе, вечное».

В параллель к Евангелию появилось, например, такое утверждение: «Учение – свет, а неученье – тьма». Очень поддерживалось и активно употреблялось слово «просвещение» – исключительно в отношении интеллектуальной деятельности. Людям прививалось представление о том, что свет заключается в каких-то научных знаниях, философии, формулах коллективного счастья.

Исторический опыт – положительный и отрицательный – входит в нас незаметно. Навязчивые мысли, повторяющиеся повседневно, начинают казаться чем-то естественным.

Человек, который поверил Богу, раскаялся, возродился, вроде чувствует себя, как в детстве: прежним, сердечным, Божиим. Но нет, прививка действует и поэтому ему кажется: если он уверовал – значит, принял определенную идеологию. А раз уж мы православные, то всё делаем правильно и теперь должны правильно всем светить.

Но Православие – не идеология. Оно просвещает не сведениями и информацией, а подлинной жизнью сердца.

«Вы свет мира». Христос сказал апостолам всего три слова. Что же за ними стоит? Что такое свет? И кто такие апостолы, чтобы быть светом? Как им стали?

Итак, что же такое свет? Земная природа в чем-то подобна небесному, невидимому миру. Понимая тварное, можно догадываться о сокровенном, духовном. У нас есть глаза. И есть солнце. Солнце бросает свет на всё – и в его лучах мы видим то, что нас окружает. Видим только отраженный свет. А если смотреть на солнце, наши глаза сгорят. Источник света им напрямую недоступен. Хотя когда-то было иначе. И тут вы можете сами провести аналогию с нашими душами.

Наши глаза видят то, что освещено. И мы помогаем себе различать предметы: включаем лампочки, делаем телескопы, микроскопы и так далее.

Увеличиваем возможности – и открываем галактики, микромир. Общая природа материи – это свет. Всякое вещество распадается – и, в конце концов, превращается в него.

Мы не помним, как научились в детстве смотреть. А человек, не имевший зрения и вдруг прозревший, сначала не понимает, какие предметы ближе, какие – дальше. Лишь со временем привыкает различать краски, контуры, воспринимать окружающее объемно.

Люди видят не только глазами, но и мыслью. Обдумывают. Древним грекам первым открывалась мудрость – свет мысли. Как? Каждый из мудрецов что-то цельное помнил о своем едином, Божием прошлом – и это помогало объединять и сравнивать очень разные, непохожие вещи, разглядывая подобие в их глубине.

Нам теперь просто сосчитать людей или сосчитать спички, вычленив количество. И мы даже не замечаем, что используем здесь некую культуру, практику мысли. Но этот орган мысли можно испортить – и человек перестает понимать и различать частное, общее, последовательность событий, причины, следствия.

А ведь мы способны видеть и чувствами. В Евангелии объединены все виды восприятия. Например, слышать и видеть там означает одно и то же. Люди могут услышать глазами, умом. И не только слово, но и чувство, отношение, желания, надежды, боль, горечь. Это очень много – услышать другого человека. Услышать без искажений – означает смириться, принять целиком и всегда любить.

К сожалению, почти никто из людей не хочет воспринимать других всерьёз. Следовательно, тебя никто не видит и не желает этого. Ко мне, бывало, подходили люди, стыдившиеся какого-то своего недуга или дефекта. И я их горько успокаивал: «Не волнуйтесь, никто ни на кого по-настоящему не обращает внимания. Редчайший, поистине чудесный случай, когда мы интересны кому-то для сердца, а не для желудка. Нас могут заметить, чтобы получить что-нибудь или сорвать зло. А вообще – нет».

Вот и Христос говорит о людях, что они, «видя, не видят» (см. от Матфея. 13. 13). И мы ясно понимаем: Он имеет в виду, с одной стороны, не наши глаза, а наше сердце, и с другой – не Его учение, а жизнь и жизнь Его заблудших чад.

Свет в нашем мире гаснет, заканчивается. Он как бы предтеча иного Божественного, немеркнущего света. А о Предтече в Евангелии сказано: он светил не сам по себе, а указывал на истинный Свет – Христа (см от Иоанна. 1. 6-8). И Господь потом подтверждает это: «Я свет миру» (от Иоанна. 8. 12). Не человек, а Бог является источником света. Этот источник – вне нас.

Что же такое свет? Чтобы ответить на этот вопрос, нам необходимо подойти к той стороне жизни, которая в нас совсем отсутствует. Об этом сказано в Евангелии от Иоанна: «люди более возлюбили тьму» (3. 19). Христос пришел к нам, «сидящим в... тени смертной» (от Матфея. 4. 16).

Так в чём эта тьма? Чего совсем нет у людей, но всегда есть у Бога? Конечно же, взаимная жизнь – ради другого. Живые отношения.

Свет Пресвятой Троицы – забыть Себя до конца и никогда этому не изменять. Это свет отношений, свет сердца, свет любви, дружбы. Когда так живут чистые существа, им не приходится страдать, они блаженствуют. Это честная взаимность, которая всегда радуется, насыщает, учит, поддерживает рост отношений. И не устает от них, не разочаровывается, они не надоедают.

Христос по-разному называет эти отношения: Вечная жизнь, Царство Небесное, брачный пир. С разных сторон Господь показывает нам, что они из себя представляют, что такое свет. А люди не понимают, не слышат Христа. Ведь мы, как ни пытаемся что-то делать ради других, всё равно получается – ради себя. Хотя раньше тоже знали, что бывает иначе. Адам вообще находился рядом с отношениями Святой Троицы. И до Ноя о них ещё помнили, даже сохранили их осколки в религиях разных народов.

Бывали, конечно, и совсем мрачные, тёмные религии. Но и они напоминают нам о разобщении людей. Сравнивая религии, можно пусть не ясно, но кое-что увидеть. Скажем, если соединить атеизм, для которого важна жизнь тела, плоти – с убежденностью некоторых в том, что жизнь должна быть сугубо

духовна, – получится нечто целое. Станет видно: душе без тела не в чем жить, нет храма. А тело – прекрасный храм – может оказаться пустым.

Первым об отношениях Святой Троицы забыл Авраам: ему уже потребовалась вера, доверие Богу. А дальше совесть у людей всё больше слабела. Перестали помнить, что такое свет – и начали искать его заменители. Решили, что и тьма может освещать жизнь, делать её счастливой: деньги, власть, личный покой...

Но свет освещает все естество человека – и не только в данный момент, но целиком пронизывает всю жизнь. И если он горел, а потом его выключили, значит, то были ложь, обман. И нужно мужество, чтобы это признать.

Современный мир почти не способен сказать: «У меня ничего нет». Закончилось что-то – и вроде как оно сохраняется: уже десятая семья, но мужчина «дружит» со всеми «бывшими» женами. А если честно, дорогой, нет у тебя жен. Был прах, который тебе мешал, и ты его выкинул. Признайся!

Захотеть света, догадаться, что он существует, – сейчас чудо.

В Церкви есть чудное песнопение: «Если забуду тебя, Иерусалим, будет проклята десница моя» (Псалом 136. 5). Потому что тогда плохи дела: забывший про свет – уже не человек. Ждать и дожидаться света – вот высокая жизнь. Люди почти не ценят и даже презирают это как любую нищету, но перед Богом важна сама память о свете.

Много раз Евангелие рассказывает о том, как Христос исцелял слепых. Даже слепорожденных. Захотеть света, признать его, не встретившись с ним, – уже великое дело, проявление веры в невидимое.

Поколения людей, живших до Христа, тоже жаждали света. Пусть не все, а те, кто сохранил в себе остатки жизни или память о ней. Живой клеточке свет требуется, чтобы расти, делиться. Кстати, это очень точное слово: живая клетка делится. Вот и человек живёт, пока делится с кем-то. Хотя, на первый взгляд, значения тут немножко разные, но в целом это так.

Иоанн Предтеча не был светом, но свидетельствовал о нём (от Иоанна. 1. 7). Пророк честно сказал Христу: «Мне нужно креститься от Тебя». Но Господь просит Иоанна о Своем крещении и говорит ему: «так надлежит нам исполнить всякую правду» (см. от Матфея. 3. 13-15). Эта правда включает в себя всех людей. Через крещение Господа другие погибающие войдут в вечную жизнь. А вместе с ними – и Предтеча, который своей жертвой и праведностью открыл им Вечность.

Иоанну было тяжело возложить руку на голову Господа, он по-настоящему не имел права даже развязывать ремень на Его обуви. Предтеча это знал – и просто исполнял то, что положено.

Прекрасен личный подвиг, стояние людей, которые, как Иоанн, ещё не вошли в область света, но ждут его. Так и солдат на поле боя умирает, чтобы остальные жили. Этот труд не пропадает.

Мы больше привыкли к индивидуальному, чем к личному. Эти понятия часто путают. Индивидуальное – только наше особенное, а личное – тоже наше особенное, но вместе с другим, неповторимое в данных отношениях.

Светить, объяснять, проповедовать может только тот человек, который крепко-накрепко понял: он живёт во тьме и свою тьму защищает, бережёт. Не любит света. А его – простили. И через прощение к этой личности пришёл свет отношений между Отцом, Сыном и Святым Духом – милость Святой Троицы к нам.

Память о свете помогает понять, почему его нет с нами. Мои праотцы, деды, отцы, я сам отказывались от света. А Бог нас простил. Мы признаём это – и Его пришествие становится действенным. Кто признал – тот и принимает свет. Просит милости – и ему вручается единство с Богом и людьми. С грешником возможна только такая взаимность, снисходящая к душе, раненой собственным злом себялюбия.

Человек должен признать свет. А для этого честно понять: как я здесь родился и жил? Меня помиловал Христос, из небытия я был вызван Им, и во все дни моей земной жизни Он взамен со мной. А наша земная жизнь – это путь к смерти и смерть. Я умру – и Господь не оставит меня, по Своей

милости будет со мной в гробу и, надеюсь, позовёт меня на воскресение с Ним.

«И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (от Иоанна. 1. 5). На земле бывает только так. Тьма – это наше зло. Христос не боится зла, оно не может победить свет Его милости. И когда мы пугаемся своего зла, это означает, что мы опять остались в одиночестве – без Него. А в присутствии Господа зло нам не страшно, если мы о нем знаем и благодарим Христа за снисхождение к нам, падшим, и за прощение.

Есть принцип, с помощью которого можно определить подлинность света. Человек, принявший свет милости, понимает, что нужен не только окружающим людям, но и Богу, пребывающему на небе, Который захотел принести нам этот свет. Христос часто говорил людям, узнавшим, что ради них пришёл Сын Божий: «Иди... и расскажи, что сотворил с тобою Господь» (от Марка. 5. 19). Как можно рассказать о свете? Одним единственным способом: миловать других. Апостолы это делали – и от них исходил свет, исцеляющий грешников.

Посмотрите, как Пётр утверждался в пастырстве. Воскресший Спаситель спрашивает его: «Любишь ли Меня больше, нежели они (прочие ученики – прим.)?». Иными словами: «Больше них ты Меня предал? И веришь ли, что Я уже простил тебя?» Петр был уверен: да. И отвечал: «Ты знаешь, что я люблю Тебя», а по сути свидетельствовал: «Господи, Ты простил меня!»

Христос прощает его и призывает на служение, в котором Пётр будет делиться с другими милостью, полученной после своего отречения. Христос говорит ему: «Паси овец Моих» (см. от Иоанна. 21. 15-17). Апостол может это делать, ведь он уже понял: все овцы – заблудшие и нуждаются, чтобы их нашли и спасли.

Сейчас люди забыли, что к миру нужно относиться с милостью. Они умерли для жизни, взаимности, правды, честности, постоянства, живут только для себя. Остался один грубый эгоизм. Наказывать таких людей бесполезно: они уже наказаны своим внутренним отпадением от других – одиночеством и скоро сами начнут распадаться.

Чтобы наш мир жил, ему необходима милость, как у Христа – к нам. Это Он свет миру, потому что пришёл сюда прощать. С грешниками возможны только такие отношения: надо всегда быть готовым простить.

И у Господа для каждого из нас уже готово прощение. Не нужно его выпрашивать, вымаливать – вот что интересно. Мы-то всегда просим прощения за малое, а Он давно готов простить нам большое.

Между прочим, каждого прошу подумать, что хуже: просто жить для себя в откровенном зле – или, не совершая, как многим кажется, великих преступлений, отвергнуть Его прощение и Его взаимность? Согласитесь, последнее – хуже. В первом случае человек разрушает дружбу, а во втором – заявляет Тому, Кто простил ему предательство, взойдя на Крест: «А Ты и Твоё прощение мне не нужны!»

Христос объясняет: тот, кто не уверовал в Него, не увидел этого спасительного дара, уже погиб. Так и есть: кому не нужна милость, тому не нужен и свет. Он пропал. Но Господь пришёл нас выручать!

Христос рассказывает апостолам, как надо жить. А они тихонечко восклицали: «Кто может спастись?» И Он соглашается: «Человекам это невозможно» (см. от Марка. 10. 26-27). У нас нет настоящей жизни – верности, любви, открытости, потребности в других, радости о них, благодарения.

Но Его свет, взыскующий погибших, проливается на всего человека: на прошлое, настоящее, будущее, на все стороны нашего бытия. И вновь открывает возможность отношений, освещает, как Христос относится к другому, отдавая всё, прощая нас бесконечно – до Собственной смерти. Что бы мы ни делали. Вот какой свет идёт от Него!

Человеку важно пережить, прочувствовать, что он пропадал, а Христос его воззвал и поднял. Пропадал не потому, что жизнь тяжела – и человек оступился, а потому, что сам возлюбил зло – то есть себя больше других, не хотел этого признать и хитрил, чтобы оправдать своё падение.

Такими нас принял, пощадил Господь – и всё нам вручил Своей милостью. Когда Он нас прощает, то возвращает нам доверие и становится беззащитен перед людьми. Только так бывает в личных отношениях. И тот, кто вдруг принимает милость от Него, тоже входит во взаимность с Ним. И, как Он, уже не может не делиться милостью с другими.

Такого человека не нужно ставить на подсвечник, делать ему рекламу. В этом нет необходимости. Он и так свидетельствует о свете. И Христос говорил людям, которые славили Бога: «Иди и расскажи, что сделал тебе Господь!»

А тем, кто удивлялся только делу, например, чуду исцеления, или радовался новым возможностям, а не взаимностью с Христом, запрещал говорить об этом. Потому что слышавшие их рассказ тоже начинали ждать чуда или благ от Господа, а не Его Самого. И Христос не мог войти в личные отношения с ними и помочь им.

Исходящий от помилованного человека свет обязательно коснётся тех, кто его возжелает. Они почувствуют, увидят свет снисхождения к себе неожиданной щедрости. Поэтому Господь как бы говорит: «Не бойтесь! Не нужно на каждом перекрестке трубить о том, какие вы «глубоко верующие». В вас есть свет – и вы кого-то на своём пути помилуете, простите, защитите. С кем-то поделитесь хоть стаканом воды. На кого-то обратите внимание, потерпите немножко, чтобы продлить ему жизнь хоть на секунду. Не отвергнете злого, разбойника. Ваша вера будет явлена в личных, сокровенных отношениях, а не в прилюдных декларациях».

Все мы – ложь. Но нам при этом даны великая власть и богатство – делиться милостью Христа с другими. Спаситель заповедал нам, помилованным, просить за них: «Господи, прости его!» (см. от Луки. 23. 34). Как и Он просит у Отца даже за тех, кто считает зло великим добром, не ведая, что творит. И сразу же во тьме нашего существования начинает светить свет жизни.

Христос называет нас грубыми, жестокосердыми (см. от Марка. 10. 5). В силу этого мы слишком примитивно понимаем прощение – как обряд, поступок, а не как способ, образ жизни, отношений. Совсем иное прощение у Христа. Нас Он готов прощать без числа, прощает всегда. И не иначе.

У света – особые законы, которые раскрываются только при взаимности. Господь объясняет их так: «Я хотел собрать вас под Свои крылья, как птица собирает птенцов, а вы не захотели» (см. от Матфея. 23. 37). На землю Он пришёл с желанием нас спасти, когда у нас такого желания ещё не было – и Он ждал, искал его у заблудших людей.

Отсюда вывод: будь готов светить-миловать всегда, но никому не навязывайся и не жди благодарности.

Свет Христа по-настоящему, до конца открылся людям после того, как Господь умер на Кресте. Только тут у них отверзлись глаза и они, наконец, поняли, до какой жизни (а точнее – нежити) дошли и для чего Он сошёл к нам.

Свет светит, пока мы ищем его, помним о нём, живём им, благодарим за него. Правила, законы отменятся, упразднятся, когда человек научится любить – и всё станет светом. Правила нужны тем, кто любить не умеет, но всё-таки не хочет утверждать тьму. У них пока жизнь раба, который трудится из-за страха, ради похлебки. Она не похожа на свободную вечную жизнь.

Только на Тайной вечере Христос сказал Своим ученикам, что они уже не рабы, а друзья Его (см. от Иоанна. 15. 14-15). И апостолы могли Ему сказать: «Да, мы любим Тебя. Помоги нашей нелюбви!» Подобно тому, как один человек просил Христа: «Помоги моему неверию!» (см. от Марка. 9. 24). Любви у них была всего капля, зерно, но оно не пропало и вошло в Вечность.

Господь называет учеников друзьями, ведь они ещё узнают, поймут, что Он делает для них. И надеется, что апостолы будут нести миру Его свет. Уже сами.

После прихода Христа в людях произошла великая перемена: теперь они могут умирать за другого человека – грешника. Без злобы, без отвращения, а с мольбой о том, чтобы он жил.

Нам иногда кажется, что мы должны отстаивать веру, Православие, законы, страну, Отечество, святыни. А Христос всегда отстаивал человека. Ради него

Он был готов пренебречь святыней, традицией, чем угодно – лишь бы оставались люди.

Святыни, традиции нужны, когда у нас нет Другого – и мы ждём Его появления. Появляется Другой – и всё остальное становится не так важно. Христос говорит: «Будете поклоняться Богу не в храме» (см. от Иоанна. 4. 21). Каждый из нас может сказать: «Храма во мне ещё нет – и неизвестно, когда будет, поклоняться Богу в сердце не могу». Но у меня может быть эпизод (и его нельзя забывать), когда я был способен на искру добра к другим и забыл о себе в этот момент. Господи, спасибо за неё. Поблагодаришь – и она вырастет. Надо знать, что всё это пока несовершенно, предательски, изменчиво, но может быть причастно свету – покаянием, признанием этого несовершенства.

Недаром чуть позже Христос скажет слова, относящиеся к свету и к соли (подлинности веры): «если праведность ваша не превзойдёт праведности книжников и фарисеев, то вы не войдёте в Царство Небесное» (от Матфея. 5. 21). Книжники и фарисеи выполняли законы – то, что положено, а настоящих, истинных отношений с ближними и Богом у них не было. Люди их ещё не узнали, не заметили. Надо было оплевать и распять Христа, чтобы понять эти отношения.

«Вы свет мира» – это великое утверждение. Оно говорит о победе Христа над грешниками, мертвецами: Господь воскресил их, простил, навсегда помиловал. Его личные отношения с нами именно такие, и Он теперь будет повторять: «Я с вами во все дни до скончания века» (Мф. 28. 20).

Каждое евангельское слово включает в себя всё Евангелие, по-своему высвечивает его. Мы не можем обходиться без нового слышания этих слов, наше сердце само по себе не сохраняет их. Из-за нашей падшести, узости, растрёпанности, разбитости эти слова не становятся делами.

Как точно сказано в Евангелии: «чтобы они (люди – прим.) видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного». Прославляли не нас, а дела, совершаемые от избытка сердца. Понимали: «Господи, Ты коснулся меня с помощью другого человека. Слава Тебе!»

Сейчас все эти понятия о Боге, возлежащем с грешниками (см. Мф. 9. 10), смешались, сбились, и люди начали искать добрых христиан и особенных священников. Но действует-то Христос! Только Его дело никогда не слабеет, и только оно способно помочь погибающему. Конечно, беда, когда священник оказывается злым, но это не окончательная беда для того, кто к нему приходит – вот что удивительно! Таинства, совершённые им, будут действительны силой Христовой.

А с другой стороны, каким бы прекрасным ни был священник, он никому не может дать от себя того, что даёт Бог. От Господа принимаем всё подлинно доброе, не исчезающее. Так было и с апостолами: Христос вручил им Свою власть, Свой свет служить нуждающимся, миловать погибающих.

Есть ли заслуги у человека, если он «эксплуатирует» Христа? Его смертью, воскресением помогает другим людям не остаться одинокими? Безусловно, есть, ведь он, отвергнувшись себя, дает возможность присутствовать в нас Богу, помогает нам нести крест вместе с Ним.

Вот наше дело: то, что исполнено Спасителем, не должно быть предано забвению. Если мы живём, то только этим – и ничем иным, как и первые христиане. Ничего нового, никакой иной жизни – просто нет и не будет. Есть завет Христа для каждого: «Живи!»

Как Спаситель советует людям делиться Его светом? Он произносит: «Расскажи, что сотворил тебе Бог» (Лк. 8. 39). И любому христианину перед каждой проповедью, каждым нравоучением важно вспомнить именно это: что ему сделал Господь. И начать проповедь с того, что он не мог жить, пропал – жадный, хитрый, злодей. И его, предателя, простили! Чего он желает другим. И люди почувствуют свет.

Мы никогда никого не сумеем простить так, как простил Христос. Да, прощать надо, но в Его свете видно, как это делает Он — и как я. У меня получается пародия на прощение. Мы за прошлое никак простить не можем. А что говорить о настоящем или будущем? К ним у нас одни требования, претензии, а не прощение.

Возможно, порой наша вера для нас самих не совсем заметна, но она Христова, а значит, смиренна, не хвастается, не демонстрирует себя. Приходит Господь и тихо полагает на Кресте душу за нас, смягчая наши страдания, созревшие на наших же собственных грехах.

Но и этот Его дар нам — не окончательный. Свет от Бога говорит и о том, что есть Тот, Кто страдал больше, чем Христос, чтобы спасти нас. Это Бог Отец. В отличие от нас, эгоистов, Он полностью живёт Сыном — и, посылая Его в мир, расстался со всем, что у Него было, потерял всё, когда Христос был на Кресте, и отношения Их пресеклись.

Подумаем же, как возлюбил нас Бог Отец, Который ради распинателей согласился на смерть Сына. Кто это заметит, поймёт? До конца здесь — никто. Но чуть-чуть, отчасти может понять тот, кто переживал взаимность с друзьями, родителями, детьми.

У верующего человека есть личный опыт отношений с Богом. Вера начинается тогда, когда Бог меня пожалел, простил. Удивительно, чудесно, если и люди, восприняв этот дар, начинают по-настоящему жалеть других. Наша милость может быть разной: простить обиды, прегрешения, поделиться сокровенным, радостью или чем-то ещё, что-то сделать для человека вопреки его падению, недостойнству.

Эти моменты, когда мы приняли милость по-человечески и поделились ею, греют нас всю жизнь, являются в том числе светом для всего остального — трагического или безнадёжного. Ведь остальное у нас — тьма. Но этого маленького тихого света тьма никогда не отнимет. Люди часто боятся его потерять. Но это страх дрянной, гадкий, не доверяющий Богу. Невозможно радоваться, когда ты боишься, что у тебя что-то отберут. Не надо бояться! Крестная Божия милость всесильна и вневременна.

Рекомендую проверить мои слова: незаметно сделайте от сердца кому-то грешному хоть самое маленькое благо — и вы почувствуете, что оно станет светом. А если сделаете открыто, то всю жизнь будете ждать, когда вас вознаградят. Так проявляется наша гордость: открылись сами — и ждём открытой ответной реакции. Специально поступите так, чтобы реакция

оказалась невозможна. Кстати, убедитесь ещё в одном: люди чувствительны и со временем замечают, что получили милость.

Человек питается, оживляется этим светом. Достоевский считал: если в нашем детстве был свет, то это великое благо, которое уже знаешь и можешь потом искать. А если не было, людям намного труднее жить, пока не откроют его.

Земной свет — ненадолго. А Христов — навсегда. Это утешает душу. Ты понимаешь, что этот свет тебя всё время искал и никогда не устанет искать. И вопрос, встретился ли ты с Христовым светом, звучит очень сильно. Ибо встреча — на Вечность, а неведение света — потеря всего.

У Бога всё красиво. Всё! Его свет имеет в себе подлинную красоту реальной, немерцающей жизни. А ещё обладает премудростью: мудростью, соединённой с любовью, с Вечностью. К премудрости относится и покров Божий над нами, Его домостроительство, Его смотрение — забота о человеке.

Премудрость может всё украшать единством, высвечивать неповторимость. Это свет многоцветия отношений. Когда мы, плотские, думаем о мудрости, она нам кажется сложной, состоящей из множества частей в причудливом взаимодействии. А Божия премудрость — ясная, простая и при этом удивительно богатая, цельная.

В чем она, например, для этой юной души? Премудрость ведаёт, что душа будет обязательно расти или умаляться, станет иной. И в общении должно учитываться то, что в ней есть сейчас, что было, ведь она живёт и этим, и тем, и ожиданием будущего, ожиданием, которое тоже меняет её.

Кроме того, душа включает в себя других людей и отношения с ними, ещё встретит и примет многих нечаянных незнакомцев — и это тоже обновит её, сделает иной.

В свете Спасителя, дерзая, мужая, человек может увидеть свои болезни, несовершенство, ограниченность. Слава Богу за такую милость, ведь с Ним это будет не безысходно, как приговор! Прозревая, мы можем преодолеть

слабости словами: «Прости, помилуй, исцели, Господи!» И будем приняты на пир красоты, премудрости, гармонии.

От Вифлеемской звезды к нам доныне приходит свет Рождества Господня, который не обнимет, не может скрыть тьма. Поэтому благодатно, полезно принести под лучи звезды свою тьму — тьму эгоизма, лицемерия, невежества.

Свет может явиться среди людей, если кто-то по своему желанию умиляется, страдая за другого — не телом, а любовью, прощая, терпя, надеясь. И вслед за такой маленькой вольной смертью он непременно воскресает душой, прирастая верой, надеждой, новым собранием со Христом.

Только не следует думать, что мы способны за кого-то умереть совершенной любовью на Голгофе. Никого мы не любим так, как себя, и сами нуждаемся в воскрешении. Но можем желать добра кому-либо и просить за них Бога.

Если бы мы любили, никто бы из нас не умер. Но в нас пока не жизнь, а намёк на неё: предтеча жизни будущего века.

Над нашей землёй — тень смерти. Если будем к этому сокрушённо относиться, то положим предел мечтам, фантазиям о том, что будет какое-то счастье для всех или избранных и мы кого-то полюбим, с радостью полагая за него душу.

Иногда люди говорят, что страдают за Христа, идут и зовут других на Голгофу. На какую? Она одна — Господня. Мы же — её виновники. Человек может добровольно пойти на смерть, но кто способен в этот момент горячо желать, чтобы его враг, насильник вошёл в жизнь вечную, сострадать ему? Люди пытаются стоять за правду, веру, Отечество, но не за эту душу грешника. За неё стоит только Христос. Он умер от нас, злодеев, — и за нас, злодеев, желая, чтобы свет Его жертвенного отношения к нам был замечен нами, сделал нас детьми Его милующего света.

«Не думайте, что Я пришёл нарушить закон или пророков: не нарушить пришёл Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдёт небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдёт из закона, пока не

исполнится всё. Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречётся в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречётся в Царстве Небесном. Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдёт праведности книжников и фарисеев, то вы не войдёте в Царство Небесное» (Мф. 5. 17-20).

Обычно Христос говорит о заповедях, которые предлагает людям. А тут неожиданно рассказывает о Себе: «Не думайте, что Я пришёл нарушить закон...» Можно подумать, что Его заповеди отменяют прежние — ветхозаветные. Во всяком слове Христа есть и такой узкий исторический смысл. Но есть и надмирный, охватывающий всех и вся.

Может ли быть узким то, что говорит Спаситель? Давайте попробуем ответить на этот вопрос. Бессильный не способен быть нежным. А Всесильный — способен, когда из Своего Всесилия предлагает человеку всего лишь каплю, но такую, которую тот сумеет понести — по силам разума, души. И тот, кто хоть узко осознал Его слова, Его просьбы, не потеряет награды своей (Мф. 10. 42).

Об этом здесь и говорится. Великое слово Христа может стать удобным для человека — как предложение исполнить самое малое, ничтожное, как две лепты бессильного. Всем людям Господь Своим сошествием, снисхождением к нам приносит возможность жить.

Правда, наши силы мы понимаем довольно примитивно, например, как силу воли или мысли, чувств. А здесь — сила веры, приверженность другому, решимость единства с ним вопреки всем обстоятельствам. Мы всё время чего-то требуем, ждём от людей, а их совесть может быть бессильной, слепой, неспособной на взаимность. И что им делать? При такой требовательности все недовольны: властями, детьми, соседями. «Умирают», жить не могут! Это — правда про нас.

И Христос приходит делиться, раздавать, приносит жизнь тем, кто жить не может, а не для того, чтобы требовать от нас жизни или отчёта о делах. Он возрождает преданное, ушедшее и подаёт новое. Об этом свидетельствуют Его слова: «Я пришёл не нарушить закон, но исполнить». Спаситель приносит и дарит куда больше, чем люди могут представить.

Он ничего не требует — и при этом Его ожидания, надежды на человека намного выше, чем у ветхого закона, который предлагает: выполни — и получишь. А Христос повторяет (и в этой заповеди тоже): если ты малейшее нарушишь, то уже никуда не годен. Дружба разрушается самым мелким предательством, ведь если ты способен продать ближнего за мелочь (свой покой, временную выгоду), то дружба была мелкой. И до великой измены не могло прийти. Это единство противоположностей во Христе, Его законе бытия хранится и исполняется всегда.

Какова жизнь, её закон? Она не прописана, она в Том, Кто живёт, дышит, милует. Закон жизни мы видим только во Христе, и Он подаёт её желающим. Господь открывает: Я так живу, заповеди Небесного Царствия присущи Мне вчера, сегодня и завтра. Хочет ли кто-то увидеть, почувствовать это?

Господь пришёл исполнить именно этот закон единства со всеми. Он говорит нам: любите врагов ваших, то есть чайте восстановления, воскресения отношений с теми, кто их утратил, отвергся и сейчас противится.

Спаситель живёт так — и всё выполняет, всё готов принести нам и за нас на Кресте. А что требуется от человека? Возжелать, честно признать: мы этой жизнью не обладаем и являемся гонителями Его дара. Любим грех больше Бога — и при этом, как ни странно, можем захотеть и покаянно сказать: «А хорошо, чтобы жизнь была! Верни её, Господи, помилуй нас, изгнанников!»

У Христа всё очень просто: мы каемся и доверяем Ему себя, признаём немощи и ожидаем милости. Но человек горд — и обычно хочет всего добиться сам, ему не нужны подарки. В какой-то момент стремится что-то урвать, ухватить, а дальше — опять предпочитает самостоятельность.

Евангелие — это рассказ о законе Божией жизни, снисшедшей к нам, её предателям. Воплощённый закон Духа. Но Святой Дух и прямо взывает к душе человека. Он свободен и дышит, где хочет. Только живое обладает свободой. Думаю, это ускользает от сознания людей, потому что несвобода — один из признаков мертвеца.

Люди привыкли к несвободе — и стремятся подчинить себе свободу, сделать всех зависимыми от себя. Это агрессивная жизнь, которая несёт в себе

соблазн. Например, родители в семьях хотят быть авторитетом — носителями всего премудрого и достойного. Они больше знают и понимают, какую бы жизнь ни вели.

Но авторитет может быть в единственном — найти Бога, Который их простил. И для меня один из родителей в вере — апостол Павел, признававший себя гонителем, убийцей, жутким человеком. И это меня утешает, потому что я сам такой. Апостол Павел не стеснялся признавать, что Бог к нему пришёл как к извергу. Да он таким и был: Христа извергал, гнал. Если человек гонит Бога, оказывается, это не значит, что ему конец: таково обычное состояние падшего человека.

Мы говорим: Бог во всём, присутствует везде. Всё направляет, исправляет, целит: мир — целый. Эта цельность жизни сосредоточена в Нём.

Христос скромно говорит о Себе, что Он пришёл выполнить закон. Господь всегда его выполняет — и пришёл на землю быть с нами и тем самым, если надо, всё выполнить за нас, потому что не видит Себя без людей. Вот в чём наша надежда.

Христос утверждает, что пришёл исполнить закон и всегда исполняет его. Какой именно? Слышать другого, забывая о Себе. Быть щедрым, милующим, терпеливо ожидающим, надеющимся на возвращение нас — блудных детей. Хранить, беречь человека как сокровище. Это закон преданности и верности, который возводит Его слова в силу истины.

Это часто ускользает от сознания людей. Нам кажется, что Бог только иногда появляется в нашей жизни. А Он постоянно ищет встречи с человеком. И нам открывается Вечность, если Господь находит мгновение, когда может коснуться нашей души — и она ответит Ему.

Люди не привыкли считать это чем-то важным. А Христос утверждает: кто исполнит малейшее из Его заповедей, тот наречётся великим в Царстве Небесном. Оказывается, и нам достаточно всего лишь прикосновения к Его заповедям — к Его жизни. Неполного, нецелого. Но эту неполноту необходимо почувствовать, признать — и Его милостью нам дарится целое.

Одно это признание — уже великое дело, а исполнение даже малейшего — настоящее чудо. Мы ведь в нашем эгоизме — противники, гонители этих заповедей.

Главная заповедь жизни Христа — единство: везде, со всеми и с каждым, с забвением Себя, выполнением воли другого. Мы-то думаем, что Господь пришёл исполнить только волю Отца, а Он исполняет и нашу благую волю и в этом тоже отвергается Себя — ради человека. Вплоть до смерти.

Так проявляется желание Бога поделиться с людьми Своим богатством совершенной жизни в исполнении всех заповедей. Христос предлагает нам полноту жизни — через воскресение, преодоление одиночества, смерти.

Не думаю, что человек, у которого болят ноги, откажется ходить. Хоть больно, но будет стараться идти. Так и здесь: у падших людей появляется возможность подышать настоящей жизнью — узнать дружбу, быть вдвоём с Богом или с другим человеком, терпя, трудясь. И люди не будут ждать, когда им вручат всё, а постараются жить по возможностям: силам, талантам, тем лептам, которые в них остались и пока не растрочены — вопреки нашим страстям.

Нам нужна честность для того, чтобы увидеть, сколько мы имеем. Простой пример нашей слепоты — хвастаться перед людьми богатством своих возможностей и думать о себе перед Богом, что на многое способны. Господь хочет нас остановить в ложном самомнении, уберечь от убийственного разочарования, от пустой траты сил и времени в этих страстных порывах энтузиазма. Предлагает принести Ему всё, что есть, прежде всего — в нашей душе. Как бы говорит: «Если у тебя есть две лепты, принеси их Мне». Что это может быть? Уважение к вере, Церкви. Или добрая память о каком-то человеке, жившем верой, или размышление о том, существует ли вечная жизнь.

Всё самое малое, «ничтожное» человек может принести Богу — и Господь это принимает с большей радостью, чем подневольный процент от какого-то громадного материального богатства и трудовых подвигов: поклонов, чтений и так далее. В денежном выражении этот процент может быть в тысячу раз крупнее, чем две лепты. Но Бог приемлет от нас прежде всего то, что мы

можем дать втайне, своим сердцем. Подлинными и бесценными станут слова и дела, которые — от избытка сердца.

Лукавая совесть говорит человеку утром: «Ты можешь очень много! Давай, старайся, кланяйся, молись, люби других людей!» А вечером она же говорит противоположное: «Ты никто, ни на что не способен, у тебя нет ничего!» То и другое — ложь, но в основном этой ложью, склоняющей к крайностям, живут люди.

А следует найти царский путь, увидеть, определить реально, что во мне плохого и хорошего, и за одно просить прощение, а за другое благодарить. И там, где не хватает добра, блага, просить, чтобы было нам подано. И когда оно появится, человек будет способен принять это как дар свыше — с благодарностью.

Таков путь здравого рассудка и в учёбе. Люди, считающие, что знают всё, ничему не научатся. А тот, кто видит не освоенное, ощущает пробелы, но уже умеет радоваться тому, что успел познать, будет учиться — и станет великим.

Господь предлагает нам выполнить заповеди полностью, но предупреждает: «Не бойся, Я с тобой! И уже сделал всё. Постарайся и ты войти в Мой труд и сделать, что сможешь».

Евангелие открывает нам: произошло чудо. Воскресший Христос оставил на земле Церковь — людей, которые приняли милость от Него и могут, благодаря этому, жалеть плохих и злых. Правда, позже такое понимание растворилось, приглушилось. Дух верующих стал иным. Почему-то любой православный делит людей на хороших и плохих. А рядом с Христом были и находятся грешники!

Мы слышим великое пророчество Спасителя: «ни одна черта не прейдёт из закона, пока не исполнится всё». Не прейдёт — значит, не исчезнет, не пропадёт. В Вечности всё есть. Но мы живём во времени — и в нём существуют как бы срезы, части Вечности. Время будет собрано от начала до конца — и потому оно упразднится.

Земля ещё постоит до полного преображения. Один из признаков этого — то, что многое из обещанного Христом не исполнилось и должно быть пережито нами до кончины мира.

Конечно, есть и другие признаки того, что жизнь здесь не исчерпана. Главный из них такой: пока остаётся на земле хоть одна душа, ищущая Жизни, покаяния, Бог может ради неё сохранить не только город, но и все народы. Это известно даже из Ветхого Завета — жёсткого и строгого, ведь он был под законом, а не под благодатью, как мы теперь у Христа.

Не количество зла определяет продолжительность жизни на земле, а желание самой жизни, возврата к ней — у нас, грешников. Бог, безусловно, подарит жизнь нуждающимся. Но человек, ждущий конца света, погружённый в собирание его признаков, тем самым свидетельствует: она ему не нужна. Не нужны люди, птицы, звери. И вера тоже. Зачем ему жизнь, если скоро всё исчезнет, обесмыслится?

«Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречётся в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречётся в Царстве Небесном». Эти слова не так просты, как кажется.

Помните, о ком говорил Христос, что он малейшим наречётся в Царстве Небесном? Про Иоанна Предтечу. Хорошо ли назваться малейшим в Небесном Царстве? Конечно! Человек может нарушить заповеди, но, если признает это, всё равно войдёт в него.

Почему-то теперь грубо понимают притчу о мытаре и фарисее (Лк. 18. 1-14). Мытаря представляют «положительным» героем, а фарисея — «отрицательным». Но в Евангелии этого нет. Мытарь ушёл из храма более оправданным. Но и малое оправдание — тоже очень много. Нашёлся бы сейчас на земле человек, который почувствовал бы, что он даже чуть-чуть оправдан Богом Вседержителем, — и многим стало бы намного теплее. И, может быть, наша вера была бы другой — живой.

Спаситель пришёл в наш мир, спустился в ад наших душ — и всюду принёс с Собой Царство Небесное.

Прежде чем нарушить «одну из заповедей сих малейших», её надо услышать. А слышать другого — значит быть в единстве с ним. Настоящее чудо: «Я слышу твой голос». Но мы обычно воспринимаем это как обязанность, обузу.

По этому поводу у Христа есть прямые слова: «овцы Мои слушаются Моего голоса» (Лк. 10. 27). Они не выполнили Его заповедь — только слышат её. Но здесь раскрыто то, что почти никогда не обсуждается — и тем самым крадётся надежда у людей. Оказывается, великое дело — если душа способна услышать Христа, обрадоваться слову Господа, хотя пока совершенно не способна выполнить Его слово, принять, сохранить. Это уже достойно нашей благодарности. А у того, кто не благодарит за встречу, за прозрение в иной мир, отнимается и то, что он надеется иметь (см. Лк. 8. 18).

Повторю ещё раз: только увидев свет, мы можем понять, что натворили, сколько тьмы принесли в отношения с людьми. Человек, когда-то предавший свет, воспринимает грех мелко — как пустяк. Но, встав перед Христом, мы обнаруживаем, понимаем глубиной, что творим. Правда, почти никто перед Ним не встаёт лицом к лицу — не хочет. И это одна из причин, почему люди ищут закона, а не духа, как Его дети и друзья. Перед законом легче оправдаться: «Ну, виноват чуть-чуть, вот тут кое-что нарушил...»

А способен ли ты, человек, быть чадом Божиим? Исполнять то, что Господь тебе завещал, вручил? Если чувствуешь, что способен, с тебя один спрос. А если считаешь, что это удел святых, избранников, а ты никто, — спрос другой. Тут уже лукавая совесть заявляет: «Ты меня не доделал, Господи! Я не совершенен — и ничего не могу, горбат — и только могила меня исправит».

А ведь это форма отречения от Бога. И она широко принята людьми, входит в наш повседневный символ веры, основываясь на котором мы оцениваем происходящее и строим планы.

Христос вручил людям молитву «Отче наш...» — обращение к Небесному Отцу. Кто такой отец? Тот, кто близок, доступен, чьим наследником является человек — не по карману, а по уму, совести, чувствам, возможностям.

Но мы, похоже, считаем себя детьми обезьян, или каких-то рабов, или негодяев. Чей ты сын, наследник? Ответь.

Живой закон — Сам Христос. Отвергая малейшее в Нём, мы становимся нарушителями этого живого закона. Господь говорит каждому человеку: «Ты богоподобен!» А что слышит в ответ? «Нет, Ты ошибся! Я хуже, чем Ты думаешь!» Спаситель вновь напоминает: «Ты из Моего дома, Я за тобой пришёл на землю!» И опять слышит: «Небо не подойдёт мне — и не выдержит меня! Мне нужны еда, одежда и твёрдая почва для опоры».

Этот спор продолжается из века в век, давно стал не спором, а отречением.

Итак, «кто сотворит и научит, тот великим наречётся в Царстве Небесном». Мы опять возвращаемся к вопросу: что такое заповедь Христа? Это возможность совместной жизни, единства с Ним. Спаситель сошёл с Небес и объясняет, как понимать единство: «Отец во Мне и Я в Нём. Я исполняю Его волю» (см. Ин. 10. 38). А в Гефсиманском саду Христос говорит: «...думаете, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов?» (Мф. 26. 53). Отец исполняет волю Сына, живёт Его волей — это и называется взаимностью.

Малейшее исполнение заповедей Спасителя соединяет, роднит нас с Ним. Это не выполнение формальностей, не достижение высот, а просто совместная жизнь.

Первая заповедь Христа: «Покайтесь!» Исполнение её уже вводит нас в единство с Богом, как было с благоразумным разбойником, распятым на кресте рядом с Господом. Разбойник ничего хорошего не сделал, но эту малейшую заповедь исполнил — покался. И тем самым признался Христу: «В Тебе — настоящая Жизнь, и Ты страдаешь от меня и за меня!».

Разбойник помнил, что сам плевал в Него и смеялся над Ним, делал Ему больно. Но при этом понял: Христос его не отвергает, и потому попросил Господа принять его в Царствие Небесное. Спаситель разбойнику Царство Небесное вручает:

—Ныне же будешь со Мной в Раю (Лк. 23. 43).

Тот, кто покался не прямо перед смертью, а раньше, получает от Бога дар миловать других: что-то терпеть от них, прощать — начиная с малейшего.

Прощая большое, но не прощая маленького, мы не даём осуществиться милости (малое зло быстрее разрушает большую дружбу — то есть подлинные отношения).

Оказывается, исполнение заповедей — настоящее чудо, неведомая жизнь. Но опять же почти никто не воспринимает это как неотмирное чудо, а, скорее, считает разменной монетой: Ты — мне, я — Тебе.

Зато человек, увидевший чудо, никогда не скажет: «Ну, я должен идти каяться...» Душа, которая не совсем умерла, будет искать, просить покаяния и удивляться тому, насколько она в нём нуждается, потому что закрыта от других, холодна, обременена смертностью — отчуждённостью. И в любом деле она не станет считать, что может всех людей одаривать счастьем. Но если это удастся, обязательно поблагодарит:

— Господи, Ты был со мной! Дай мне запомнить это!

Если я буду знать о себе, что не способен относиться к людям, как Христос, то и от них никогда не буду ждать ничего благородного и высокого. А все — ждут. И это приговор, свидетельство о том, как мы живём и веруем: не способны на настоящее Христово снисхождение к грешникам — и не признаём этого.

В заповеди о том, кто «великим наречётся в Царстве Небесном», раскрывается один закон Бога, обидный для завистливых людей: человеку достаточно сделать малый шаг навстречу своему Спасителю — и Он даёт ему всё. Но возьмём мы ровно столько, сколько сможем. К сожалению, не хотим брать много, нет такого желания. А если желание есть, получим всё.

Но расстраиваться не нужно. В притче о блудном сыне (Лк. 15. 11-32) как раз говорится о старшем брате, который трудился изо дня в день — и ему обидно, что Бог щедр и даёт полноту жизни блудному, который исполнил малейшую заповедь: признался, что предал отца, родство, не достоин называться сыном.

Давайте ещё раз обратим внимание: разбойник просил Спасителя: «Помяни меня (имя моё — прим.), когда приидешь в Царствие Твое!» (Лк. 23. 42).

Фактически — нареки, назови. Бог у нас — Слово, и когда Он слово произносит, то творит им. Происходит новое сотворение человека в Царстве Небесном — в единстве с Господом.

Царство Небесное — не сад, где растут деревья необыкновенной красоты и висят помидоры немыслимого вкуса. Царство Небесное — Сам Бог. И мы, как Он говорит, входим в общение, вечное родство с Ним. Потому что наши имена уже «написаны на Небесах» (Лк. 10. 20).

Дальше Христос добавляет: «если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдёте в Царство Небесное». О какой праведности идет речь?

Есть праведность, которую подаёт нам Христос — и мы принимаем её в покаянии, в ожидании милости, прощения, с благодарностью. Это дар Бога. Но иногда человек «добивается» праведности сам, своими силами, выполняя правила, законы. Он их выучил, знает.

Чтобы было понятнее, приведу пример наших человеческих отношений. Вот встретились двое, оба хорошо воспитаны, вежливы. Есть ли гарантия, что они станут друзьями? Такой гарантии нет. Им нужно найти слова, которые они скажут друг другу, подняться над праведностью общепринятой, выученной — и соединить её с совестью. Научиться слышать другого, дорожить им, забывая о себе.

Христос предлагает нам праведность живую, личную, которая включает в себя по меньшей мере двоих: меня — и Бога или другого человека.

Потом Христос скажет: если ты принимаешь награду от праведника или пророка, не потеряешь её (см. Мф. 10. 42). Эта награда тоже Божия, потому что идёт от человека, который хочет взаимности. Так Бог действует в нас — и не иначе. Свет отношений приходит от Него. Мы живём Его светом.

Нужна ли людям праведность книжников и фарисеев? Да, она необходима человеку, привыкшему жить в беззаконии: грабить, убивать, лгать. Чтобы не добить других, ему требуется закон, который останавливает его во зле. Более

того, праведность фарисеев и книжников велика: на земле она сохраняет жизнь — и возможность ожить, воскреснуть. Когда-нибудь.

Но не нужно путать это с заслугой и наградой. Опять-таки повторим, что жизнь — не выполнение каких-то правил и условий, а знание другого, откровение себя и взаимность в этом знании, доверие, совместность.

Все наши молитвы содержат имена тех, к кому мы обращаемся. Мы называем эти молитвы правилом — утренним, вечерним. Эти правила потом вместе с пробуждением души перестанут быть для нас буквой, параграфом, а станут живыми. Люди, которые встречали Царство Небесное, говорили: верим не потому, что ты (Самарянка) об этом сказала, а сами знаем (см. Ин. 4. 39). Это очень важно. Читал, выучил — означает: ещё не знаю. Человек ищет Бога — и хочет сам Его услышать. К тому, кто не услышал сам, обращены слова Христа: «Я никогда не знал вас!» (Мф. 7.23). Значит, не было у людей ни желания взаимности, ни сокрушённого признания своего эгоизма.

Покаяние встаёт над немощью человека. Тот, кто признал, что не было взаимности, — в этот момент получает её. И становится милостив к миллионам таких же покойников, как сам, способен помочь им.

Праведность труженика требует уважения. Может ли она привести человека в Царство Небесное? Может, если он признаёт: «Господи, этого недостаточно! Но я могу молиться только устами — прими эту молитву. Могу кланяться только спиной, моё сердце не склоняется перед Тобой. Прости, Господи!»

Это ведение делает человека иным — не книжником и фарисеем, а живым, потому что он просит прощения, не останавливаясь в рамках несовершенного добра человеческих возможностей. И его прощают, восполняют немощи.

К сожалению, людям невыносимо трудно признать: даже у терпеливого труженика добро — несовершенно. Человек привык утверждать себя своим добром, своей праведностью. Это величайший соблазн для людей — думать, что богаты верой, честностью, сокрушением и так далее. Они могут

выполнять положенное, исцелять, творить чудеса — и при этом услышать: «Я никогда не знал вас!»

Люди в основном ограничиваются выполнением «положенного». Допустим, священник приходит в храм, выполняет «положенное» — и верующие причащаются Тела и Крови Христа. Это же прекрасно! Но нехорошо, если священник думает, что произошло это от его доброты. Чудо совершает Христос — и священнику важно узнать Его, встретиться с Ним. Господь для него, для каждого пришёл, совершил Таинство — и восполнил то, что не мог сделать священник.

Тем более выручает Христос тех, на кого меньше возложено: с них меньше спросится. Они клятв не произносили, обетов не давали, живут, как получается. Но священнику, который должен больше выполнить, больше и прощается.

Заповедь Христа зовёт нас не к «положенному», а к совершенству, полноте во всём. То есть к подлинному, настоящему. Все, что меньше этого, — ложь, подделка, фальшь. Неправда — это же не полная правда.

Часто люди рассматривают свою жизнь и, к сожалению, видят только «мелкие недочёты»: «Господи, Ты мне помогал, а я всё равно не доделал, не выполнил в малом». Такому трудяге, который старается и, как ему кажется, имеет больше других, нелегко признать себя нищим. Но это именно так.

Между прочим, если кто-то богаче прочих и всё-таки ворует у Бога, то он подлее. Как ворует? Тем, что считает не важным хоть малое невнимание к остальным, расслабленность, равнодушие, переменчивость, неполную цельность. Умом понимает — душа молчит, душа говорит — ум вялый, душа и ум вместе кричат — а тело немошно. Вот уже и ложь, отсутствие цельности.

Важно понять, что мы не честны, и стараться не обманывать других. Люди могут поверить в нашу искренность, когда в нас вспыхнет какое-то чувство, но всё остальное — пустота, ложь. И получается, что минутной искренностью человек входит в жизнь другого — и потом, когда искренность теряется, окрадывает его душу. Это очень опасно, а у нас бывает на каждом шагу.

Именно так я понимаю слова, с которыми священник обращается к Христу на каждой Литургии — от всех и каждого: «целования Тебе не дам, как Иуда». Не способны мы, грешные, на верность во взаимности, не можем относиться к Спасителю, как Он — к нам. А всё, что меньше такого отношения, — Иудино целование. Прости нас, Господи!

Ну, а если мы не можем так относиться к Богу, то можем ли — к другому человеку? Нет, конечно! Хотя грешник всё-таки в состоянии сделать другого грешника счастливым, если скажет: «Прости его, Господи, как меня! Прости!»

Есть единственное настоящее богатство — то, которое у Христа: нетленное, вечное, навсегда. Даже если на земле кому-то на жизнь хватит средств с избытком и гробницу ему построят великую, всё равно человеку этого — мало.

«Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьёт, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: «рака» (пустой человек), подлежит синедрии; и кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной. Итак, если ты принесёшь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой перед жертвенником и пойдя прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой. Мирись с соперником твоим скорее, пока ты ещё на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу; истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта» (Мф. 5. 21-26).

Заповеди Христа — краткие. Мы уже говорили, что каждая из них вмещает в себя все. Когда Господь рассказывает о Своей жизни (то есть о новой заповеди, которую предлагает людям), Он выражает это в немногих словах. А здесь — иначе, потому что Христос говорит о заповеди Ветхого Завета, данной пророками народу иудейскому. Спаситель объясняет её в свете Своего прихода на землю.

Ветхозаветный народ был грубым. А человек, принимающий прощение от Христа, хотя бы на время становится цельным и воспринимает свою природу

такой, какой она была изначально дарована нам Богом. Другими словами, он выздоравливает.

Мы привыкли быть больными — это естественно для падшего человека. И не помним, как бывает без болезни. А тот, кто вкушает милость от Христа и соединяется с нею, неожиданно воскресает, какое-то время может мыслить, чувствовать — как здоровый. Тогда ветхие заповеди кажутся ему узкими. Он представить себе не может, как это — украсть у ближнего своего? Или убить? Подобное желание кажется странным.

И проявления греха человек начинает видеть иначе — в самом маленьком, ничтожном различает его многообразные действия. Дух Христов просвещает людей, соединяет с Господом — и мы воспринимаем Его ведение.

Ветхие заповеди Христос объясняет тем, у кого здоровый ум, сердце (ум и сердце здесь — одно). И для нас эти заповеди являются неким критерием, который помогает проверить себя. Если для меня «не убий» — значит только не зарежь, не повесь, не растерзай, то с Христом я ещё не встретился. Когда же становится понятно, что значит «не убий» у Христа, то встреча с Ним уже произошла.

Какова же разница между ветхими и новыми заповедями? Ветхие заповеди позволяли падшему человечеству не исчезнуть сразу, а дожидаться Спасителя. Они не утверждали жизнь, а замедляли распад. Всё равно люди крали, убивали. Многие не понимают, например, как пророк Давид писал Псалмы — и безобразничал? Или Соломон создавал мудрые книги — и вёл бесчестную жизнь?

До прихода Спасителя падший человек мог какое-то время сохранять благо, но благо всё равно гасло. Мог сопротивляться злу, оно не так быстро его охватывало, но так или иначе — завоёвывало. Древнему человеку говорили, чего делать не надо.

Христос говорит иначе: «Живи!» И Его заповеди — это заповеди жизни. Он объясняет слепоту людей, которые не видели, где и как убивают.

Заповеди ветхие позволяли обороняться, противостоять разрушению. Заповеди Христа — победные: не человек должен бегать от зла, а зло — от человека.

Господь открывает нам иное отношение к старому, ведь оно христианам тоже помогает. Если мы споткнёмся, обидимся, позавидуем — и при этом дадим себе волю, то всё быстро закончится: или я пристукну другого, или он — меня.

Мы часто отпадаем от веры. Не формально от неё отказываемся, а по существу воюем с Богом, ближними. Наше сердце бывает не с ними. И тогда, в конце концов, нам помогают вырубленные на камне слова древних заповедей: «Не кради! Не убивай!»

Ветхий человек исчезнет в нас, когда мы воскреснем, преобразимся. Тогда и ветхие заповеди уйдут, останется только одна Христова — о взаимности: «как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга» (Ин. 13. 34). Забывая себя, жертвенно.

Бог относится к людям со снисхождением. У Него нет к нам высоких требований, Он предлагает исполнить самое маленькое. А вот «не убей» — трудноисполнимо. Объясню, почему.

Нам кажется, что заповедь обращена к людям, которые вышли с оружием в руках и готовы уничтожить друг друга. А если человек — совсем беспомощный? Или, как говорили в третьем рейхе, «неполноценный» — глубоко болен? Ведь тогда понятие «не убей» как бы стирается в сознании, и от «неполноценного» вроде бы можно освободиться.

Подавляющее большинство людей, я уверен, отказывает в праве на жизнь человеку, который состоит всего из нескольких клеточек, и считает, что может этой жизнью распоряжаться. Её запросто уничтожают, в законах записано, что это полезно, даже хорошо и можно делать в государственных клиниках.

Я не хочу перевернуть мир, но мы говорим о заповедях. Такое убийство во чреве сейчас даже не считается убийством. Причём женщина хотя бы ощущает, что убивает, а мужчина вообще может не замечать, не знать, не

следить за этим. Ему всё равно. Люди даже не представляют, что они ответственны за чью-то жизнь.

В уголовном кодексе есть статья о покушении на убийство. Но мы нигде не видим заботы о сохранении жизни. Допустим, человек ведёт автомобиль, который способен принести смерть другому. К этому надо соответствующе относиться, а правила дорожного движения, эксплуатации различных механизмов легко нарушаются. Это вроде бы норма, оправдано. Страха перед убийством, живого восприятия последствий убийства — нет.

Практика показывает: не только в древнем, но и в нашем просвещённом мире заповедь «не убей» выведена за рамки общества в какие-то резервации человеческих отношений. Апостол Павел говорил, что проповедь Христа для одних — соблазн, для других — безумие (см. 1 Кор. 1. 23). Так и объяснение того, что такое убийство, многим кажется смешным.

Жизнь не исчезает, если тело «обесточено», обездвижено. Жизнь — это взаимность. И «не убей» — заповедь взаимности, единства, преодолевающая гибель тела.

Мы приносим смерть, нарушая взаимность. Человек убивает другого совершением греха — и одновременно убивает себя. Убивая себя, немедленно убивает другого, потому что этот другой — в нём, и умирает вместе с ним.

Господь предупредил Адама, что он смертью умрёт, если разорвёт с Богом внутреннюю жизнь, в которой исполняются желания и воля друг друга. Адам этого не услышал и убил Господа в себе, отвергнув Его пожелания. А тем самым — убил себя. Ослушанием, пренебрежением к словам Бога убил единство с Евой — и таким образом убил Еву: перестал защищать и хранить её, оставил в одиночестве.

Своё одиночество первые люди увидели как обнажённость тел, прихоти которых возобладали над желаниями душ. Именно об этой отчуждённости, или смерти, предупредил их Господь, но всё-таки обнадёжил: Спаситель придёт на землю, выручит их самих и их потомков. Вновь соединит людей

между собой и с Богом. Спаситель — это Тот, Кто возвращает погибшим взаимность, то есть жизнь.

Как можно вернуть взаимность после предательства? Только одним способом: попросить прощения и принять прощение. Взаимность не восстанавливается личными заслугами и подвигами. Если прощения не попросишь и другой человек не простит, останешься в смерти — безжизненности, разделённости.

Христос говорит и о других ветхих заповедях. Например, объясняет: прелюбодействует тот, кто пожелал этого в сердце (см. Мф. 5. 28). И тут Он тоже обращается к нашему сердцу.

Спаситель продолжает: «А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: «рака» (пустой человек), подлежит синедриону; и кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной» (Мф. 5. 22).

Древние понимали суд как собрание Ангелов и Самого Бога или как собрание людей — для вынесения праведного приговора. А Христос открывает: суд есть в нас самих. Если в сердце происходит отторжение кого-нибудь, то совесть не даст нам беспечно существовать. Оказывается, чтобы не убить, нельзя не только тело лишать жизни, но даже гневаться на другого. Тут говорится о полноте человека, его цельности, которая разрушается при нарушении заповеди, охраняющей жизнь.

Здесь присутствует одно смущающее слово: «напрасно». Бывает ли не напрасен гнев на других людей? Например, когда они бесчинствуют. Гнев напрасен всегда, если направлен на личность! Так неужели не найдётся ничего такого, что подлежит гневу? Конечно, найдётся: это грех — и на него можно и нужно гневаться. А на человека — нет: грех ненавись, а грешника люби.

И тут Христос опять напоминает о том, как люди могут убивать: «гневающийся на брата своего напрасно» — убийца. Но и тот, кто говорит: «Ах, я плохой, ни к чему не годный!» — тоже убивает себя. Самоубийство — род убийства. Всякий из нас — Божий, а потому великий и прекрасный.

Отрекаясь от состояния Божиего человека, мы делаем подлость и предаём своё родство, единство с Господом. Вот где грех — в предательстве.

Воскресение необходимо падшему человеку, чтобы вернуться в здоровую, совершенную жизнь. Мы ждём его, думаем о нём — как о хорошем, добром для нас. И это правильно. У человека не будет болезней, печали, ничего такого, что его тревожит в этом мире: утрат, невозможности общения, единства.

Но вместе с воскресением тела произойдёт воскресение совести. Она начнёт открыто говорить, что в нашей земной жизни было так и не так. Не внешние события станут нас мучить, допустим, тем, что кого-то дорогого мы замучили и убили, не страх и ужас грядущих бед (от этого можно отгородиться, закрыть глаза и уши).

Неугасимый голос правды, который находится внутри, будет возвещать из недр души истину обо всей нашей жизни. Мы начнём страдать от того, что кого-то выкинули из поля зрения, уничтожили безразличием, забвением. Всё, что заглушали шумом суеты, треском развлечений, наркозом бесчувствия, — обретёт право на громкое слово.

Эта заповедь даёт нам возможность почувствовать: все люди нужны человеку, как необходимы они Христу. Спаситель пришёл для каждого и за всеми. А тот, кто презирает какие-то «классы» или слои, не заботится о неведомых потомках, — уже исключает их из своей жизни. Тот, кто отрицает драгоценность бытия предков, считает их отсталыми, не имевшими представления о правах человека и общечеловеческих ценностях, — тоже убивает их.

Наша душа знает разные степени раздражения, ненависти, гнева. Поведение может быть бурным. Грубый человек так и воспринимает: гнев — это когда кто-то уже ярится, кричит, посинел от ненависти, позеленел от злобы. Но гнев бывает в меру сил: у кого-то он проявляется едва заметно, вяло в благодушном осуждении каких-нибудь феодалов, людоедов, прочих «недочеловеков».

Встречаясь с людьми, мы вольно или невольно, очно или заочно выбираем: кто — с нами, кто — нет. Достаточно определить, что кто-то для меня неприемлем, — и он мною убит. Это не значит, что с ним надо немедленно иметь дело. Но ему нельзя отказывать в праве на встречу в будущем, на общую вечную жизнь.

Ни в одной стране нет такого суда, который судит за гнев. А Христос говорит: «Гневающийся на брата своего напрасно подлежит суду». Это откровение о том, что суд совести обязательно будет. Мы, к сожалению, всё поймём: и какое зло натворили, и какое добро не сделали.

В наше время очень популярно понятие «подсознание». Откуда оно берётся? Из нежелания знать правду здесь и сейчас. Даже в нашей обыденной душевной жизни подсознание иногда прорывается, хотя его можно погасить, загнать в подвалы так, что оно почти не будет себя проявлять. Тем не менее, человек незаметно носит в себе суд над всеми своими поступками. И Христос предупреждает: постарайся услышать теперь — или неизбежно услышишь потом.

Нам всегда хочется откреститься от того, что мы всё можем понять, во всём разобраться. Заявляем: «Меня не учили, не знаю!». А на деле это нежелание слышать голос суда, который присутствует внутри. В нас вложена вечная душа. Дай ей слово — и она заговорит. Но люди, так или иначе, заставляют душу молчать.

Когда умирает тело, оно иногда бьётся в конвульсиях. Так и душа: человек её убивает — и она мучается, горюет. А мы при этом гласно или безгласно утверждаем выбор своего сердца: «Господи, я не хочу Тебя слышать! Не нуждаюсь в Тебе!» И это страшно.

Слово Христа помогает узнать, как можно жить, избегая смерти, одиночества. Оказывается, всё время — в этом суде: следить за тем, как отношусь — ко всем, как все — ко мне. С благодарностью за благо, с сокрушением за зло.

Человека судят за все его дела. Каков же результат этого суда? За всякое зло мы приносим покаяние, за добро — благодарим Бога. Подобное отношение справедливо к любому делу — моему и чужому. Праведный судья без

искажения видит жизнь и её разрушение. Приветствует, ликует, благодарит, славит жизнь и её Подателя. И православный — это тот, кто правильно славит Бога. Человек, который не может искренне, без лукавства Его славить, находится вне веры.

Чтобы исполнить заповедь Христа, требуется целый путь, на котором нам придётся учиться слышать в себе суд совести. И тут церковная традиция помогает людям. Поначалу они исповедуются раз в год, потом — каждый месяц. На исповеди проверяют свои отношения с Богом и людьми.

Накануне Великого поста в Прощёное воскресенье эта проверка отношений бывает общей. Мы встаём перед судом (пока из-под палки, вместе с Церковью) и спрашиваем себя: кого я убил в своей душе? хочу ли, чтобы он ожил, приняв от меня прощение?

На этом суде нас прощают — и мы тоже прощаем. Но всё-таки не будем забывать: начинать надо с личного исполнения заповеди. И если не получается выполнить её в совершенстве, опять же пойдём в храм на исповедь.

Искреннее, до конца покаяние могло бы изменить сердце и ум, вновь создать их. Зло перестало бы быть сокровищем для нас, мы бы увидели: это грязь, сор, которые нам не нужны. Тогда и бороться с собой уже не надо: узнал благо — и никто его у тебя не отнимет, ничто не заменит.

Но не так, к сожалению, происходит с нами: раскаяться решительно, бесповоротно мы не сумеем, пока сердце не ожило. И потому склоняем голову под епитрахиль, а священник в помощь нашему малому сокрушению читает над нами разрешительную молитву.

«Кто же скажет брату своему «рака», подлежит синедриону». «Рака» обычно переводят как «пустой», но значение этого слова шире: некачественный, ни к чему хорошему не пригодный, недоделанный. Тот, кто произносит это слово, подлежит синедриону — высшему церковному собранию. Почему?

Человек здесь богохульствует, выступает против Господа, Его откровения и творения. Каждому из людей Бог говорит: «Ты можешь быть Мне сыном,

вырасти в эту меру». А человек возражает: «Нет, Ты лжёшь! Этот — точно недоделанный!»

Часто люди говорят подобное о самих себе. Многие недовольны тем, как они созданы. Это похоже на самоубийство — то же убийство, но более безжалостное. Здесь проявляется бунт против всей жизни, Бога и Церкви. Но человек может вернуться к себе — доверившись Богу. И тот, кто узнал прощение, со временем начнёт удивляться тому, что не догадывался, как можно жить. И каким быть.

Почему ещё подлежит синедриону тот, кто называет брата пустым, никчёмным? Посмотрите на разбойника, распятого рядом с Христом и первым вошедшего в Рай, на апостолов или Лазаря, друга Господня. Кем они были до встречи со Спасителем? Никем. Но по милости Христа переменились, вернули своё сыновнее достоинство.

Понятно, что речь в заповеди идёт не о древнем, а о духовном синедрионе — суде совести людей, узнавших Христа. Господа упрекали за то, что связался с мытарями, блудницами. Страшными, ужасными, безобразными! Но они стали детьми Божиими, обрели богоподобность (см. Мф. 21. 31). И Спаситель будет судить каждого: «Ты нашего рода или нет?»

Не всякий может догадаться, что он — чадо Божие. Но сколько людей стало украшением человечества! А ведь их почти все презирали. Апостол Павел даже писал, что они — «как сор для мира, как прах, всеми попираемый» (1 Кор. 4. 13). Недаром Христос сказал: «нищие благовествуют» (Мф. 11. 5).

Современные христиане почти не понимают такого преображения человека. Им часто кажется, что сынами Божиими могут стать только люди благовоспитанные, крепкие, красивые и так далее. Но, повторю: каждый, кто ответил на призыв и милость Бога, тем самым согласился стать избранным (см. Лк. 14. 24).

«Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьёт, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: «рака» (пустой человек),

подлежит синедриону; и кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной» (Мф. 5. 21-22).

Что такое «геенна огненная»? Это преисподняя — место, где нет Бога и всё распадается.

Опять-таки «безумие» мы часто понимаем как отсутствие рационального мышления, логики. А Христос и Евангелие говорят об уме как о сокровенном сердце человека, умеющем мыслить, отличая добро от зла.

Нет детей, у которых плохое сердце, даже если у них больна нервная система и поражён разум. Все они откликаются на ласку и внимание. Нет детей, которым не нужна вечность, от потери родителей они страдают и на временных — не согласны. Воскресение освободит тело от ограничений падшей природы, восполнит душу возвращением утраченных даров.

Отрицание божественности людей и их души, возможности совершенства, как у Отца, живого, ищущего сердца, — соединяет их со смертью, тьмою. Христос говорит: «всякий грех и хула простятся человеку, а хула на Духа не простится» (Мф. 12. 31). Не может быть прощено утверждение, что Его нет рядом с гибнущим грешником и Он не подаёт милостиво жизнь всем желающим спасения.

Многое в нас бывает заглушено, потемнено. Но спасают же больных из клинической смерти! Так же можно спасти погибающих из сна души, бездействия. Мы знаем: если человек присмотрится к себе повнимательнее, подумает, честно ли он живёт перед лицом Истины, его душа обязательно откликнется, согреется надеждой на прощение.

Когда мы говорим о Духе, то всегда имеем в виду Духа Божия Животворящего, то есть оживляющего всё. Вынося этому миру или его части приговор бездушия, бездуховности, человек выбирает и для себя существование без сердечного ума. Отрицание чего-то в другом по закону взаимности означает отрицание этого — в себе. И, между прочим, в Боге как Вседержителе всего.

Христос нам открывает: что сделали одному из малых сих, то сделали Ему (см. Мф. 25. 40). Этим Он утверждает Своё единство с каждым человеком, утверждает ум и сердце любого из нас: Я — в тебе. А тот, кто говорит другому «безумный», тем самым заявляет Богу: «А вот в нём нет Тебя!» И получает в ответ: «Раз нет в нём, то и ты оставайся без Меня!»

Неверный в малом и в большом не верен (см. Лк. 16. 10). Умаление жизни — убийство. Умаление другого человека или себя самого — убийство. Умаление Бога — убийство, причём такое, которое при желании люди способны понять и признать. Иначе покаяние было бы невозможно, недостижимо. Но оно есть и даже разбойника делает благоразумным.

Искать в книжках и шпаргалках подсказки, где и как согрешил, фактически означает — отказаться от своей совести, её суда, возможности возвращения к жизни. То есть самому себе сказать «безумный» — и тем себя убить. Вот страшный суд: клевета и ложь на себя и Бога превращается в казнь.

Заповедь «не убей» включает все заповеди. Всякий грех убивает, несёт смерть, отчуждение — по той или иной причине. Я могу прямо сказать вашей душе: «Не желаю вас знать!» Или произнести иначе: «Душа — это хорошо, но ваш кошелек мне интересней». Человек, предпочитающий стянуть из чужого кошелька, тем самым отказывается от дружбы. Душа другого, проданная за сребреники, как бы прячется в погребальную пещеру. Грех приносит разлуку и смерть. Только так его и понимают.

Наши возможности, таланты вырастают в меру сил и возможностей Самого Бога, когда Он бывает нам Другом. Чувствуя это, испытывая, понимая духовную нищету оставшегося в одиночестве человека, мы сразу способны признать: «Господи, Ты всегда был рядом со мной, не дал мне пропасть! Благодарю Тебя!» А если что-то у нас получается, сознаём: «Не я молодец, а Ты мне послал великую милость действовать вместе с Тобой!»

Заповеди Христа — это заповеди единения. Человек уже не один, а значит — жив.

С заповедями Христа мы знакомимся в том порядке, как Он раскрывал их ученикам. Повторю, что заповеди — это законы, по которым строится жизнь. Если люди хотят жить, они стремятся их узнать.

Сегодня перед нами сразу две заповеди. Они нераздельно связаны, поэтому прочитаем их вместе: «Итак, если ты принесёшь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой» (Мф. 5. 23-24). И дальше: «Мирись с соперником твоим скорее, пока ты ещё на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу; истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта» (Мф. 5. 25-26).

Много раз мы с вами повторяли, что слова Христа, конечно, имеют историческое значение: они важны для тех людей, которые находились рядом с Ним. Но Бог присутствует везде, и слово Его верно, значимо для всех: в любом месте и в любое время оно имеет широкий, полный смысл. Хотя и в частности проявляется тоже с силой и правдой.

Интересно вступление Христа к этим двум заповедям: «Итак...» Господь как будто подводит итог, делает вывод из сказанного прежде. Что это было? Во-первых, кто нарушит одну из заповедей сих малейших, тот малейшим наречётся в Царстве Небесном, а кто сотворит и научит, тот наречётся великим (см. Мф. 5. 19). Во-вторых, Спаситель объясняет ветхозаветное установление: «не убивай» (см. Мф. 5. 21).

И после этого Он говорит о примирении. С кем? Первая заповедь предлагает мириться с братом, вторая — с соперником.

В сегодняшних заповедях есть одно слово, которое требует личного отношения, а не только знания истории или веры: «жертвенник». Спаситель с этого и начинает: «если ты принесёшь дар твой к жертвеннику». Когда, почему люди ходят к жертвеннику?

Ветхий и Новый Заветы всегда объясняют нам то, что мы хотим понять. Причём Евангелие призывает знать первенцев — тех, кто открывал одну из

тропинок к Богу. И этим жить. Так вот, жертвенник понадобился Адаму, когда он согрешил.

Ветхозаветная жертва многое выражала: она свидетельствовала о том, что человек стал чужд Богу и Бог для него отныне — труден. Люди привыкли прежде всего брать, им тяжело отдавать что-то другому, особенно если оно — самое лучшее.

Принесение в жертву чистого агнца, ягнёнка, тельца свидетельствовало о том, что зло Адама и всех его детей всегда ложится на невинное существо, рана и убивая его. И это было откровением человека о своей жизни: он погряз в самом дорогом в ней — единстве с Богом и людьми; их желания, волю, жизнь принёс в жертву своей самости.

Но в жертвеннике выражалась и великая надежда, даже уверенность человека: за ним придут, его выручат из губительного одиночества, простят. Такое могло произойти только в одном случае: если Бог примет на Себя весь удар зла, все людские грехи. Жертвенник означал ещё ожидание того, что Господь пострадает за Своих детей — и тогда они оживут, вернуться к единству с Ним.

Чтобы спасти наш мир, на земле должен был родиться Сын Первенец в самом высоком смысле слова — непорочный, чистый. Первый от людей. Вы помните, как Авраам приносил в жертву сына Исаака — и потом по воле Божией заменил его на агнца. Но сын этот был первенцем от Сарры, а до него у Авраама родился другой сын — от рабыни. Все человеческие ветви уже были нечистыми.

Оказывается, в жертвеннике и даре, который к нему приносится, содержится полная исповедь человеческой веры: мне нужен Спаситель, я пропадаю от своего зла, но не забыл настоящей жизни, которую предал, хочу, чтобы она вернулась и знаю, что вернётся только благодаря Тому, Кто примет на Себя мой грех, смерть. Я оживу тем, что Он не откажется от меня. В самом этом слове «жертвенник» содержится всё ведение человека об отношениях с Богом и ближними.

А теперь другой вопрос: что такое дар? Из Ветхого Завета мы знаем: в жертву Богу приносились плоды человеческой деятельности, в частности, начатки урожая, животные. Это свидетельствовало о том, что подлинная жизнь человека начинается, когда он всё лучшее, главное отдаёт другому.

Глубокая, развитая вера, которая уже знала милующего Бога, а не только Творца, высказалась об этом глубоко, сильно, откровенно: «Жертва Богу дух сокрушен...» (Пс. 50. 19). Главная жертва, которую человек может принести Богу, — отказ от зла, самости, любви к себе. Это именно то, без чего грешник становится несчастным: он питается, наслаждается грехом, удовольствиями и видит жизнь только там, где утверждает себя или другие утверждают его. Кажется, отказаться от этого — значит остаться ни с чем. Пустым, негодным, никаким.

Для грешника самая страшная жертва — признание своей неправды во всём. Вот почему — «дух сокрушен». Это свидетельство не просто об одной ошибке, отдельно взятой подлости или проступке, а об устройении своего внутреннего человека: сердце выбрало себя, а других — приспособливает к себе.

Но такой способ существования, когда ты меряешь жизнь своими чувствами, переживаниями и так далее, — называется умиранием. Вера призывает человека к доверчивости: если сможешь забыть о себе, отвергнуться себя (мы до этой заповеди когда-нибудь дойдём!), тогда начнётся жизнь.

У нас странное положение: вернуться к действительности, подлинности, жизни нам тяжело. Невозможно. И свидетельства об этом тоже будут у Христа. Люди могут изображать нечто похожее на жизнь, но они ею — не обладают. А Кто её принесёт? Тот, Кто согласен разделить с нами пребывание на земле — вплоть до принятия предательства, оплевания, насмешек, бичевания, смерти. Если чистый, светлый, добрый побудет с нами (каждым, любим!), он умирает, а нас приобщает к жизни.

Слова: «если ты принесёшь дар твой к жертвеннику», — указывают на некое движение человека. Хочешь ожить, быть единым с Богом, иметь с Ним личные отношения? Тогда честность должна подсказать тебе, с чего начинать.

Об этом писал апостол и евангелист Иоанн Богослов: «Кто говорит: «я люблю Бога», — а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?» Это сказано в Первом послании (4. 20). А в Евангелии читаем слова Христа: «если ты принесёшь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой».

Когда у человека появляется движение к Богу, он должен, прежде всего, разобраться, как относится к людям. Кого из них мы можем назвать братом? Это нужно определить. Возможно, у кого-то нет братьев, а есть только сёстры, — и люди скажут: «Нам это не нужно».

Так кто же нам брат? Об этом Сам Христос говорит так: «братья мои суть слушающие слово Божие и исполняющие его» (Лк. 8. 21). Если у человека были встречи с теми, кто хотел взаимности, красоты в общении, правды (иногда это пробивается как некий намёк: не пламя, а дым от льна курящегося (см. Мф. 12. 20)), то в обоюдном стремлении быть вместе, а значит жить — люди становятся братьями.

Все вокруг нас находятся в разных, переменчивых состояниях, как, впрочем, и мы бываем в разных состояниях: легко меняем доброе настроение на злое и наоборот. Тот, кто погружён во тьму (в данный момент жаден, алчен, страстен, ненавидит, унывает, печалится, не хочет жить), выбирает смерть — свою или чужую, так или иначе стремится к ней. В этот момент он перестаёт быть братом.

В притче о блудном сыне отец говорит, обращаясь к старшему сыну: твой брат был мёртв (см. Лк. 15. 32). Не хотел ничего слышать ни об отце, ни о родственниках, жил собой, тем, что ему нравилось.

Грех — это всегда предательство, разрыв отношений. Он может появиться только тогда, когда отношения есть. Для того чтобы совершилась измена, должна быть дружба.

Христиане всегда приходят в храм с жадью, чтобы Господь помиловал их, но с годами становятся требовательными, назидательными с другими людьми, двойственными. Начинают «служить двум господам» (Мф. 6. 24).

Проще заметить чистый обман, чем эту двойственность в себе. И вера призывает человека к трезвению: следи за собой, иначе в жизнь вползёт ужасная ложь. Ты будешь считать, что тебе нужна милость, а остальные заслуживают — только справедливости: «око за око» (см. Мф. 5. 38). И это закроет личные отношения с Христом, по существу — веру и жизнь по ней.

Евангелие понуждает нас к некой жертве: ты должен забыть про себя, помочь другому (см. Лк. 9. 23). И чувства падшего человека начинают пугать: «У тебя быстро закончатся силы, богатство! Ты устанешь!» А Христос говорит очень интересно — и не об одном приходе к жертвеннику, а о прообразе вечной жизни: кто со Мной, тот собирает (см. Мф. 12. 30). Оказывается, эта жертва не отнимает, а устраивает жизнь. Или в другом месте: ищите Царства Небесного — и остальное всё приложится (см. Мф. 6. 33).

Мы по-человечески хотим, чтобы сначала приложилось, а потом начались отношения с Богом. Но так не бывает! Зато происходит удивительная вещь: всем трудна, невозможна добрая жизнь с грешниками, но если общность с ними основана на Христовом снисхождении и Христовой милости, эти отношения — создают человека. Не распинают, не мучают, а наоборот — рождают жажду, желание жить, дают избыток жизни, который проявляется как радость. Причём, не мгновенная: вспыхнула — и ушла, а такая, которая не отнимется. Радость от свершений или достижений — всегда конечна, а основанная на милости — не проходит: моё зло преодолели, простили. Конечно, у меня может наступить беспамятство. Но память вернётся — и радость вместе с ней.

Евангелие приводит живой пример того, как человек принёс к жертвеннику дар Богу — и милость его достигла. Был такой мытарь Закхей. Его простили — и вдруг он сказал: «если кого чем обидел, воздам вчетверо» (Лк. 19. 8). Христос как бы принуждает нас: иди, примиришься с братом! А для Закхея это естественно, желанно: мертвец воскресает — и хочет, чтобы остальные тоже воскресли: вчетверо воздаёт.

С христианами такое происходит редко. Но без этого нет истинной жизни. Правда, и тут люди тоже могут не пропасть, а возродиться, если надеются, чают, ждут жизни.

Заповеди Божии должны выполняться всегда. В этом их правда, причастность к вечности. Но в Церкви есть специальный день, который делает громогласной заповедь о приходящем к жертвеннику. День этот называется Прощёным воскресеньем и бывает перед самым Великим Постом. В пост мы хотим вернуться к Богу, к Христу, Ему отдать всё внимание, отказаться от своих пороков, страстишек, чтобы нас с Ним ничто не разделяло. Самое естественное желание в такой момент — примириться со всеми.

Трудно сказать, догадываются ли об этом люди. Может, считают, что попросить друг у друга прощения — это какой-то ритуал. Но любой христианский праздник — это праздник каждого дня, просто иногда он особо выделяется. Вот и желание примирения — простить и быть прощённым — должно быть всегда, а не один раз в год. И пост ведёт человека к тому, чтобы понимание этого вернулось. Мы просим прощения, приносим, даём прощение — и видим, что оно недостаточное, неполное. Через пень-колоду.

Когда эта заповедь совершается в душе, у человека возникает желание воскреснуть — не после того, как откажет тело, а сейчас. Воскреснуть подобно Закхею — в дружбу с Богом, с людьми и пожелать воскресения всем, кто находится вокруг.

Ещё одна заповедь о примирении начинается с довольно необычных слов: «Мирись с соперником твоим скорее, пока ты ещё на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу; истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта» (Мф. 5. 25-26).

Те, кто читает Евангелие, знают: оно призывает к основательности, неспешности.

Бог не торопит человека, а тут говорит: «Мирись с соперником твоим скорее».

Почему?

Слово «скорее» относится не к определённом моменту, а к самому времени: пока мы в этом мире, оно у нас есть, — и со своим соперником мы можем примириться. Но время земной жизни закончится — и тогда люди окажутся беззащитны, бессильны перед соперником. Это ещё не конец истории — само время упразднится, освободив место для вечности, в которую мы войдём такими, какими нас застанет этот миг.

Но о каком сопернике речь? Какая личность способна предать человека судье, судья — слуге, а потом ещё бросить в темницу, пока не отнимут всех денег? Да ещё этот соперник никуда не денется от нас после того, как закончится временная жизнь. Судья и слуга — тоже.

Времени не будет. Что же останется? Свет и тьма. О них мы уже говорили. Обычно люди начинают понимать свет — с солнца, которое открывает нам красоту мира, освещает пути-дорожки, по которым ходим. Тем, кто учился в школе и других учебных заведениях, известны такие понятия, как свет разума, мудрости, устройства, связанности мира, единства законов и так далее.

Но Евангелие (и всё Священное Писание) имеет в виду особый свет — как основу бытия: это возможность видеть другого. Объясню. Если человек не хочет иметь с вами дело, вы никогда его не узнаете — и он не узнает вас. Вы оба находитесь во взаимной тьме, не понимаете друг друга. Одиночество и отвержение всех — вот символы тьмы и смерти. А свет обозначает дружбу, единство, радость взаимности.

Таланты — это слово из притчи, которую мы ещё будем обсуждать (Мф. 25. 14-30). По отношению к человеку они означают не денежную единицу, а все его возможности: видеть, слышать, говорить, знать, понимать, чувствовать. Но главный талант — умение дружить, общаться, забывать про себя, служить кому-то. Он опять же касается личных отношений.

Заповедь свидетельствует: каждому из нас даны внутренние способности строить отношения с кем-либо, которые могут быть главным сокровищем жизни. Но в конце утверждается: человек попадает в полное одиночество,

оставленность только по собственному выбору. И если этот выбор не остановить, у души, в конце концов, закончатся силы, которые нужны для того, чтобы строить отношения с другими — Богом, людьми.

Горько бывает тому, кто поступил неправильно — совершил грех. Но гораздо хуже тому, кто имел таланты — и они оказались невостребованными: по существу человек убил в себе художника, поэта, брата, отца, сына, мужа, жену, друга. Понимание того, что было много дано, и оно не реализовалось, — самое глубокое несчастье. В Евангелии это называется горем (см. Мф. 18. 7).

В предыдущей заповеди Христа говорилось о брате — об отношениях с людьми (и Бог стал Человеком!). А здесь — о сопернике. Но с чужим отношения строить нельзя. Так кто же этот соперник? Где он? Под какой личиной скрывается?

В нас есть совесть. Мы можем жить, не слушая, не зная, не понимая её или в противоречии с ней. Если не знаем о совести — это ещё полгоря. Не хотим слышать — ладно! Но когда она просыпается и подаёт голос, а мы его отвергаем, — тут наступает момент нашего предательства, измены, убийства.

Христос утверждает: «Царство Божие внутри вас есть» (Лк. 17. 21). В нашей совести заложена возможность жизни Бога и людей: мы способны слушать и слышать всех, хранить их в себе. И они могут стать для нас оком — как художники, которые видят мир и открывают остальным. Или ухом — как композиторы, которые чувствуют и передают гармонию звуков мира и своим творчеством дарят нам радость. Эти люди — внутри нас. Они нераздельны с нами, и их глаза — наши глаза.

В земном обществе существуют я — и другой рядом. А в жизни Царства Небесного — только нераздельное единство. Другой становится мне чужим в одном случае: когда я его отвергаю — убиваю в себе. Но пока мы вместе, в душе друг друга, — нас нельзя разделить.

Голос совести — это весть, которая исходит непосредственно от Бога и иных людей внутри человека. Про такие отношения Христос говорил: «вы во Мне и Я в вас» (Ин. 14. 20).

Заповедь призывает скорее мириться с соперником, пока ты с ним в пути. Что такое путь? Существуют трассы, ведущие от города к городу. Ещё мы знаем о дорогах познания. Но есть пути взаимных отношений — когда люди узнают друг друга, учатся понимать, доверять, благодарить. И так далее.

Христос называет Себя путём — и тем самым призывает нас к взаимности, жизни. А кто узнаёт жизнь каждый день? Конечно, дитя. Вот и ещё одна заповедь, данная людям: будьте как дети (см. Мф. 18. 3).

И в первый, и в последний день земной жизни нам надо учиться и внимать. Пока человек способен на это, он находится в единстве со всеми: в нём есть голос совести — вести от Бога и иных людей. Совесть открывает правду, свидетельствует о добре и зле (это очень много!). Но ещё и о более тонких, глубоких вещах: добре настоящем — и поддельном, фальшивом, лукавом, примером которого является лицемерие, когда внешне вроде бы всё, как надо, но чего-то самого важного не хватает.

Совесть — это судья, голос Царства Небесного и правды его, который будет звучать в нас всегда: в земной жизни и за её пределами. Правда и неправда, которые мы тут заглушили, обязательно станут явными. Человек всё поймёт — про себя и про всех. Страшный суд, о котором говорит Евангелие, — это наша ожившая совесть: от неё не скрыться, не спрятаться, она укажет каждому, чего он желал в глубине сердца, в чём боялся признаться себе, что предпочёл не видеть. Допустим, хотел быть всем, а чтобы утвердиться в этом, других считал — ничем или ошибкой природы. Ну и получит это: он — всё, рядом — никого. Только тьма. И будет великим — в пустоте.

Оказывается, эта заповедь Христа убеждает нас: постарайтесь захотеть, чтобы ваша совесть ожила и увидела подлинную картину мира, что и называется смирением — сокровенной чертой Бога.

С современными людьми непросто говорить о совести: её не знают и не хотят знать. Она призвана устанавливать внутренние принципы и многие вещи, которые не поддаются формальным законам. Скажем, человек не должен возвышаться или унижаться перед другими: надо быть вровень. Кто может подсказать это положение? Только совесть. А если её нет? Хотя даже

элементарный принцип — никогда не брать чужое — современному человеку нечем утвердить в себе

Совесть объяснит, что высшая, истинная ценность для нас — люди: ты сам и остальные тоже. Но всегда ли они важны для тебя? И рядом с ними при всех обстоятельствах ты находишься в свободе — или рабстве? А человеку рядом способен дать свободу — или ставишь ему условия, предъявляешь претензии, имеешь ожидания, надежды, которые связывают, ограничивают его?

Только совесть способна собрать всё вместе, посмотреть, что ты делал из-под палки, а где проявлял искреннее, ничем не понуждаемое желание. Только совесть подскажет, каков человек: цельный, здоровый, честный — или нет. Если тело чего-то просит, а душа возражает, — это ложь нашей раздвоенности. Если чувства стремятся к данной цели, а ум и душа молчат, равнодушны к ней — тоже. В любой рассогласованности наших составляющих заключается неправда человеческой деятельности.

Заповедь эта призвана исполнить пророчество Христа о том, что закон упразднится — и начнётся нормальная жизнь: исчезнут указания, правила, и всегда будет говорить совесть.

Но прежде чем она станет богатой, умной, творческой, нам необходимо примириться с нею, что и заповедует Господь. Не лгать, не обманывать, давать ей возможность высказываться всегда, без ограничения её прав и свобод.

В книжках можно прочитать списки грехов. Но по большому счёту нам этот справочник не помогает, так же как не помогает больному чтение медицинский энциклопедии. Человеку дано самому понять, где он прав и виноват. Только это способно выручить и спасти. Когда люди просят: «Скажи, где я ошибаюсь?» — они совершают преступление против собственной совести. Нельзя от неё отказываться, передавать в чьи-то руки — пусть даже тёплые, добрые, хорошие.

Заповедь Христа свидетельствует: человеку вручено всё необходимое для благодатной жизни. Нет людей глупых, несмышлёных. Самые важные,

главные таланты получает каждый с избытком. Другое дело — будут ли они востребованы, поверим ли мы, что они у нас есть, станем ли их искать в себе или только великим людям предоставим владеть ими.

Кому-то может показаться: раз они мне даны, я их сразу возьму. Нет, не получится. И ум не вдруг, а постепенно развивается, и память приходится тренировать. Тем более трудно хитрым, расчётливым, переменчивым людям оживить совесть, найти сокровище души, которое внимает, понимает, может высказываться...

Кстати, когда мы лжём, то не высказываемся, делаем себя не существующими, подменяем иллюзией. Высказанным бывает только настоящее — и только оно может явить нас перед другими. И часто оказывается: всю жизнь человек молчал. Никто его не узнал, он всё время прятался, скрывался под фальшивыми образами. А многие даже ставят себе такую цель — не быть, а казаться, и считают это единственным шансом на счастье.

Что в совести таинственно и непостижимо? Она способна воспринимать других. Ни ум, ни чувства этого не могут.

Люди ищут взаимопонимания, общих интересов, ценностей. А совесть улавливает жизнь, отличающуюся от моей, и способна обогатить меня неповторимостью другого. Если наши жизни станут совместными, это будет постоянной наградой и радостью: человек превратится в главное, недостижимое сокровище — и станет делиться своим уникальным, неповторимым богатством по желанию, без подкупа и принуждения. Это и составляет чудо взаимности, чудо жизни.

«Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своём» (Мф. 5. 27-28).

Мы говорим о заповедях Христа, и стараемся понять их широко, а не как некое задание от Представителя вышестоящей власти — нам, несмышлёным. Заповеди Спасителя рассказывают о законах настоящей — вечной жизни.

Если их нарушать, она перестаёт, потому что заканчивается наша взаимность с Богом и людьми.

Мне кажется, любой родитель точно знает: когда его дети пропадают, не способны к жизни, то пропадает — и он сам. Возможно, это чувство не так долго длится, но у здоровой души оно бы никуда не ушло, потому что мы и дети — вместе.

Опять же здоровый душой и телом человек больше замечает то, что он принёс другому, чем изувечил его жизнь. А мы по эгоистической привычке чаще видим, как нарушение заповеди калечит нас самих. И это означает: наше покаяние — тоже эгоистическое. В нём все переживания направлены на то, чтобы мы сами были омыты от грехов, очищены от всякой скверны — и совершенно не возникает желания восстановить жизнь тех, кого мы предали и тем самым убили.

Христос принёс на землю новую жизнь — и напоминает нам, какие законы, просьбы от Бога уже были переданы падшим людям. Люди не могли понять, услышать Бога. Чтобы не исчезнуть, им нужно было бороться за жизнь, она в них едва теплилась. И сегодняшняя заповедь Христа более явно, чем прочие, указывает, как устроена жизнь, а мы уж будем делать выводы, как её сохранять.

Сами слова тут не совсем обычны для нашей устной речи: не прелюбодействуй (не прелюбы сотвори). Заметьте, здесь не сказано: не делай откровенного зла. Ветхий Закон говорил древним людям: способность человека любить можно использовать так, что будет плохо.

Преподобный Максим Исповедник отмечал: грех — это неправильное употребление вещей. Под вещами он подразумевал, конечно, не только какие-то предметы, но всё, что доступно уму, чувствам, вере человека. Грех всё превращает в вещь: отец становится источником дохода, друг — вспомогательным элементом. Но всё оживает, когда его правильно принимают.

По естеству человеку дано приносить себя — свои чувства, внимание. А он вдруг берёт чужое, присваивает себе чьё-то. Часто это возникает неувлимо,

как в песне (её распевают громогласно, и все закатывают глаза, когда слышат):

Ах, какая женщина!

Мне б такую...

Откуда здесь приходит грех? От омертвелости, бездушия. Когда нет дружеских отношений, которые делают человека счастливым, он размышляет: как бы мне отнестись — к другому? кто он? что с него можно взять? И вот женщина становится «предметом» похотливых устремлений.

Совесть древних людей подслеповата: рядом с ними ещё не было Того, на Кого они могли посмотреть и сказать: «Вот как можно жить!» Новые люди не стали лучше, но Спаситель пришёл и открывает, как устроена жизнь. Древних предупреждали: так действовать — нельзя, это грех. А Христос указывает на причину греха, называет закон жизни человека: всё определяется сердцем.

Заповеди Христа короткие, но за ними стоит тайна нашего бытия: человек есть желание. Он то, чего хочет на самом деле. У него могут быть капризы, сиюминутные, быстро уходящие, и любой из них — подлый. Но существуют желания, которые — всегда. Давайте посмотрим на себя честно: не хотим ли мы покоя, бездействия? Лёгкой жизни, удовольствий? Не это ли — сокровища нашего сердца? Если да, то мы хитрим — и будем доказывать окружающим и себе, что мы верующие, честные, благие.

А теперь тот же вопрос поставим иначе: без чего мы почувствуем себя несчастными? Вероятно, кто-то ответит: «Без поста и молитвы». Но это будет неправда. Люди часто спрашивают, как бы им, страждущим, измученным, взять правило — поменьше, нагрузку — послабее. И никогда не слышал, чтобы больной человек просил забрать у него таблетки и пластыри, которые снимают боль. Или говорил: «Хорошо бы их поменьше!» А ведь это — то же самое.

Не нужно себя обманывать, лукаво прикрываясь отсутствием очевидного зла: когда сердце вроде бы ничего не хочет, оно всё-таки в этот момент выбирает смерть, небытие. Отказывается от жизни. И это проявляется в страхе: перед

делами, новизной, болезнями и прочим. В общем, стоит поверить и принять как закон простые, краткие слова: я есть то, чего желает моё сердце, и проверить себя.

Для нас люди прежних эпох — древние. А для Бога они как раз были молодыми. Ведь те времена для Него — новее, мир только сотворён. А наши дни — поздние, древние. У Господа все живы. Так почему же Бог обращается к ним и к нам с ветхозаветной заповедью о прелюбодействии? Для человека, потерявшего остроту чувств и совесть, вероятно, это самый грубый и понятный пример. Хотя, мне кажется, теперь он уже далеко не всем ясен. Ведь «прелюбодействовать» можно с чем угодно: с едой, работой. Отдать своё внимание, радость идола — и преспокойно употреблять любовь не туда и не так.

Неправый воровской акт совершается незаметно потому, что человек не чувствует: в другом — есть душа, которая может открыться как сокровище. И единство, взаимность, общение с ней способны так насытить, что всё остальное не будет заметно. Люди этого сейчас не знают, не могут вспомнить. Вот и за столом теперь главное — деликатесы. Культура питания усиленно развивается по простой причине: не стало отношений. Когда за столом сидят братски, дружески, изобилие блюд ни к чему. Помню, раньше близкие люди собирались вместе — и в конце концов вся еда оставалась: заговорились! Хотя это был только намёк на настоящие отношения.

Христос рассказывает нам, как устроена жизнь. Подобное познаётся подобным. Если я — тело, то буду знать только тела вокруг меня и душу ближнего никогда не пойму, не почувствую. Не встречу с ней. И Спаситель говорит в этой заповеди, что у людей появилась возможность преодолеть свою плотскость, материальность, признав главной — иную ценность.

Не нужно искать высших смыслов и Бога в состоянии, когда человек — тело. Он докажет, что Бога нет, потому что для тела бог — еда, питьё и прочие приятности. Но можно всё-таки засомневаться: а вдруг душа есть? Вдруг она видит, слышит, понимает, чувствует? И спросить: «Господи, я что — болен? Неужели я такой труп, что представить этого не способен? Неужели можно что-либо вот так увидеть, узнать, понять, не прикасаясь?»

«Не прелюбодействуй» — вовсе не простая запретительная заповедь. Она глубокая и говорит: сердца ни к чему второстепенному не прилагай.

Кое-кто утверждает, что богатство вредно, что это враг, от которого нужно избавляться, биться с ним и уничтожать тех, кто за него. Есть замечательное библейское высказывание насчёт богатства: если оно идёт к тебе в руки, не отвращайся. Сердца не прилагай!

Не видел людей, которые не прилагают: само увлекает. Так вот где надо увидеть проблему: не в богатстве, а в своём гнусном, алчном, жадном сердце. И тогда встанет настоящий вопрос ко Христу: «Господи, что мне делать с моим сердцем?!»

И станет понятно, как выполняются и совершаются заповеди. Ведь тридцать сребреников, описанные в Евангелии, свидетельствуют не о поступке, а об ощущении сердца, будто богатство приносит намного больше, чем какой-то повстречавшийся нам человек, казалось бы, пустой, никчёмный, никуда не годный.

В ветхозаветной заповеди сказано об отношении мужчины к женщине. Почему? Так легче понять: если ты сильнее, то должен быть слугой. Потому Христос в притчах всегда говорит о человеческой душе — именно как о женщине: жене, вдове, деве, невесте. Этим передаётся состояние души, которая — либо вместе с другим, либо утратила внутреннее единство, либо ещё не обрела его и только ждёт, хочет встретить.

Христос относится к нам — как жених к невесте: бережливо. Нам Он служит, нас ищет. И здесь прикровенно сказано: грехи не различают людей по каким бы то ни было признакам — мужчина или женщина. Закон Царства Небесного одинаков для всех: если ты первый, то должен быть как раб для остальных, а не пользоваться их услугами.

Человека можно уничтожить, а можно — эксплуатировать. Древним людям говорилось: тела не бери. Новым, рядом с Христом, сказано: и душу не бери. А что же тогда делать? Эти слова Спасителя должны бы возмутить нас: так жить невозможно! И Христос подсказывает: так невозможно — но не жить, а существовать. Наше существование — ещё не жизнь. Жизнь совершается

только во взаимной самоотдаче, её у нас действительно нет. Если мы присваиваем, берём, то сам способ таких отношений для вечности не годится.

Собака считает: всё, что она видит, принадлежит ей. И человек становится похожим на животное, когда уверен: всё, что он видит, чувствует, осязает, представляет, — должно ему служить.

Но рядом с нами стоит новый, неведомый закон, который Христос принёс с небес: Спаситель служит другим, отдаёт Себя. Вот и мы можем не прелюбодействовать только в одном случае: если забываем про себя и хотим, чтобы ближним было хорошо.

Ученики Христа вели себя честно. И они как-то сказали Господу (там говорилось о семье): если так относиться к супруге, то лучше не жениться. Разве человек это выполнит? (см. Мк. 10. 3—9). И Христос отвечает им — в том числе на этот вопрос: «Невозможное человеку — возможно Богу» (см. Мк. 10. 27). Господь Сам выполняет и Своим присутствием вдохновляет людей на невозможное!

Ну, скажите раковой клетке: «Живи!» Она ответит: «Я могу только убивать!» То же самое происходит с человеком — древним и современным. Когда он почувствует, признает, что вся его деятельность направлена против жизни, то непременно спросит: «Кто меня выручит? Учитель, наставник, помощник, целитель? Нет, мне нужен Спаситель!»

Кажется, вроде есть у нас замечательные, талантливые люди, но никакой их героизм, никакие исключительно прекрасные, вдохновленные труды не приводят к жизни. От этих трудов можно получать удовольствие (прелюбодействовать с ними), но жизни, которая не исчерпывается, бесконечно длится, они не дают.

Зато эти прекрасные труды человеческие часто становятся подменой, ложной ценностью, которая — на время. И в сегодняшней заповеди прикровенно говорится: нашим сокровищем, ценностями должно быть то, что навсегда.

Попробуйте переменить своё сердце, особенно когда оно обижено. Ничего вы с ним не сделаете! Ум переменить можно: он знает, что обижаться — плохо, что жадничать, воровать — плохо.

Что значит прелюбодеяние у древних? Забежал к кому-то в дом — и всё. А Христос говорит обо всей человеческой жизни: если один раз сердце потянулось к чему-то чужому, значит, ты уже присвоил, украл, изменил. Эта заповедь призывает нас к верности и постоянству — в сердце.

Я бы мог сказать, что нет ничего более непостоянного, чем человеческое сердце, но на самом деле это не так. Нет ничего более постоянного, чем человеческое сердце, утверждённое во зле. Все наши вдохновения, подъёмы — это приманка, чтобы, в конце концов, обмануть. Никогда ни у кого не возникает желания остаться в высоком порыве: мгновение прошло — и порыва нет. А ведь это настоящая подлость — и мы ею живём.

Сколько раз нужно предавать человека, чтобы уничтожить его в своём сердце? Единственный раз. Посмотрим в наше сердце: сколько там предательств?

Ещё один интересный закон скрыт в этой заповеди: человек, преступивший, утративший жизнь, — перестаёт замечать и понимать её. Увидеть свою гнусность, измену он уже не может. А всё-таки иногда — замечает. И происходит это, когда Истина, Жизнь подходит к нему. Когда приближается Царство Небесное.

Тогда мы начинаем спрашивать себя: «Могу я жить иначе? Иначе выбирать, поступать?» И, переживая близость Жизни, понимаем: «Конечно». И тут рождается наше откровение: «Я сотворил зло перед Тобой, Господи!»